

РОСТ ТЮЛЬБЕРОВ

ОРДЕН-1

Здесь будет нормальная обложка,

когда у моей жены будут новые лёгкие

А что если мы ничего не придумывали? Мифы, поверья, священные писания и легенды лишь описывают то, что происходило на самом деле.

Но это — тайна. И охраняет её Орден — древнейшая из земных организаций, тысячи лет стоявшая на страже мира и покоя нашего вида.

Лиам всё глубже погружается в тягучий мрак своей судьбы. Родители оставили его так рано, в интернате его травили, на войне он нашёл и снова потерял себя. Теперь его всюду преследуют странные виденья и призраки убитых им людей. Всё это время что-то смотрело на него из темноты. Дверь приоткрыта и жизнь его уже никогда не будет прежней. От кошмаров он бежал на самое дно, заливался алкоголем и пускал героин по венам.

Так бы он и сгинул, если бы рука помощи не подняла его с глубины.

Время стать частью чего-то большего.

Предисловие

Посвящается моей Музе и её дыханию.

Сколько бы я не написал книг, я всё равно не смогу передать миру и миллионной доли твоей красоты.

Но я буду стараться.

Всё будет хорошо.

Дыши.

Медитация I. Смерть

Спутанность. Время больше не делится на отрезки, протекает сквозь тебя спокойной, безмятежной рекой. Звуки становятся глухими и сливаются в один общий шум. Глаза теряют фокус и начинают видеть полотно целиком, но как будто из-под толщи мутной и тёмной воды. Так проходят минуты, часы и дни.

Размытое пятно на стене. Мохнатый мотылёк расправляет крылья, но остаётся на месте. Словно вспоминает — выхода нет. Из своего угла он шепчет что-то и смотрит своими умными и странными глазами куда-то в самую глубину.

В этом месте ничего не меняется. Тюрьма не может испугать человека, который видел многое. Но вот оставаться наедине с собой и не иметь возможности забивать прожитое новыми ощущениями... неприятно.

В прошлый раз было хуже. Когда ты совсем маленький и только что потерял родителей, всё воспринимается острее. Предыдущей крайней точкой в его личной шкале безысходности значился частный пансионат «Мэнсон». Какой-то меценат и друг семьи посчитал, что там ему будет самое место...

Ублюдок. Вот бы держать эту дверь в памяти навсегда закрытой, но местная атмосфера то и дело возвращает к этим воспоминаниям...

Кроваво-красная кованая оградка, чуть более тёмного оттенка кирпич и белая вязь каллиграфии над крыльцом. Такие как он не могли попасть в «Мэнсон». Это привилегия детей политиков, богачей и знаменитостей. Маленьких мразей, которым никогда не отказывали и которым многое сходило с рук. У них были покровители. Их защищали. А его нет.

Ничего. Он научился сам. Выбрался, стал сильнее, но... снова взаперти. Фраза из рекламного буклета — «после Мэнсона все дороги мира будут открыты перед Вами...» теперь кажется забавной.

После выпуска его потянуло в армию. Хотелось научиться защищать себя и других, чего-то стоить и хоть как-то влиять на этот мир. Перестать быть чьей-то куклой для битвы.

И там он нашёл себя. Словно попал в другой мир. Люди не хотели затоптать его, между ними была какая-то непостижимая сила, общность, и под крики инструкторов и муштру он внезапно осознал себя... свободным. Да. Можно и нужно было жить. Развиваться, делать карьеру или же остаться в резерве и получить образование. Но он предпочёл проверить себя и при первой же возможности вызвался добровольцем...

Дурак. Война калечит не только тела. Первые годы казалось, что это пройдёт мимо. Это его призвание, и он со всем справится. Военные будни и лишения он переносил спокойно, словно воздух пропускал их через себя, пока не появились кошмары: сначала во сне, а потом и наяву. Он бежал от них сколько мог... Чудом удалось убедить психолога сохранить секрет — официально его военная карьера была закончена в связи с травмой колена и хроническими болями.

И вот он снова на родной земле, где ничего родного и знакомого нет. Первые шаги завели его в частную психушку. Там его должны были подлатать, ведь впервые с «Мэнсона» появилось ощущение, что он не справится. Но вместо этого — месяц в бреду под убойными препаратами, обрывки бесед с врачами и в группе, отвратительная жратва и ещё более отвратительная компания... И диагноз: посттравматическое стрессовое расстройство и

депрессия. Тс-с-с. Рекомендовано больше спать, принимать антидепрессанты и нейролептики, посещать группу поддержки для ветеранов. Не нервничать, не принимать алкоголь и убрать из дома всё холодное и огнестрельное оружие. Отличное начало новой жизни.

Решил остаться в Нью-Йорке. Здесь для каждого найдётся место. Снял квартиру и начал искать работу. Со старыми товарищами встречаться желания не было, хотя их связи и могли помочь. Устроился барменом в заведение под названием «Назарет». Что-то внутри щёлкнуло, когда он проходил мимо. Напомнило об отце?

Ритм новой жизни только сильнее раскрыл эту пасть... Галлюцинации не отпускали, становились всё реальнее и назойливее. Иногда бывало так страшно, что он не мог сдвинуться с места и нормально дышать. Таблетки делали его овощем, но не спасали. Только алкоголь помогал. Словно ставил барьер между этим миром и им.

На новой работе пить не воспрещалось, в меру конечно же. Клиентам нужны были собутыльники и слушатели. Какое-то время даже удавалось получать удовольствие. Никаких обстрелов и фугасов на дороге, много пустых разговоров, забавные судьбы посетителей, флирт с уставшими офисными львицами, размеренность и спокойствие.

Время шло. В колонках над головой звучало всё больше минорных нот, а публика вокруг становилась всё более декадентной. И как-то само собой он снова начал тонуть. Алкоголь перестал помогать, потребовалось что-то более весомое. Косячок тут, косячок там, сигарета на улице, пара пива, несколько шотов за компанию, таблетка экстази в пятницу для поднятия настроения, и дорожка амфетамина в субботу для бодрости.

Его уволили, когда героин уже плотно обвил щупальцами, подавил всякую волю и сопротивление, сделался смыслом и целью. Если говорить начистоту, он не видел в этом проблемы, скорее решение их всех. Никакой ответственности, никаких планов, никаких задач, никакого будущего, никакого прошлого. И никаких кошмаров. Только ежедневные мутные дела — всё ради дозы. Просто и понятно.

Мышцы испарились, оставив скелет обтянутый кожей, лицо стало бледным и болезненным, взгляд немного потух, но зрачки ещё подсвечивались угольками надежды. В тот день, выходя из своего клоповника, он улыбнулся этому отражению, ведь на руках уже была доза, и впереди ждала спокойная и приятная ночь.

Расслабился и не был готов к нападению. Люди в масках вломились в его уютный притон и положили конец затянувшемуся отпуску. Целью был только он. Руки вывернули так, что ещё немного, и они бы выскочили из суставов. Связали, напялили мешок на голову, бросили в машину и долго везли куда-то. Не били и не разговаривали. Да и не надо было — под дозой он и слова-то не смог вставить, не то что мешать им. Муторное воспоминание.

Он пришёл в себя уже голым, под бесконечным ледяным душем. Те, кто это делал, были профессионалами. Никакой жестокости, всё точно рассчитано и под полным их контролем. Два удара дубинкой по икре, тычок в живот, и вот он натягивает больничную сорочку. Строгий взгляд — и он не сопротивляется, пока врачи фиксируют его на койке и подключают капельницу. Сил огрызаться не было.

Ломать начало через сутки. И до этого были попытки завязать, но проходить через такое... это было сильнее его. Лучше никогда не слезать. Героин захватывал тебя раз и навсегда, достаточно было лишь одного свидания.

Тебя рвёт, выкручивает в разные стороны болью и спазмами, ты кричишь и мечешься, будто тебя режут на живую. Всё путается и смешивается в один повторяющийся день. Более

сильные личности ломались, пытаясь пройти через это. Превращались в жалкие подобию самих себя. Или же в них открывались настолько отвратительные стороны, что даже самые близкие и родные люди переставали их узнавать. Обезумевшие от болей, ослепшие и оглохнувшие в нескончаемой агонии, готовые на любые, самые бесчеловечные и жалкие решения. Лишь бы прекратить это, хотя бы на секунду.

Чудом он не опустил до такого. Не умолял, не просил пощады, не плакал. Самая маленькая в мире капелька достоинства всё ещё оставалась в нём, и он цеплялся за неё из последних сил.

Много... много повторяющихся дней кошмара. И вдруг — пробуждение. Всё тело ломит, липкий пот и пелена на глазах. Не хватает сил, чтоб сесть. Путь до туалета — всё равно что взбираться на вершину Эвереста без ног. Но эти ощущения, болезненные и неприятные, стали глотком свежего воздуха. Впервые за долгое время его голова оказалась на поверхности...

Окон в палате не было. Никакая это не больница. Его запирали, связывали, когда было нужно, и всё в сопровождении охраны. Никто не отвечал на вопросы.

После ломки и пары выверенных ударов, у него в расписании появились пробежки и лечебная физкультура в небольшом зале. А ещё спустя неделю начались медицинские тесты. Рентген, УЗИ, МРТ, другие странные аппараты, дыхание в трубки, осмотры, анализы крови и психологические тесты. Значительно больше, чем в армии. Приводили в форму и обследовали. Для чего? Будут допрашивать? В чём его обвиняют?

И вот уже два дня — тишина. Шесть лет в армии... Сколько раз его могли убить или взять в плен? Кто бы мог подумать, что это случится на родной земле...

Лиам Иезекииль Гадот. Младший сержант морской пехоты. Личный номер: 14-12-27. Родился 06.08.1992 года. Вот что он им скажет.

Резкий звук механизма двери заставил вздрогнуть. В глаза ударил яркий и мерцающий свет галогеновой лампы. На пороге камеры застыли двое. Женщина-врач, неприятная, холодная и отстранённая сука, для которой Лиам был лишь куском мяса. И какой-то совершенно новый персонаж.

Спорят о чём-то. Не слышно сути, но докторша пытается отговорить своего собеседника и «настоятельно не рекомендует...», но тот лишь отмахивается от неё и входит. Поток свежего и не спёртого воздуха бодрит, зрачки расширяются. Пятно на стене приходит в движение. Мохнатый мотылёк пользуется моментом и обретает свободу.

Сохранять спокойствие. На пороге гость замедлил шаг, застыл и впился взглядом в Лиаму. Жуткий. Тёмно-зелёная форма и чин полковника.словно паук, он прошёл внутрь и занял место напротив. Папка с шумом упала на стол, разделявший их. Дверь закрылась, и пространство комнаты сжалось ещё больше.

— Лиам. Верно? — тон гостя не был угрожающим или холодным, в нём скорее не было эмоций.

Лиам молчал. Он точно знал, что будет дальше. Его могут ошибочно подозревать в военных преступлениях или предательстве. Дело далёкое от гражданской судебной системы. Никто не будет его защищать, общественность никогда не узнает о том, что с ним сделали. Он ответит на множество однотипных вопросов, ответы вряд ли окажутся правильными, и за него возьмутся в полную силу. Пытка лишением сна. Лёгкое и не приносящее особого вреда избиение. Пытка утоплением, через полотенце. Снова черед одних и тех же вопросов. И так далее, по кругу, пока он не сломается и не скажет то, что они хотят от него услышать.

Но вот что тут делает полковник? Публичному человеку, с дальнейшей карьерой в армии не стоит заниматься подобной грязной работой. На его месте должен быть агент без имени и звания, о котором можно будет умолчать, как и обо всех его деяниях. Или он не тот за кого себя выдаёт? Актёр? Седые виски, вполне мог дослужиться. От него несёт военной муштрой и выправкой. Крепкий. Следит за собой. Форма без единой складочки и пылинки. Тяжело достичь такого результата, если не делаешь этого годами, изо дня в день и в этом вся твоя суть.

— Будешь отвечать? — прогнал воцарившуюся тишину полковник.

Лиам расправил плечи, поднял голову вверх и встретился с немигающими глазами гостя.

— Верно. Лиам Иезекииль Гадот. Младший сержант морской пехоты. Личный номер: 14-12-27. Родился 08.06.1992 года. Вы знаете кто я.

— Верно, — неприятно скопировал его голос полковник. — Как себя чувствуешь, Лиам?

— Лиам. Иезекииль. Гадот. Младший ...

— С тобой здесь не очень-то хорошо обращались, верно? — перебил его полковник.

— Верно, — холодно повторил Лиам.

Полковник встал, не торопясь прошёлся по камере, осмотрелся и навис над Лиамом.

— Как интересно. Столько перспектив, такой талант. И такая ошибка. Когда ты снял с себя ответственность за то, что происходит, Лиам?

Лиам опустил глаза, но лишь на секунду. Достойного ответа у него не было. Но стоило уже вступить в диалог и попробовать выиграть время. Или... ему уже не выбраться. И стоит проверить, взял ли полковник с собой на беседу своё табельное оружие.

— Вот он, — прошептал полковник. — Именно тот человек, с которым я надеялся встретиться здесь! Разбит, но не сломлен. Приятно познакомиться, можешь звать меня Карл. Ты помнишь своего отца?

Лиам не успел понять вопрос, но что-то вдруг поменялось в полковнике. Его тон... именно таким тоном Лиам однажды сообщал вдове о смерти своего сослуживца — Бенисио.

— А я помню, — помолчав, сказал полковник. — Хороший был человек. Расслабься. Никто здесь не причинит тебе вреда. Большого, чем ты уже причинил себе.

Последние слова полковник произнёс каким-то примирительным тоном. Почувствовал напряжение и готовность? Раскусил. Может, взгляд выдал?

— Вы знали моего отца? Что вам от меня нужно? — немного успокоившись, спросил Лиам.

— Знал, — впервые с начала допроса у полковника проступила улыбка, но такая... словно её вырезали ножом у него на лице. — Мы вместе служили. И тебя я тоже знаю, мы уже встречались.

Может и так. В памяти всплыл один семейный праздник, много взрослых гостей и парень с сигарой в голубой гавайской рубашке у бассейна. Только без усов, седины, с другой осанкой и очень весёлый, жизнерадостный. Не такой, как сейчас, но внешне похож. Или же это ложное воспоминание, рожденное опытным и ловким манипулятором? Отец никогда не был в армии.

— Мы с твоими родителями вместе работали, — полковник уставился в потолок. — То, что ты о них знаешь — это не совсем правда. Не были они журналистами. И смерть их была иной, не в аварии.

Лиам опустил голову, чтобы полковник не заметил тень улыбки, которую он не смог сдержать. Глупость какая, вот и попался этот манипулятор. Мама Лиамы дни и ночи проводила за компьютером — писала свои статьи. А отец, возвращаясь из командировок, даже дома не расставался с фотоаппаратом. У него была своя фотостудия, и весь дом был завешан его работами.

— Твоё появление было для них неожиданностью. В нашей работе семейные связи между коллегами не приветствуются. Как и дети. К сожалению, завязать они не успели.

Полковник говорил расслабленно, всё так же рассматривая потолок и не замечая улыбку Лиамы. Не похоже было, что он пытался в чём-то убедить Лиаму. Просто рассказывал свои байки.

— И что за работа? Хотите сказать, мои родители работали на правительство? — спросил Лиам, пытаясь показать заинтересованность.

— Что-то вроде этого, — уклончиво ответил полковник. — И это я позаботился о тебе, когда их не стало.

Лиам напрягся, словно пёс, который уже не лает, а готов к прыжку. Вряд ли Бенисио смог бы сдержаться. Он бы вскочил и уложил этого «благодетеля» одним ударом. Сильная провокация, ещё немного и Лиам бы накрыло. Глубоко же они копнули. «Мэнсон» уже не важен. Дела минувших дней. Теперь всё видится иначе — не зря он там отучился. Его мозг тренировался, словно тело культуриста, получил преимущество перед другими, обычными умами. Он использовал это преимущество в бою, и оно не раз спасало его жизнь и жизни его товарищей. Просто нужно забыть эти эмоции. Не реагировать.

— Что ж, спасибо, сэр, что позаботились обо мне, — холодно ответил Лиам.

— Не за что, — снова скопировал его тон полковник. — Но ты здесь не за тем, чтобы придаваться тёплым воспоминаниям.

Полковник раскрыл свою папку, достал несколько фотографий и аккуратно, по очереди, разложил их на столе.

— Это ты видел? — спросил он.

Лиам опустил взгляд на фотографии. Мутные, нечеткие, снятые на тепловизор с дрона, сплошные оттенки серого. Знакомое место. Абу-Кемаль, Сирия. Последняя боевая операция, в которой ему довелось участвовать. На секунду Лиам потерял самообладание и впился глазами в изображение.

Этого не должно быть на фотографии. Размытый силуэт на фоне руин. И он принадлежит явно не человеку. Слишком длинные конечности. Слишком изогнуты. Слишком высокий рост. Что это?

Всего лишь короткий миг. Светло как днём, Лиам в воронке от взрыва, вжался в землю и осматривает окрестности через прицел винтовки. Прибор ночного видения пришлось снять, спереди было жарко и светло как днём — в воздух летели ракеты и трассирующие пули.

Как это иногда бывало, простая разведывательная операция и последующий штурм городского квартала, превратились в настоящий кошмар. Они с напарником то ли отстали, то ли ушли слишком далеко вперёд. Связи не было. И не было ясно, продвигаться дальше, менять позицию или отступать. Бенисио... Нет, Бенисио уже не было... Рикс хотел забраться на крышу здания и осмотреться. Бой шёл уже несколько часов и не думал заканчиваться. Нужно было что-то делать.

На несколько минут Лиам остался один. Движение справа, едва уловимое. Что-то

выхватило из развалин зданий одно из тел и быстро уволокло в темноту.

Примерно три секунды. Достаточно, чтобы моргнуть и понять, что это не блик от взрыва или какой-то оптический эффект. Достаточно, чтобы определить расстояние до цели по предметам окружения. Понять, что цель ростом в два с половиной метра, а её конечности не соответствуют пропорциям человеческого тела. И двигалось ЭТО значительно быстрее, чем смог бы человек.

Разумного объяснения не было. Затяжная операция, четвертая командировка, усталость. Накануне он слышал от местных бредовые истории о нечистой силе, что встречается среди руин. Может, поэтому. Мозг просто играет с ним.

— Да. Похоже оно самое. Ты не сумасшедший, Лиам. И ты будешь вынужден принять эту мысль. Это реальность. И это то, чем занимались твои родители. Более того, даже твои видения реальны. Ты не сумасшедший. И никогда им не был. Просто у тебя дар видеть больше, чем остальные люди.

Лиаму никак не удавалось проглотить комок в горле. Словно тебя сбросили с крыши, ты болтаешься в воздухе и ждёшь удара, но земли всё нет. Допрашивали психолога? Это уже слишком. Незаконно. Что на фотографии?

— Существуют некоторые правила. Я показал тебе больше, чем разрешается. На этом мы закончим, ты свободен. Как дальше жить с этой информацией — решать только тебе. Ты можешь вернуться в ту дыру, где я тебя нашёл, снова начать употреблять и сгнить заживо. Врачи не думают, что ты сам сможешь завязать и вернуться к нормальной жизни. Ни с твоим даром, ни с твоим статусом. Всё зашло слишком далеко и сам ты не выкарабкаешься. И вся эта реабилитация — они думают, не поможет тебе надолго. Ты вернешься к наркотикам, если что-то не изменить. Ты умрешь.

Тяжёлое и непонятное воспоминание не отпускало. Голос полковника звучал откуда-то издалека.

— Или ты можешь пойти со мной и получить свои ответы. Твои родители не хотели, чтобы ты когда-нибудь открывал эту дверь. Но у Вселенной и у меня на твой счёт иные планы.

Отвести взгляд от фотографии было непросто. Как и начать говорить. Ничего не приходило в голову. Если решения не было, Лиам предпочитал действовать и смотреть, что будет дальше.

В дороге Лиама мутило. Почти четыре часа он ехал на заднем сиденье и пытался спать. Полковник с ним не разговаривал, постоянно тыкал свой планшет, читал сообщения, смотрел графики и карты.

Он больше не казался жутким, не было в нём зла. Скорее усталость и безразличие человека, на плечах которого держалось слишком многое.

Машина остановилась. Лиам вырвался из неприятной полудрёмы и вздрогнул. На расстоянии вытянутой руки от окна возвышался кроваво-красный забор с уже знакомым рисунком. И такая же бесконечная зеленая лужайка за ним. Только герб и каллиграфия другие. Университет «Дарем».

Вылезти из машины навстречу этому забору оказалось непростым делом. Тело плохо слушалось и постоянно мучила жажда. Общая паршивость после ломки. Может быть, Лиаму было легче после «лечения», а может быть, его тело сейчас сломается. Стоит поблагодарить полковника в любом случае, сам бы он никогда не слез. Скорей бы забыть о необходимости

думать каждую минуту о героине и похоронить всё, что с ним связано поглубже внутри себя.

"Дарем" не казался чем-то необычным. Пафосное учебное заведение, как с рекламного буклета. Излишне вычурный и прилизанный для такой глубинки. Место для «элиты». Знакомо. За весь путь им встретилось всего несколько студентов и преподавателей. Необычно — учебный год только начался.

Преодолев несколько длинных коридоров и лестниц в растянувшемся центральном здании, они остановились около совершенно обычной двери кабинета.

— Эй, Калхун, ты занят? Можно? — постучался и приоткрыл дверь полковник.

— Да, заходите. Могу сказать, что я вас не ждал. Чем обязан? Давненько ты не появлялся, Карл. Зазнался что ли? — ответил ему полненький человек с ухоженной бородкой, в потрёпанном пиджаке.

— Тише, Калхун. Я по личному делу. Это кандидат. Я хочу, чтобы ты ввёл его в курс наших дел. Лиам, это профессор Калхун.

— Что? Личное дело? Ба-а-а, а вот это интересно! Никогда не замечал за Вами, полковник, ничего личного, — заинтересовался профессор и отложил свои бумаги. Никакого страха или дискомфорта от полковника он не испытывал. — Итак? Ответы будут? Почему привёл ко мне? Для этого есть специальные люди. Что за птенец? Матерь Божья, неужели твой бастард?! Всегда знал, что этот момент настанет.

— Это сын Абигейл, — отрезал полковник.

— Оу, — улыбка исчезла с лица профессора. — Печально. Собираешься сделать его ещё одной жертвой во имя прекрасного и безопасного мира? Хочешь, чтоб я поучаствовал в этом?

— Лиам, выйди на минутку, — скомандовал полковник, и Лиам послушно покинул кабинет.

Подслушивать о чём идёт речь желания не возникло. Мозг был больше сосредоточен на борьбе с тошнотой. Несмотря на всю муторность, его сознание просыпалось. словно маленький зверёк после зимней спячки, оно не хотело покидать тёплое и безопасное место.

Минуты три Лиам глазел в окно. Внизу, на поляне, группка студентов увлечённо слушала лектора. Куда более приятный вид, чем серые стены его камеры. И небо приятно видеть. Скоро он почувствует себя намного лучше. Вот бы сигарету.

Дверь открылась, полковник пригласил его назад, к помрачневшему профессору.

— Вообще, я таким особо не занимаюсь, — профессор оглядел Лиам и указал на стул. — Ещё раз, полковник, даёте ли Вы разрешение на раскрытие информации?

— Да. Приступайте. Не жалея его.

Профессор покинул стол, размялся, подошёл к окну и какое-то время смотрел на улицу. Собравшись с мыслями, он вернулся, извлёк из серванта пару стаканов, налил в них тёмный напиток из графина, отхлебнул и поставил второй стакан напротив Лиам.

— Значит, ты уже что-то видел? Понятно-понятно. Подумать только, лет тридцать назад я был на твоём месте. И до сих пор не могу поверить. Итак, всё, что ты знаешь о мире — это ловкая ложь...

Медитация II. Вуаль

— То есть Вы хотите сказать, что люди ничего не придумывали, и всё ЭТО существует? — Лиам ещё сильнее развалился на неудобном стуле, нахмурился и закинул руки за голову.

— Именно об этом я тебе и говорю. Уже час, — три порции тёмного напитка заставили Калхуна немного «устать».

— Не. Бред, — отмахнулся от него Лиам.

— Надо было в приёмник его тащить, Карл. Чтоб сам всё увидел, — пожаловался профессор полковнику.

Полковник смотрел сквозь них, будто бы выслушивал какие-то несущественные доклады своих подчинённых. Калхун и не думал сдаваться.

— Давай заново. Ты не человек науки, это очевидно. Но ты же понимаешь, что весь мир не ограничивается нашей планетой. Только наблюдаемая Вселенная насчитывает сто семьдесят миллиардов галактик, а в каждой галактике может вмещаться до четырехсот миллиардов звезд. Можешь себе представить?

— Не особо. Но, допустим, — Лиам потер глаза.

— Глупо было бы думать, что мы в масштабах Вселенной являемся чем-то уникальным. Это совсем не так. Помимо нас может существовать что-то ещё. Верно?

— Ну, это я ещё могу себе представить. Мы не одиноки, — устало согласился Лиам.

— Верно. Всё было бы хорошо, если бы это «что-то ещё» было бы далеко от нас. Но и это не так.

У полковника в очередной раз зазвонил телефон, и он покинул кабинет. Профессор проводил его недовольным взглядом и продолжил:

— Мы не только не одиноки — мы не первый разумный вид на Земле. До нас было много чего интересного, но самое интересное случилось в самом начале... Мы считаем, что очень давно нашу планету посетила более развитая цивилизация. Мы называем их Древними. Для своих путешествий Древние не строили космические корабли. Им это было не нужно. Скорее всего, пространство и время были для них категориями незначительными. Древние оставили нам удивительные свидетельства своего существования — Врата. Двери между мирами.

Брови Лиама снова поползли вверх. Подобные разговоры у него уже случались. Только вот в прошлые разы, собеседники были, мягко говоря, под кайфом, и их теории были ещё более безумными.

— Построив Врата, Древние оставили выходы из нашего мира. В случае, если сама жизнь или существование нашего вида будет под угрозой, мы смогли бы бежать в иную комфортную среду обитания. Теоретически... Мы думаем, они посетили большинство миров на которых когда-либо могла возникнуть, возникла или уже погибла жизнь. И все эти места они объединили, создав Цепь Миров, или по-старому — Иггдрасиль. Древо миров.

Профессор открыл ноутбук и некоторое время рылся в нём, затем резким движением повернул его к Лиаму. Экран пестрел свалкой непонятных Лиаму уравнений, графиков и расчётов.

— Это сигнатура Врат, их след в нашем мире. Мы до сих пор не понимаем, что они из себя представляют. Это точно не трехмерный объект, измерений в нём куда больше. И они

не могли быть созданы природой. Как они были сделаны и как работают, до сих пор загадка.

Информация на экране не сделала их разговор понятнее или адекватнее, Лиам слушал всё это скорее из уважения и не верил ни единому слову. Да кто бы поверил?

— Миры, расположенные по ту сторону Врат — это не соседние планеты. Мы не смогли определить положение хотя бы одного из них в нашей Вселенной. «Соседние» миры объединены в группы по схожим условиям при создании жизни — сила тяжести, состав атмосферы, температура, давление и прочее. Но чем дальше от Земли, тем страннее. Физика, химия и само пространство-время могут существенно отличаться от наших. Это означает, что Врата ведут не только в нашу Вселенную — есть и другие. Бесчисленное количество миров. И все они — обитаемы или были обитаемы, все имеют свою идентичность и не похожи на друг на друга, — добавил профессор и таинственно замолчал, изучая Лиам.

— Через Врата, — продолжил он, — могут проходить только разумные формы жизни, обладающие даром самосознания. Не только люди, но и, как выяснилось, дельфины и слоны. Даже некоторые собаки и кошки! Всё, кто могут осознать себя, узнать в зеркале, могут видеть и Врата. Интерпретировать их в своем сознании как привычную нам дверь или проход. И это было бы очень круто, если бы не одно "но". Не только мы можем проходить через Врата.

— Ага. Вот мы и снова добрались до этого пункта, — вздохнул Лиам, профессор улыбнулся ему и с придыханием снова завёл свою шарманку:

— Всё странное, мистическое и сверхъестественное, о чём ты когда-либо слышал — всё это существует. Драконы, ведьмы, феи, вампиры, демоны и даже жопоголовые лягушки. Всё, что казалось плодом воображения человека — существует... Мы ничего не придумывали. Просто описывали то, что видели, пускай с искажениями, проблемами восприятия, «испорченными телефонами» и долей преувеличения.

— Стоп, — отрезал Лиам. — Думаете, я Вам поверю? Если всё это, как Вы говорите существует, то где оно?

— Ближе чем, ты думаешь, — вернулся полковник. — Ты же сам всё видел.

Лиам заткнулся.

— Существование Врат порождает массу проблем, — продолжил профессор. — Похоже, Древние были на том этапе развития, когда из их культуры исчезло само понятие конфликта. Думаю, они были уверены, что делают доброе дело, и все мы будем жить в мире и согласии, помогать друг другу и развиваться совместно. Но дела обстоят немного не так.

Всё это время Лиам внимательно наблюдал за собеседниками, и тщетно пытался найти в их поведении, мимике и жестах какое-то несоответствие. Но полковник и профессор верили в то, что было озвучено.

— Лиам, мы окружены, — сокрушался Калхун. — Миллиардами конкурирующих видов, для которых мы просто куски мяса, животные, насекомые или даже бездушные предметы. А некоторые пройдут по нам и даже не заметят. И мы никак не можем на это повлиять. Эти двери не закрыть. Вот что тебе предложил Карл. Вот какую спасительную ветвь он тебе бросил. Мы никакой не венец природы, мы не величайшая нация, мы никто. Муравейник посреди лесного пожара.

— И что? Бог тоже существует? — помолчав, спросил Лиам.

Внутри ещё теплилась надежда, что всё это долгий наркотический сон. Если он проснётся, то больше никогда не поддастся на уговоры своего пушера попробовать этот «космический коктейль».

— Бог? А ты хорош! Гены берут своё. С Богом всё сложнее, — профессор странно посмотрел на Лиаму. — Мы думаем, все религии мира говорят об одном и том же. Сотворение и Начало. Разные народы использовали привычные им понятия и определения, чтоб описать этот процесс. И если версии христиан или эскимосов в наше время выглядят несуразно, то вот индуистская ветка уже создает вопросы. Откуда в древних свитках появились понятия, схожие с Большим Взрывом, и описания стадий развития Вселенной, протяженностью в миллиарды и триллиарды лет? Как они могли придумать это? Как древние греки пришли к теории атомов до изобретения первых микроскопов? Ответ прост — ничего они не придумывали! Они взяли эту информацию из какого-то источника. Наша Вселенная не могла родиться из ничего, не могла стать такой, какой стала, в результате... случайностей. Какова вероятность?.. Нет. К её появлению привела огромная цепочка железных причинно-следственных связей. После Большого Взрыва были определены такие физические параметры, что всё сущее не разлетелось к чертям в разные стороны. Сформировались звёзды, и из их недр вдруг родились химические элементы, обладающие свойством вступать в реакции между собой. Почему именно так? Затем сформировались планеты, обросли атмосферой, и условиями, при которых химические элементы вдруг превратились в жизнь. В жизнь, которая сразу обладала способностью к дальнейшей эволюции. Никаких случайностей, скорее программа всеобщего развития и усложнения форм. Это программа, которой следует ВСЁ... словно единый живой механизм. Заглянуть дальше границ нашей Вселенной мы не можем, поэтому мы считаем, что Вселенная это и есть Бог.

Профессор помолчал, задумался и ещё раз промочил горло.

— Это то, над чем сейчас работает официальная наука, над видимыми нам вещами. Но, кроме них, есть ещё и невидимые. Каждый такт Вселенной, всё материальное формируется, проецируется и детерминируется из общего энергоинформационного поля. Мы все лишь его тень и отражение. Но вне его проекции, в самом поле формируются сложные структуры: целые миры и их обитатели, не имеющие физической оболочки. Такие миры мы называем Планами, а их обитателей Сущностями. Иногда они обладают разумом, значительно превосходящим человеческий. Известный тебе христианский Бог как раз оттуда. Как и все остальные.

На этом месте Лиам полностью осушил предложенный стакан. Лучше бы он додумался найти туалет и напиться воды из-под крана. Дешёвый виски обжёг рот и оставил неприятный привкус.

— Мы называем себя Орден или Организация, — профессор уперся в Лиаму взглядом. — Тебе это название покажется глупым, но именно наши предки дали человечеству эти слова и их смысл. Инструмент, закон, объединение, порядок, коллектив. Две тысячи лет назад группа людей, которая занималась сохранением истории и знаний, накопленных человечеством, решила, что интервенция других видов из Врат может уничтожить нашу цивилизацию. Как это уже случалось пять или шесть раз до этого. Эту борьбу мы продолжаем сегодня. И...

— Я ожидал от тебя большего, Калхун. Я думал, ты сможешь разложить всё парню по полочкам. Мы три часа сюда ехали, — прервал его полковник.

— Смешной ты, Карл. Как будто кто-то сможет это всё разложить. При нынешнем уровне прогресса, приходите лет через двести. В следующий раз используй обычную агитку про спасение мира и страшных чудовищ. Парень же солдат. Что тебе не понравилось?

— Он не солдат, а морпех. И на агента проходит. Моё чутье говорит — вырастет до старшего. Никто и не планировал его в пушечное мясо превращать, — полковник повернулся к Лиаму.

— Надеюсь, что-то из услышанного хотя бы частично влезло в твою голову. Соберись, сынок. Я предлагаю тебе работу. Работу всей твоей жизни, для которой ты идеальный кандидат. Несмотря на весь твой «багаж». Ты можешь отказаться, забыть всё, что ты здесь услышал и пойти своей дорогой. А можешь подписать контракт. Оплата и пакет более чем достойные. Но эта работа — опаснее всего, чем ты занимался в армии. Если не устроит — всегда будет возможность сменить деятельность на более спокойную. Я думаю, это именно то, что тебе нужно. Ты будешь при деле. Что скажешь, морпех? — подытожил полковник.

Впервые за долгое время в жизни Лиам происходило что-то интересное. Он недолго поводит пальцем по горлышку стакана и прокашлялся. По крайней мере, у него есть выбор. Вот бы сигарету...

Восемь недель "курсов переподготовки" пролетели как один день. Но этот повторяющийся день привнёс в жизнь Лиаму то, чего ему давно не хватало. Покой. На горизонте показалась хоть какая-то цель, пускай совсем непонятная, но она была. Так жить было проще. Лиам снова становился инструментом в чьих-то руках. Качественным, идеально заточенным, крепким, надёжным и удобным инструментом. И его это устраивало.

Первые тренировки лёгкие наливались свинцом и просились наружу, в ногах проявлялась предательская слабость, прошибал неприятный пот, темнело в глазах.

Инструктор был немногословен и сдержан, тело и лицо его были словно выточены из камня. В глаза его было страшно смотреть. Там застыли десятки мёртвых тел, убитых врагов и товарищей. В них застыл страх, от которого нельзя было уйти, спрятаться или убежать. Постоянная готовность бороться за свою жизнь. И ожидание, что вот-вот что-то пойдёт не так. Человек вроде и жил, что-то делал, разговаривал, ел, спал, работал. Но стоило посмотреть чуть в глубину и становилось понятно — его здесь нет. Он навсегда остался ТАМ. У Лиаму не было и тени вопроса, что этот человек делает один в глуши, и почему он посвятил свою жизнь военной подготовке.

Как только светало, инструктор выходил из своего полевого домика и приветствовал рассвет. Казалось, он совсем и не спал, что могло быть истиной. У Лиаму тоже бывали такие периоды.

В конце первого дня, оглядев лагерь в глуши, Лиам с трудом переборол желание уйти. Всё это было похоже на подготовку террориста. Может, ему пытаются промыть мозги? Очень странным и оригинальным способом. Можно же было выдумать что-то менее тупое? Но эта волна сходила на нет уже с началом утренней пробежки. К счастью для измученного организма, физических нагрузок были терпимыми. Немного бега, турников, отжиманий и знакомых армейских комплексов. Тело снова становилось железным. Способным бежать весь день, лежать в неудобной позе часами, поднимать тяжести и выполнять задачи на пределе, значительно выходящим за инстинкт самосохранения. Чувство слабости уходило. Возвращалась способность перешагивать через себя. Не хватало этой силы внутри.

Никогда ещё Лиаму не доводилось стрелять так много. Огневая подготовка была дорогим делом, но денег тут не жалели. Из разного оружия, с разной дистанции, под внимательным взглядом и редкие комментарии инструктора, Лиам стрелял днями напролёт. Как только форма начала к нему возвращаться, задания усложнились. Лиам штурмовал

тесный муляж здания, неподвижные цели сменились на подвижные, и механизмы их мелькали с ужасающей скоростью.

Самое интересное происходило в конце дня. Рукопашный бой. Лиам уделил немало времени боевым искусствам во время службы. Даже получил свой коричневый пояс. Но лишь в качестве разгрузки и хобби. Инструктор был несокрушим. Раз за разом, с голыми руками или ножом Лиам нападал на него, но всегда терпел болезненное поражение.

Спустя пару недель Лиам привык к ссадинам и синякам, а нож в его руке сменился на настоящий. Это было жутко и запредельно опасно. Лиам так и не смог хотя бы раз задеть инструктора, даже в ходе случайной и непредсказуемой атаки. Лезвие же его противника всегда останавливалось в миллиметрах от артерий и сухожилий Лиама. Жёсткая школа, но эффект был достигнут. Лиам перестал бояться быть раненым или ранить ножом другого человека. Полезный навык, правда, лучше бы он никогда не пригодился.

Спустя восемь недель в лагерь въехал внедорожник и высадил другого парня. Лиам собрал вещи, пожал руку инструктору, отдал ему честь, кивнул, сел в машину и уехал...

Его следующим пунктом назначения стал уже знакомый университет «Дарем», расположенный на удалении от городка Гринволл. Получение образования в планах не было, но приказ есть приказ.

Лиам попал в небольшую, смешанную группу. Пара студентов, бывший коп, офисный червь и какое-то совсем уж юное дарование. Студенты здесь не пили, не курили, не делали селфи, не болтались по коридорам, не отрывались и не прогуливали занятия. В первые две недели Лиам увидел всего одну нервную сигарету. И так было значительно проще держать себя в руках.

Студенты общались неохотно, были сконцентрированы, даже непривычно холодны. Особенно молодые и не успевшие пожить другой жизнью. Похоже, их готовили с детства. Иногда до Лиама доходили обрывки их историй — не только он столкнулся с чем-то выходящим за рамки.

Оценок на занятиях не ставили. Преподаватели пытались найти к каждому студенту такой подход, чтобы он усвоил максимальное количество материала. А его было очень много.

Истинная история человечества, изученный состав Цепи Миров, теория Врат, конкурирующие виды, теория магии, межвидовые коммуникации, ксенобиология, Теория Единого Поля, история и состав Ордена и много чего ещё. Большинство предметов носило явно ознакомительный характер. Слушателей курсов погружали в среду предстоящей работы. Часть предметов касалась военного дела и противоборства интервентам — им Лиам посвящал максимум своего времени и внимания

Читать в таких количествах было непривычно, физически и морально тяжело. Нагрузка на развивающих курсах морской пехоты была несоизмеримо ниже. Ощущение дискомфорта и переломного момента в жизни иногда зашкаливало.

Когда мозг Лиама уставал, он начинал загружать своё тело. Само по себе в нём родилось давление. Война против людей была ужасным испытанием для личности. Столько хаоса, неопределенности и такой маленький вклад одного морпеха. А теперь речь шла о бесконечных пространствах и врагах, в сравнении с которыми вся военная мощь армии США была лишь пшиком. Это пугало.

— Ответьте, как Вам удается скрывать всё это? — поинтересовался у лектора бывший

коп.

— Популярный вопрос, неофит! — улыбнулся ему лектор, приятный парень чуть за тридцать. — Восприятие мира каждым человеком субъективно. В эзотерических учениях встречается интересное понятие — точка сборки. Представьте себе картину своей жизни. Вот вы, вот ваша семья и её история, ваши школьные знания, информация из книг, фильмов, музыка любимых исполнителей, содержание выпусков новостей и разговоры людей вокруг.

Под редкие смешки, лектор старательно вырисовывал на доске карикатуру на автора вопроса и на всё, что могло бы его окружать.

— Наблюдая эту картину изо дня в день, вы видите лишь маленькую частичку пазла, которым является наш мир. Куча вещей, происходящих вокруг, не попадает в ваше поле зрения. Не ясно, чем занимаются соседи за закрытой дверью. Может, дома вас ждут родители, а может, они совсем чужие люди, которые усыновили вас или даже похитили в детстве. Не ясно, чем занимается кошка, когда выбегает на улицу или собака, которая иногда так странно и осмысленно смотрит на вас. Про научные понятия, вроде химических реакций или электричества можно вообще не упоминать. Вы не можете их увидеть и потрогать. Но обо всём вы имеете своё представление, своё виденье, полученное на основе собственного опыта и других источников. Вы свято верите во многие вещи, не зная их истинной природы. Это ваша точка сборки — ограниченный угол, с которого вы наблюдаете мир, и то, каким вы видите себя в нём.

Лиам задумался и уставился на забавную картинку с доски, которую он срисовал автоматически. Что он знает о мире? Лиам не смог поместить рядом с собой ничего существенного. Человек, стоящий в пустоте. Если убрать армию, наркотики и призраков, что останется?

— Пока ты идёшь на свои занятия, уставившись в телефон, над твоей головой может пролететь летающая тарелка, — лектор провёл рукой над головой одного из студентов, изображая полёт. — А ты этого даже не заметил. Ты не смотрел вверх в тот момент. А потом, ты услышишь разговоры тех, кто её видел и сделаешь вывод, что все они сумасшедшие. У тебя нет инструментов, чтобы проверить истинность своих суждений. Так вот, Организация старается поддерживать нужную картину мира, чтобы в ней большинству людей было комфортно. А остальные вещи старается скрывать и не показывать.

— Стоп, пришельцы тоже есть? — удивился коп, посыпались смешки, но лектор ничего не ответил.

— А что будет, если правда вскроется? — прервал смех молодой, хорошо одетый мажор из переднего ряда.

— В лучшем случае — абсолютно ничего. Наша способность к адаптации невероятна. Если завтра правительство скажет, что существуют драконы, и они теперь будут летать над городами — это взорвёт мир. Сенсация! Шок! Но продлится это недолго, спустя несколько недель люди начнут привыкать. В их картину мира добавятся драконы. С ними будут снимать фильмы, музыкальные клипы, несколько драконов станет знаменитостями. Появятся фанаты драконов, ненавистники драконов, драконьи расисты и борцы за права драконов. Но суть нашей жизни останется прежней, — лектор немного помолчал, задумался и продолжил:

— А может быть, мы спокойно примем всех этих существ, как Европа приняла беженцев из стран Востока. С ними будут проблемы, но со временем они станут тем же, чем стали ирландцы, мексиканцы и афроамериканцы. Частью нашего общества, гражданами

нашей страны. И заметьте, про первых вы уже ничего не слышите. А в этом маленьком городе их больше, чем мексиканцев. В худшем случае мировой порядок просто рухнет. И на его месте воцарится хаос, общество падёт, прогресс остановится. Не будет армии, правительства, экономики, технологий, Интернета, медицины. Власть могут захватить интервенты. И они не будут заинтересованы в нашем развитии и выживании. Мы утратим идентичность и станем рабами другого вида или видов, такое уже случалось в нашей истории. Мы можем вымереть, как и все девяносто девять процентов животных, живших до нас.

Хм. Мир очень хрупкая вещь. Лиам видел это своими глазами. До войны сирийцы жили нормальной и понятной ему жизнью. Получали образование, работали, строили дома, отдыхали, смотрели фильмы, рожали детей и заботились о них. А потом всё это закончилось.

— В известной нам части Цепи Миров наша цивилизация является уникальной. Другие виды превращаются либо в совершенные машины выживания, либо развивают разум, способный менять материю. Мы единственные, кто идёт по пути технического прогресса, и достигли в этом значительных успехов. И нам не нужно влияние извне, оно нас уничтожит. Поэтому у Организации есть инструменты для сокрытия правды. Мы контролируем СМИ систему образования, производство фильмов, книг, религии и прочее. Вся масс-культура и всё, что происходит в мире. Есть даже магический аспект, которого мы касаться не будем. Совокупность этих мер называется Вуаль. Тонкий кусочек ткани, брошенный нам на глаза, чтоб мы не прозрели.

— Ну а как же всякие исследователи тайн? Журналисты? Все эти статьи про иллюминатов, пирамиды, рептилоидов, призраков, правительственные заговоры? — спросил офисный червь.

— Примерно десятая часть этой информации правда или почти правда. Некоторые вещи не особо скрываются. Я бы не стал относиться ко всем подобным заявлениям серьезно. Если они и имели под собой какие-то факты, то сейчас они уже сильно искажены фантазиями цепочки людей, по которой эти факты передавались. Это не должно вас волновать. Мы не доживем до момента, когда люди будут готовы справиться с истиной. Но в наших силах сделать так, чтобы наши дети и дети наших детей дожили. Это наша с вами персональная ответственность, сколько бы людей её на себя не взяли, их может оказаться мало, — лектор остановился, посмотрел на часы и прокашлялся. — Наше время, когда-нибудь может закончиться, если мы не изменимся. Как время нашей лекции, например. Свободны.

Обычно группа расходилась в молчании. Система их Мира, заботливо возводимая с самого детства и пустившая свои корни глубоко в голову, теперь давала трещины и рушилась.

Медитация III. Клятва

Утренняя пробежка быстро въедается в ежедневные привычки. Отличная альтернатива сигарете до первой чашки кофе. Бег даёт лёгкость и не только физическую, помогает снимать напряжение.

Лиам оказался не первой ранней пташкой в душевой общежития. Его новый сосед, Айк, задумчиво сидел и крутил в руках опасную бритву. Его лицо было выбрито только наполовину.

— Эй, Айк, ты в норме? — спросил Лиам, но Айк не ответил.

Лиам снова позвал его, Айк повернулся и уставился на Лиаму какими-то опустошенными глазами.

— Да. Просто день такой... Знаешь... Четыре года назад я... чуть не покончил с собой, — вдруг пробормотал он. — Стресс из-за поступления в университет. И девушка бросила. Такое давление. Я чуть не вскрыл себе вены, не знаю, что меня тогда удержало. Глупо так. Сидел в ванной и смотрел вот на эту бритву, подарок отца. Я думал, если сделаю это — всё закончится. А теперь выходит, ничего бы не закончилось. Куда бы я попал тогда?

Вчера у них было четыре лекции подряд на тематику религии и жизни после смерти. Лиам их почти не запомнил, такие материи тяжело удерживать в голове. А вот Айку они явно не пошли на пользу. Надо бы помочь парню.

— Я тоже мог кончить плохо, — признался ему Лиам. — Если ты не знал, я был на войне и потом стал наркоманом. А ещё меня иногда мучают кошмары.

— И как ты справляешься? — опустив глаза, спросил Айк.

— Понятия не имею. Не думаю, что я справляюсь. Оставь прошлое в прошлом. Старайся не думать о плохом.

Лиам вздохнул и замолчал. Советы другого человека бессмысленны. Но само внимание, доброе слово и искренность могли помочь.

— Хочешь, прогуляемся в город? Выпьем по паре пива, поговорим обо всём? — бодро спросил Лиам, хотя у него самого кошки скребли на душе.

Айк отрицательно махнул головой, Лиам долго смотрел на него, затем вздохнул, похлопал по плечу и пошёл в душ. Нужно освежиться перед занятиями. С этим парнем всё будет в порядке, он присмотрит. Когда Лиам закончил, Айка уже не было.

Айк попал сюда из Калтеха. По его словам, курсы математики и физики давались ему куда проще, чем местные дисциплины.

— Итак, внимание. Это занятие будет посвящено краткой истории и составу Организации. За время своего существования Организация принимала множество форм: регулярная армия, ячейка сопротивления, группа фанатиков, секта, отряд наёмников, тайная ложа, и прочее, — говорил худой лектор в очках. — В нынешнем воплощении мы обкатываем новую форму коллектива. Саморегулирующееся «живое» существо, собранное из индивидуумов. Где каждый является миниатюрной копией организма и способен менять своё предназначение в зависимости от внешних условий (как стволовые клетки, к примеру) и выживать самостоятельно. Членов Организации объединяет общий тип мышления и знание истинного положения вещей. Все посвящённые способны взять на себя ответственность за судьбу вида и поставить интересы всего человечества выше своих.

Разумеется, лишь небольшой процент людей способен на такие жертвы. Но посвящённых нам хватает, и их количество будет только расти. Остальное — за развитием человеческого сознания, науки и кучи сопутствующих технологий.

Лиам оглядел аудиторию. Айк не явился на лекции. Может быть, он просто собрал вещи и ушёл. Не справился. Такое бывало.

— Организация децентрализована и разделена на бесконечные сегменты, объединённые по своим целям и предназначению. Ни одна база данных не хранит точных сведений о составе и численности Ордена. Это касается и подконтрольных нам объектов по всему миру. Самой крупной структурной единицей является Отдел, территориальной — Отделение. Отделения создаются в особо напряженных местах, где присутствие Организации жизненно необходимо.

Чтоб не думать об Айке, Лиам погрузился в лекцию и старался не клевать носом. Айк не был ему боевым товарищем, но Лиам уже не мог иначе относиться к людям, с которыми оказался в одной лодке.

«Первый и самый важный — Отдел Управления. Мозг организации. Решения принимаются путем голосования с помощью современных технологий связи. В случае отказа систем, руководители берут управление под свою ответственность. Часть управленцев находится в спящем режиме, и несёт дублирующую функцию, на случай нанесения удара по руководству — «обезглавливания». Для облегчения взаимодействия в нашем разделённом мире, часть руководителей занимают посты в правительствах и вооруженных силах ключевых государств.

Второй Отдел отвечает за Связь и Наблюдение. Нервная система и органы чувств Организации. На данный момент в Ордене действует единая система связи и управления «Центральная». Как вы уже понимаете, Организация старается отслеживать всё — от деятельности иномирцев до настроений в обществе людей. Официальный язык — английский, но в некоторых регионах ещё преобладают родные языки — китайский, русский, немецкий, испанский и прочие.

Отдел Разведки и Военных Сил. Реакция на раздражитель, иммунный ответ. Профессиональная, экипированная армия для защиты нашего мира. В их обязанности входит многое: от охраны незначительных объектов до военных операций континентального масштаба. Помимо собственных отрядов, Третий Отдел может задействовать любые военные силы или объекты всех армий мира...»

Вот так вот. Лиам вспомнил, что во время операции в Сирии, потенциальные враги и политические соперники, Россия и Китай, удивительно точно координировали удары с НАТО.

«Научный Отдел разбирается со всем, что падает нам на голову и пытается понять, как всё устроено. Разрабатывает инструменты, необходимые нам в работе и предоставляет экспертов из любых сфер.

Отдел Добычи Ресурсов и Производства привлекает в Организацию денежные потоки и рабочую силу, запускает производственные линии и снабжает Организацию всем необходимым от воды и лампочек до авианосцев и крепостей. Самый большой отдел Ордена. Многие его члены простые рабочие, которые и не догадываются о тайном знании.

Отдел Снабжения осуществляет для Организации всю логистику. Очень тесно сотрудничает с ресурсниками.

Отдел Устранения Последствий организует работы по уничтожению следов самых

мелких инцидентов до восстановления целых городов и стран после крупных. И я надеюсь, вы такого не увидите.

Отдел Поддержки Вуали. Той самой. Тесно связан со Вторым Отделом, занимается сокрытием ненужной информации.

Отдел Внутренних Расследований. Расследуют разрушительную деятельность с стороны посвященных и пресекает её в жесткой форме. В рамках курса и в своих Отделах Вы будете изучать внутренние кодексы Организации, виды проступков и нарушений, а также наказания за них. В случае предательства, невыполнения своих обязанностей и других преступлений против нашего вида, вас могут подвергнуть уничтожению или более страшным видам наказания.

Отдел Магической Защиты. Специализируется на вопросах, которые невозможно решить обычными средствами. Малочисленен и используется редко.

Меньшими структурными подразделениями являются Специальные Отделы, их огромное множество, с ними вы вряд ли столкнётесь.

Так же существует Орден-II. Самостоятельная организация, отделившаяся от Ордена-I в 1889 году. В целом, мы неразделимы и зачастую используем одни и те же ресурсы. В задачи Ордена-II входит защита всех существующих Врат, как границ нашего мира, сдерживание любых угроз извне, разведка и исследование того, что происходит по другую сторону. Орден-II также многочислен, и с начала двадцатого века имеет постоянные базы и контингент за пределами Врат...»

Первая часть лекции кончилась, и впереди был получасовой перерыв. Аик раньше не пропускал занятия. Нужно было найти его или сообщить Калхуну о проблеме. Как на зло, в этих стенах сотовые запрещены.

В комнате Аика не было. Его вещи были раскиданы, ящики стола и шкаф открыты. Среди беспорядка на кровати аккуратно лежали ремни и галстуки. Лиам обошёл столовую, библиотеку, спортзалы, бассейн, душевые, лестничные клетки, туалеты, вышел на улицу и осмотрел крышу. Аика нигде не было.

Он же спокойный и самоуверенный парень, далеко не глупый. Мог ли он накинуть себе на шею петлю в укромном месте?

Не хорошо. Лиам побежал по зданию, заглядывая в самые укромные уголки. Последний четвёртый этаж закрыли на ремонт. Лиам поднялся туда и в конце коридора увидел приоткрытую дверь.

— Чёрт... — выдохнул он.

Аик был тут. В дорогом деловом костюме, самом лучшем галстуке и начищенных до блеска туфлях.

И он был не один. В его объятиях таяла преподавательница альтернативной истории, со странным именем Лейла или Лена. Красивая, высокая, молодая, чувственная женщина с волейбольным прошлым. С задранной юбкой, расстегнутой блузкой и самыми безбожными и опытными французскими поцелуями. Похоже, Аик справился со своим кризисом.

— Какого хрена?! — прикрикнул на него Лиам.

Аик с трудом оторвался от женщины и с недоумением уставился на Лиам. Спустя несколько секунд мажор всё понял и рассмеялся.

— Прости, бро. Не подумал.

Учительница раскраснелась, отвернула голову и спешно поправляла одежду.

— Один раз живём! Ну, по крайней мере, в такой симпатичной оболочке и с доступом к

кредитке моего богатого бати. Не мог бы ты закрыть дверь? Я вернусь утром, — миролюбиво проворковал ему Айк и сверкнул своими идеальными белыми зубами.

Лиам хлопнул дверью, выругался, прошёл по коридору несколько метров, остановился и облегчённо выдохнул. Руки дрожали. Не хотелось проверять, хватит ли одной маленькой капельки, чтобы снова заполнить его чашу до краёв.

Тихонько Лиам вернулся на лекцию, открыл тетрадь и начал записывать. Время успокоиться. Всё в порядке.

— Перейдём к краткой истории Организации, — преподаватель подождал его, окинул недовольным взглядом и продолжил. — Человечество развивалось неконтролируемо и не принимало во внимание факт быстротечности своего существования, возможности вырождения или полного уничтожения нашего вида имеющимися природными и неприродными факторами. По неизвестным причинам, примерно двадцать тысяч лет назад технический прогресс нашего вида стал ускоряться. Наш вид окончательно выделился среди всех конкурирующих приматов той эры. Первая глобализация, обмен культурами, первые расселения и смешения народов проложили нам дорогу в будущее. Но одновременно с этим, мы к сожалению, стали объектов внимания пристального иномирцев. И примерно две тысячи лет назад, во время очередного упадка из-за вмешательств извне, наши предки, древние хранители знаний, впервые задумались об истинном предназначении и своей миссии.

Вторжения иноземцев, значительно превосходящих в своих возможностях представителей нашего вида стали восприниматься как главная угроза...

...Во время становления Древней Греции и Рима Орден уже был похож на своё нынешнее воплощение. Век за веком он набирал силу, распадался, объединялся, разрушался своими врагами и снова восставал из пепла, как Феникс.

...В Эпоху Возрождения Орден значительно изменился. Под влиянием сильных личностей и реформаторов с некоторыми интервентами был заключён своеобразный мирный договор. Серый Пакт. Теперь им можно было находиться в нашем мире, не раскрывая присутствия и не причиняя значительного вреда людям. Цивилизованные иноземцы перестали считаться врагами. Это позволило привлечь дополнительные силы, закрыть несколько бесперспективных фронтов бесконечной войны и поставить ситуацию под полный контроль Ордена.

Это был трудный путь. Миллионы людей отдали свои жизни, чтобы президентом у нас была женщина, а не крылатое восьмирукое чудовище, которому мы должны были бы приносить человеческие жертвы...

...Сейчас Орден — самая могущественная и крупная организация на планете. Её невозможно уничтожить, потому что он вьелся во всё Человечество, стал его неотъемлемой частью. Иммунитетом к враждебным организмам.

Каждый посвящённый, каждый из нас — это маленький Орден и крепость на защите нашего вида. И если так случится, что Организация перестанет существовать, любой выживший посвящённый должен приложить все усилия к его возрождению...

...Стоит понимать, что для спасения человечества недостаточно просто придерживать дверь. Вы знаете, как много зла и несправедливости в мире. Это не вина иноземцев, только наша. Мы ещё слишком молоды и озлоблены. Поэтому Орден защищает человечество не только от врагов извне, но и от самого себя.

На протяжении тысячелетий Орден пытается построить справедливое и гармоничное

общество для всех людей. И все модели, начиная с родоплеменного строя, потенциально могли достигнуть такого результата. Но проблема не в модели общества, а в самих людях. Наше сознание не успевает за техническим прогрессом, всё ещё подчиняясь инстинктам и оставаясь на уровне животных. В мире по-прежнему преобладают неадекватные и потерянные люди, не осознающие себя и не осознающие наличие других людей, с которыми они этот мир делят. С этим ничего не сделать — они извращают любую систему. А технических средств по-настоящему тотального контроля за каждым отдельным человеком всё ещё нет. Но мы работаем над этим. И большой вопрос — есть ли в этом необходимость?

Вид Хомо Сапиенс так же нежизнеспособен, как и его вымершие конкуренты, и, похоже, достиг предела развития физических возможностей. Это беспокоит, ведь что-то более совершенное, что будет после нас, может и не появиться. Но для нас не всё потеряно. Мы осваиваем возможности искусственной эволюции. И может быть не руками природы, а своими собственными, мы сможем развиваться до такой степени, что нам уже не будет ничего угрожать...»

Стемнело. Лиам вышел на улицу и стал нарезать круги вокруг здания. Осень вступала в силу и забирала у природы тепло. Жизненный опыт не рекомендовал заводить друзей в этом учреждении. Не стоило повторять ошибку. Хотя такие истории и сближают, спустя короткое время все эти винтики займут своё положение в самых разных частях громадного механизма Организации.

С другой же стороны, профессор знал полковника и его родителей. Может, они дружили. В масштабах Вселенной эта планета была очень маленьким и тесным местом.

Лиам так втянулся в процесс обучения, что Рождество стало для него ударом. Занятия приостановились, студенты разъехались по домам и «Дарем» опустел. У Лиамы никого не было и некуда было ехать. Айк пытался утащить его на большое семейное празднование, но так и не получил внятного согласия.

Занимать себя стало нечем. И это было отвратительно. Лиам остался наедине с собой и своими мыслями. И все они неудержимо сводились к одному знаменателю — то, что происходит с ним, не так хорошо, как героин.

В сравнении с пустыней, где он провел почти четыре года, дом был райским местом. Иные ценности, иной уровень проблем. Нет страховки у зубного, но болит зуб. Не знаешь, как оплатить кредит за учёбу. Тяжело выжить на пособие, когда тебя уволили, и ты не можешь найти работу. Сломалась машина, появилась плесень в доме, ты живешь в слишком плохом районе и нужно заплатить налоги. Деньги, деньги, деньги.

Этим людям не понять, каково искать воду в городе, где водопроводы разрушены, нет рек, и почти не бывает дождей. Когда твои дети хотят пить и могут умереть от жажды. Когда единственная работающая колонка в двух километрах от руин, которые стали твоим домом. И все подходы к ней простреливаются. И там уже гниёт несколько тел, которые опасно пытаться убрать.

Нечего есть, неоткуда брать еду. Ночи холодные и согреться можно только вжавшись друг в друга. Остается только бежать. Под пулями, боясь нарваться на растяжку, попасть в рабство, постоянно отрываясь на поиски еды и воды. Сотни километров, пока не начнутся дороги и машины. Если только кто-нибудь вообще осмелится подобрать тебя и твою семью. Плыть через океан, отдав всё, что у тебя было за билет на переполненной лодке, на которой выживают только сильнейшие. Только бы добраться туда, где есть шанс.

Лиам не мог спать. Чего-то не хватает. Больше не надо пребывать каждую секунду на пределе своих возможностей. Последний раз вечер с такими мыслями имел последствия. Одна из клиенток в баре предложила ему самый фантастический секс в его жизни. Не обманула. Заниматься любовью под дозой было чем-то невероятным. Центр удовольствия никогда не испытывал ничего сильнее и уже никогда не испытает. В жизни без наркотиков такие ощущения достигнуть невозможно. И теперь Лиам всю жизнь будет за это расплачиваться. Если сможет выстоять.

Спасаясь от себя, Лиам погрузился в бесконечную и изнуряющую тренировку. Как одержимый бегал по лестницам и лужайкам, качал пресс, отжимался и подтягивался. Валился с ног, тяжело дышал, немного отдыхал, снова и снова повторял цикл.

Когда настала глубокая ночь, его тело было истощено и уже не могло держать нагрузку. Но сон не приходил.

Бассейн. Вода всегда обладала какой-то целительной силой. Лиама всегда тянуло к воде. Он вошёл в тёмный зал и застыл перед покоящейся прохладной гладью. Уже приготовился прыгнуть, но услышал приглушённый звук. Лиам опустил глаза, не хотел смотреть — в глубине бассейна могло притаиться то, чего нет.

— Присоединяйся, — незнакомый голос заставил его вздрогнуть.

На противоположном бортике бассейна, в тишине и темноте, расположились несколько студентов, один из них махал рукой. Лиам погрузился в воду, наслаждаясь, замер на глубине, вынырнул и поплыл к ним.

— Будешь? — спросил его высокий и отлично сложенный парень.

Лиам уставился на протянутый косячок и помотал головой. Отличную он выбрал компанию. Два парня, три девушки. Травка и пиво.

— Да ладно тебе, скоро выпуск, никто не узнает, — попытался взять его на слабо атлет.

Лиам отплыл подальше и схватился за бортик. Знает он таких людей, не раз он соглашался на чёрт знает что, проявив всего секундную слабость.

— Спасибо, я пас, — отдышавшись, ответил он.

Компания странно посмотрела на него и предложила пиво. Тёплое и совсем не такое, каким полюбилось. Сделав пару глотков, Лиам вернул бутылку на бортик и больше к ней не прикасался.

— Я Зак, это Пит, это Стэф, Сьюки и Мэг, — компания дружно ему помахала.

— Я Лиам, приятно, — Лиам чувствовал себя нелепо.

— Ну как тебе тут? — спросила миловидная Сьюки, стрельнув по нему глазками.

— Странно, — подумав, ответил Лиам. — Всё ещё странно.

— И не говори, — компания дружно рассмеялась. — А тебя откуда забрали?

— Из армии, — сухо ответил Лиам.

— У-у-у, круто. Ну что? Выпьем за будущее человечества?

Лиам пропустил этот тост и всё последующие, целиком отдавшись плаванию. Пока компания не ушла продолжать гулянку, Сьюки бросала на Лиама недвусмысленные взгляды. А внутри Лиама ничего не шевелилось. Лишь бы не сорваться и пережить эту ночь.

— Это вечный огонь. Горит здесь со дня открытия университета. Один из самых старых символов Ордена. Свет во тьме, защита от зверей. Первая безудержная сила в руках человека, — вещал профессор Калхун строго и с вдохновением.

Каменный сад, переходящий в лабиринт из изгородей и невысоких черных каменных

стен нещадно продувался ветром. От его порывов вдалеке неприятно поскрипывали кроваво-красные железные ворота. Сегодня в расписании Лиама было последнее занятие. Он всё хотел выбрать время и поговорить с профессором о родителях, но так и не решился. Слишком много нерешительности в последнее время.

— А это Лабиринт. Ещё один символ. На стенах этого мемориала высечены имена людей посвящённых и непосвящённых, отдавших свои жизни служению нашему виду. От великих мыслителей, учёных, первооткрывателей, лидеров до обычных солдат и рабочих. Миллионы имён. Миллионы жизней, которые что-то значили, — сказал он почтительно и внимательно посмотрел на Лиама.

— У Ордена нет официальной присяги, в наше время такие жесты не имеют ценности. Но по старой традиции, перед нашими великими предками вы должны принести клятву верности Ордену.

— И что нам говорить? — хлопая глазами, спросила Сьюки.

— То, что идёт от сердца, — ласково ответил ей профессор. — Не стесняйтесь и не смейтесь. Достаньте из глубин своих светлых голов самые сильные и прекрасные слова. Только это будет иметь смысл. Не бойтесь банальностей. Вы уже всё понимаете. Дополняйте и поддерживайте друг друга. Путь так будет всегда.

Все стояли и молчали, прохладный ветер ерошил волосы Сьюки. Лиам застегнул куртку и попытался расправить плечи. Когда-то и его родители, мужчина и женщина, совершенно из разных миров, с разной историей, взяли на себя великую ответственность и произнесли слова клятвы. О чём они думали тогда и что сказали?

Мысли крутились в голове бесконечным потоком. Родители, детские считалки, клятва и девиз морпехов, крики инструкторов, похороны Бенисио и Айды, церемония выпуска из пансионата, работа в баре, первая таблетка экстази и отголоски страшных видений, которые хотелось забыть, самое дно и этот новый шанс. Время снова стать человеком. Время жить. Встретиться лицом к лицу с тем, что ему уготовано. Лиам вытянулся по струнке, словно из строя сделал шаг вперед.

— Я Лиам Иезекииль Гадот, — неуверенно начал он, — родом из Лондона... сын Абигейл и Натана... младший сержант морской пехоты США. Беру на себя ответственность за судьбу человечества. Клянусь защищать...

— Я Аик Джей Гаспарян, — вперёд вышел Аик, запнулся, поправил свой дорогой галстук и продолжил. — Клянусь хранить таинство Ордена и защищать всех людей мира от врагов внешних и внутренних и от самих себя...

— Я щит и я меч... — в хоре голосов их слова утонули, но смысл и эмоции соединялись и становились чем-то большим.

— Я никогда не сдамся и не устану...

— Я свет во тьме, огонь, что никогда не погаснет...

— Я крепость на защите человечества...

— Я — Орден.

Медитация IV. Зов

Нью-Геф встретил Лиам тысячами огней и ледяным дождём. Этот город не мелькал в новостях или документальных фильмах. Лиам не помнил, чтобы ему когда-либо встречались люди отсюда.

Нью-Геф разросся из маленького порта. Вдоль набережной, где кипела жизнь, сохранились старые домики и небольшие постройки прошлых веков. Деловой центр разительно отличался широкополосными дорогами, небоскрёбами, парками, вездесущими скверами и фонтанами. Богатые и бедные жилые кварталы смешивались с опустевшими после Великой Депрессии и других кризисов индустриальными районами и заводами. Ничего примечательного.

Лиам ожидал чего-то иного. Здесь происходили события, имеющие исключительную важность, но на вид Нью-Геф был похож на провинциальный городок какой-то Канады.

Неприметный тонированный универсал высадил его на окраине, в доках. Перед глазами Лиам предстал его новый дом. Серое покосившееся четырехэтажное здание, которое когда-то было офисом торговой компании с уже нечитаемой вывеской. Видавший виды забор пестрел массой табличек: «Аварийное здание», «Вход воспрещен!», «Опасность!». Вокруг не души. Метрах в трехстах начиналась пристань, прожекторы выхватывали корабли, покоящиеся на тёмной глади воды. Асфальтированная набережная простиралась в две стороны, насколько хватало глаз.

На верхнем этаже горел свет, Лиам подставил лицо потоку ледяного дождя, перекинул сумку через плечо, вбежал в здание и преодолел пару лестничных пролётов.

Стен в его новой «квартире» практически не было. Высокие потолки и окна почти до пола создавали ощущение огромного пространства. Огромная квартира-студия, правда ремонта тут не было лет пятьдесят как минимум.

Посреди пустоты его ждали внушительный холодильник, несколько кабинок, по типу тех, что ставят в раздевалках спортзалов, платяной шкаф, столешница, кресла, кухонный гарнитур, плита, старый диван и компьютерный стол, заставленный оборудованием. Душ, кухня, спальня, гостиная, рабочий кабинет.

Полковник сидел к нему спиной, и некоторое время не поворачивался, создав неловкую паузу. Он был мастером производить неприятное впечатление.

— Добро пожаловать в новый дом, Лиам.

— Здравствуйте, сэр. Ну и местечко...

Лиам не знал, куда себя деть, бросил сумку на пол и не торопясь двинулся вперёд, разглядывая помещение.

— Я знал, что тебе понравится. Есть все удобства. Ты выглядишь куда лучше. Надеюсь, ты плодотворно провёл последние месяцы. Завтра познакомишься со своей командой. Они введут тебя в курс дела.

На этот раз полковник был не так мрачен, но его «игривое» настроение внушало ещё больше дискомфорта.

— И чем я буду заниматься? — спросил Лиам, стараясь держаться профессионально и дружелюбно.

— Разведкой. Находить и устранять угрозы. Тебе присвоено звание младшего агента. Будешь учиться и проявлять себя. А там посмотрим. Контракт пересматривается каждый год,

в случае чего, у тебя будет возможность получить более спокойную должность, как я и говорил. Официальный вариант бумаг лежит на столе. Там же твои гражданские документы и банковская карта на первое время.

Лиам ещё немного походил из стороны в сторону, сопровождаемый неотрывным и неморгающим взглядом полковника, остановился и спросил:

— Почему я? Почему Вы... решили заняться мной, сэр?

Полковник смерил его тяжелым взглядом.

— Потому что, я уверен, что ты справишься. Если я захочу, в моём распоряжении может оказаться боец из любой армии мира. Но если я брошу одного из таких славных парней в настоящее дерьмо, от его браводы, силы и таланта ничего не останется. Ты другого покроя. Это всегда лотерея, если я возьму не того человека, мне придётся хоронить его. А ты знаешь какво это, хоронить своих, парень. Тебя бы здесь не было, если бы я не был уверен. Я делаю на тебя ставку и даю личную протекцию. Видел гору на горизонте?

— Мельком, — Лиам посмотрел в окно.

— Прямо под ней Врата. И подземелье с городом наших гостей. Многие из них живут среди обычных граждан на поверхности. С ними ты и будешь работать.

— Разведка не совсем мой профиль, — помолчав, ответил Лиам. — Я думал, мне прямой путь на войну.

— Мы и так на войне. С прошлыми задачами ты справлялся слишком уж успешно, настало время расти, Лиам. В это вся суть нашего существования. Акклиматизируйся, отдыхай, приходи в себя и будь завтра в форме.

Лиам ещё раз скептически оглядел своё новое жилище.

— Я думал, что буду жить на военной базе, — вздохнул он.

— Хватит. Ты больше не в армии, — отрезал полковник. — Это не твой дом — это рабочее пространство. Осведомители не придут к нам в штаб, а сюда могут. Ты будешь работать на самом острие. Не только стрелять в них, но и говорить с ними, узнавать их. Почти все ненавидят Орден. Агентов особенно, они на виду и более заметны... На твою жизнь будут покушаться, это неизбежно. Но не волнуйся, это место под постоянным наблюдением. Если станет жарко — помощь прибудет мгновенно. А быт ты наладишь со временем. Место странное, но логичное. Подальше от людей и случайных жертв. Ты поймешь, как тут всё устроено, но со временем. Призраки тебя еще беспокоят? — тон полковника вдруг смягчился.

— Нет. И надеюсь, уже не побеспокоят. Я в порядке, — заверил его Лиам.

— Проблема не решена, ты должен это понимать. Психически ты здоров. Но тебе придется принять свой дар. Нужно будет провести определённую работу. Пока понаблюдаешься у психолога. Кстати, что насчет родителей?

— А что с ними? — удивился Лиам.

— Не приходили? — странно спросил полковник.

— Слава Богу, нет.

— Хорошо. Значит, они упокоены.

Лиаму удалось уснуть в предрассветных сумерках. Прохладный морской воздух освежал его после сумбурного и чуткого сна. У него так бывало при резкой смене обстановки или накануне каких-то важных событий. Когда свет из окна дополз до кровати, Лиам закутался в одеяло с головой, как в кокон. Несколько раз он ухмыльнулся, вспоминая службу. Спать

приходилось в куда более неудобных местах. Неизвестно что с ним будет, но начинать день на огромной кровати и на чистом белье уже неплохо.

Выбраться из-под одеяла удалось ближе к вечеру. Смены, как он понял, будут преимущественно ночными. Оставалось ждать транспорт. У него было ещё часа три, и он потратил их на долгий душ, изучение кухни и приготовление завтрака.

Вспоминая последний разговор с полковником, и прихлебывая кофе, Лиам ушёл в мысли о возможном нападении и способах обороны своей личной «крепости». Окна были слишком большими, внешние стены не особо прочными, слишком много входов и выходов. Но внутри помещения было где разгуляться. Лиам невольно поделил квартиру на позиции, придумал из чего можно сложить баррикады, изучил стены и колонны, которые можно было бы использовать в качестве укрытия. Надо признать, всё лучше, чем притон. Если подумать, у Лиамы не было дома с того момента, как он остался без родителей. За такое долгое время можно и забыть, что такое дом.

Машина подъехала в восемь. Водитель выглядел устало, и разговора с ним не вышло. Лиам пялился на улицы и чувствовал себя не в своей тарелке. Не было у этого города ничего общего с безопасным местом и родиной. Пока машина стояла на очередном светофоре, Лиам поймал себя за неутешительным занятием: его взгляд скользил по поверхности крыши, изучая каждый её бугорок и выступ. Лиам искал фигуры стрелков, как во время службы.

Весь путь по пустым дорогам занял минут двадцать. Здание Ордена расположилось за Олд Тауном в пустующем деловом районе, который должен был стать новым центром города, но так и не стал. Гряда неприметных высоток с нечитаемыми вывесками, огромная парковка на улице, закрытая со всех сторон заборами и несколько въездов под землю. Стройки застыли, переживая какой-то кризис или неожиданный запрет. Его наниматели постарались.

Лиамы встретили и увели по лестнице вниз. В одном из маленьких кабинетов на первом этаже подвала, эффектного и неформального вида девушка с пирсингом выводила на его груди сложную татуировку в форме девятиконечной звезды, с несимметричным рисунком геометрических символов внутри и загадочными письменами. Девушка много и загадочно ему улыбалась, работала быстро и профессионально.

— Меня как-то не предупредили, что это необходимо для вступления в клуб, — попытался шутить Лиам, татуировка, заключенная в прозрачную плёнку, зудила и болела.

— Это для твоей защиты, дурачок. От сил зла. Пора уже плакат вешать. А то устала вас уговаривать, — девушка сверкнула глазами, наклонилось к нему очень-очень близко и игриво щёлкнула по носу. — А ты симпатичный... Как обустроишься, подваливай. Выпьём чего-нибудь, побеседуем. Меня Ями зовут.

— Лиам. Приятно познакомится. Как-нибудь, может, и подвалю, — пробормотал Лиам и снова посмотрел на себя в зеркало.

Не удивительно, что женщина обратила на него внимание. Лиам уже мало напоминал бомжа, вроде Тома Харди в плохие дни. Не до этого сейчас.

На пару уровней ниже его встретил крепкого вида, лысый татуированный парень в больших очках и с серьгами в ушах. Он был одет в стиле милитари, не внушал угрозы и производил впечатление скорее стереотипного хакера, чем опасного человека.

— Кейб, — коротко бросил он и протянул руку. — А ты — Лиам. Я заведую арсеналом.

И сейчас произойдет сцена, как в фильме про шпионов.

Секундная натянутая улыбка превратила Кейба в уродливую марионетку. Похоже, это была его коронная шутка.

— Я очень надеюсь, что ты не номинант на премию Дарвина. Я говорю, и только потом ты трогаешь. Хорошо?

— Хорошо, — Лиам пожал плечами.

Вместе они прошли в арсенал. За бронированной дверью располагалась проходная, заставленная стеллажами и шкафчиками. Кейб энергично зашагал между стеллажей и стал выкладывать амуницию на один из пустых столов.

— Сейчас я выдам тебе всё необходимое. Снаряжения будет много, информации тоже, так что ты слушай внимательно и постарайся запомнить. Много, потому что может понадобиться сразу. Если мало — приходишь ко мне, я даю ещё. Заявки будешь оставлять через Центральную, в приложении, в разговоре со мной или, заполнив бланк, если меня или моего заместителя не будет на месте. Если появятся вопросы — ты меня спрашиваешь, желательно не более двух раз об одном и том же.

На столе появилась коробка с патронами, без логотипов и опознавательных знаков.

— Оружие, из которого ты стрелял до этого, было создано против людей. У нас немного другая история. Это стандартный универсальный патрон Ордена. Все они с серой маркировкой, вот здесь, — Кейб указал на серое колечко в нижней части патрона. — Видишь, похож на экспансивный. Но действует хуже, подрывается и фрагментируется после того, как попадает в тело. Части пули покрыты серебром или содержат в себе его порошок. Отличное останавливающее действие.

Лиам поднял бровь и уставился на растущую гору упаковок, которые старательно выкладывал перед ним Кейб.

— Патроны с красной меткой — разрывные. С оранжевой — термальные, фосфорные или зажигательные. С чёрной — бронебойные или стреловидные. Для дробовиков: зеленые — дробь, красные — картечь. Если две полосы — комбинированного действия. Нелетальные не держим. Номенклатуру можешь почитать на стендах. Типов очень много, — Кейб указал на длинные таблицы с картинками вдоль стены.

— Ещё есть специальные боеприпасы, нередко изготавливаются под определенную цель. Мы, Оружейники Ордена, говорим: «Для каждого найдётся своя пуля!» Такие спрашивать или заказывать у меня или моего заместителя. Для большинства целей универсальный патрон эффективен. Почти все противники чувствительны к боли, а те, кто не чувствителен — в какой-то момент просто перестают двигаться. Понимаешь, о чем я?

Лиам кивнул, взял в руку увесистый патрон и увидел на нём загадочную вязь.

— А что за рисунки на пулях? — спросил он.

— А это чтоб их не остановили силой мысли. Да-да-да, как в том фильме про мутантов. Татуировку тебе с этой же целью нанесли. Ты бы почитал учебные материалы для разнообразия... В планшете всё есть, сейчас выдам тебе. И да, никогда не называй меня снабженцем.

Лиам кивнул. В средние века, без Интернета, заводов и фабрик, такой человек был на вес золота. Наверняка, у тусовки Кейба, этих «оружейников», есть своя замечательная история. Лиам, в какой-то мере разделял его страсть и интерес к оружию.

— Стволы доступны разные, но все образцы, которые ты встретишь у нас, модифицированы и доработаны под наши нужды. Выберешь на складе несколько единиц, и

мы доставим их в твоё убежище. Всегда держи при себе оружие и патроны. Ситуация имеет свойство быстро меняться.

Лиам повертел головой и вздохнул. Куда лучше подбирать амуницию под конкретные задачи, чем пытаться захватить всё, что может пригодиться.

— Так же стоит иметь при себе холодное оружие. Нож и пару вспомогательных лезвий. Всё, что мы выдаем, покрыто серебром и пропитано нейротоксинами. Кстати, от серебра бывает интоксикация: не забывай ходить на медосмотры, когда позовут. Нейротоксины или яды постоянно присутствуют в ножнах, но их туда нужно периодически добавлять. Выдам тебе один флакон, для человека — безопасны. Из холодного есть всё: от маленьких стилетов и бритвочек до полноразмерных алебард и сумасшедших азиатских штук. Если что-то заинтересует, отработаешь с инструктором.

— И что? Часто приходится работать ножом? — скривился Лиам, вспоминая жутковатого инструктора.

— Чаще чем, вы, парни этого хотите. Одно дело перестрелка на открытой местности из окопа или укрытия. И совсем другое — встреча в тесном переулке с машиной смерти, которую природа любезно одарила полуметровыми когтями и зубами. Это, в общем-то, крайний случай, но бывает. Нож ты выхватишь быстрее, чем пистолет. Ты ведь прошёл курсы переподготовки? Смешно, но факт: до Первой мировой войны и появления удачных образцов автоматического оружия, мы больше полагались на холодное. И как видишь, мы до сих пор тут.

— А что за фишка с серебром? — Лиам вертел в руках слишком блестящее и заметное лезвие небольшого ножа.

— Понятно, — вздохнул Кейб, — чему вас учат сейчас... Большая часть иномирцев — аккумуляторы биологической энергии. А серебро её проводник. Если пробить демона таким ножом, случится нечто вроде заземления, его энергия начнет рассеиваться в пространстве. Противник будет слабеть, как человек при кровопотере. Плюс оно нагревается в процессе и жжёт их, причиняя нестерпимые страдания. У человека биополе слабее, и примерно равно «атмосферному». Поэтому для нас это просто красивая блестяшка. Чистое железо тоже работает, но хуже. Если не помогает — старайся отделить голову от тела. Решает почти все вопросы. Вот такая вот забавная алхимия.

На секунду глаза Лиам расширились. Скорей бы окончательно потерять способность удивляться и просто принимать информацию, как в армии.

— Не пугайся, салага. Ничего сложного. Пушки стреляют, ножи колят. Потом разберешься в нюансах. Фонарей с собой тоже таскай несколько и не откручивай от оружия. Слепят на раз. Особенно тех, у кого глаза значительно чувствительнее наших. Маленький самый, на ключи повешай. Бывали случаи, когда такая мелочь жизнь спасала.

Некоторое время Кейб пытался справиться с коробкой внушительных размеров. Когда её содержимое увидело свет, Лиам непроизвольно издал вздох восхищения.

— Это стандартный бронекостюм Ордена, седьмая модель. Облегчённый — для агентов, разведчиков, наблюдателей, снайперов и прочих шибутных. Его обычно называют «панцирем». Он повседневный. Это значит, что ты должен носить его, когда находишься на дежурстве. Да, он тяжелый, да, неудобный, да, сковывает движения. Однако, выживаемость с ним значительно выше. Уж поверь мне — я досматриваю всё снаряжение после боевых столкновений.

Лиам провёл пальцами по гладкой серой поверхности костюма. Похож на те, что

используют при штурмах и спецоперациях, но сделан... невероятно. Чем-то похож на русский "Ратник", который довелось видеть в Сирии. Те же гексагональные бронепластины, но силуэт более плотный, облегающий.

— Переплетённое с серебряными нитями углеволокно, композитные бронепластины. Гелевая подкладка распределяет энергию и способна в какой-то мере защищать от заброневых травм. Устойчив к воздействию огня, сохраняет тепло, не пропускает воду, при это «дышит», но не так, как тебе бы хотелось. В районе суставов, спины и плеч выполняет функцию суппорта, снижает нагрузки, почти что пассивный экзоскелет. Ворот поначалу будет сильно мешать, но он не даст шее сломаться от удара. Если успеешь наклонить голову, защитит твоё горло. Костюм сделан под тебя, на складе есть запасной. Шлем могу выдать отдельно, но через пару недель, он ещё не пришёл. Твои ребята их не особо жалуют. Но эт пока новая партия не придёт, с жуткими забралами в виде кукольной маски. Чую очередь выстроится... Если кто-то накосячил, когда снимали твои размеры, сразу сообщи мне. Должен сидеть как влитой. И запомни: толку от него бывает, как от куска тряпки. Ты не станешь суперменом, если наденешь эту шутку. Просто больше шансов пережить плохой день.

— Жаль, у нас таких не было, — не мог оторвать взгляд Лиам.

— Эту ветку уже двенадцать лет как обкатывают по всему миру в тайных операциях НАТО. Покруче тебя ребята. Разумеется, это не попало в кадр. Скоро появится и в армии. Не такие немного, но похожие, смешно выглядят. И уже очень скоро дойдет до экзоскелетов. Это сильно упростит вашу работу. Ну да ладно.

Кейб добрался до электроники и начал заваливать уже третий стол.

— Вот тут телефон, планшет, ноутбук, наушник и все прочие средства связи. Они защищены, но оставлять их в кафе я бы не советовал. Получишь по шапке за такое. Ещё тебе понадобятся гранаты, они особо не отличаются от военных, думаю, разберёшься. Светозумовые очень эффективны, не игнорируй их.

Кейб вдруг испарился, оставив Лиаму посреди арсенала. Спустя несколько минут он вернулся, сосредоточенный и не веселый, и постоянно поглядывал в планшет.

— Твои витаминчики. Фармацевт должен был передать, но на меня свалил, типа я складом заведую.

Лиам настороженно посмотрел на баночку с препаратами и вопросительно уставился на Кейба.

— Серую принимаешь перед каждой сменой. Если на дежурстве прошло больше двенадцати часов, можешь принять ещё одну. Всегда носи с собой несколько штук. И не волнуйся: это не наркотики, читал твоё дело. Никакого прихода не будет. Зависимости и вреда тоже. Ну, точнее, он не сопоставим с тем вредом, как если тебе оторвут башку, потому что ты слишком медленно соображал. Здесь компактная аптечка: два универсальных жгута, артериальный зажим, кровоостанавливающая гель-вата, обезболивающие, универсальный антидот, адреналин. Зеленый иньектор — консервант. Колется в случаях тяжелых ранений, погружает в искусственную кому, снижает кровопотерю, защищает мозг от повреждений. Чёрный иньектор колешь, если дела стали... ну очень мрачными. Действует около тридцати шести часов. Через двенадцать, максимум двадцать часов, ты должен быть в медчасти на базе или, на худой конец, в больнице. Если тебя не откачают от действия иньекции — ты умрешь. На всё есть инструкции, рекомендую тебе их очень внимательно изучить, от этого будет зависеть твоя жизнь.

— А как они действуют — то? — полковник почему-то умолчал о таких моментах, и Лиам начинал злиться.

— Ну, эффектов много. В голове прояснится, энергии побольше, станешь внимательнее, немного сильнее и быстрее. Витамины, говорю же. А вот с этой штукой очень осторожно. Некоторые ребята под «чернотой» машины руками переворачивали. Мышцы и сухожилия в труху потом.

— Не очень-то вдохновляющее.

— У нас тут вообще мало чего вдохновляющего. Долг и необходимость, привыкай. Серую можешь принять сейчас, как раз успеешь перед началом смены. Побочки в первые пару недель могут быть серьезными. Их за сотню, перечислять не буду — сам изучишь.

Лиам задумчиво покрутил в руках пузырек с таблетками и спрятал в карман.

— Ты же марксмен вроде или даже полноценный снайпер? Может даже рекорды есть? — голосом ребёнка спросил Кейб и расплылся в улыбке.

— Так точно, — наконец-то в разговоре промелькнула вещь, в которой Лиам был уверен.

— Отлично, значит, мы сработаемся! Тебе домой завезут боезапас и всё необходимое. Так же часть арсенала будет в служебной машине. Таскать на себе всё не надо. Но броню лучше не снимать. Пистолет рекомендую всегда иметь при себе, даже тут. Всякое бывает.

Почти час Лиам бродил по арсеналу и выбирал. Было доступно всё, о чем слышал и когда-либо читал Лиам. Настоящий рай для большого и воинственного мальчика. С другой стороны, перспектива «присесть» на стероиды была сомнительна.

С помощью Кейба он с трудом втиснулся в неудобный, тяжелый и неповоротливый костюм и попытался расходиться. Видя его усилия, Кейб с добродушной улыбкой отвлекся от заполнения бумажек и неожиданно ударил его с размаху каким-то боевым топором прямо в грудную пластину. Лиам грохнулся на пол — таким сильным был удар, но кроме толчка он ничего не почувствовал. На защитной пластине не осталось и царапины. Внушает уважение. А вот к шутнику Кейбу спиной лучше не поворачиваться.

В соседнем помещении нашлась мешковатая одежда, она скрыла костюм и снова сделала Лиаму похожим на обитателя местных трущоб.

— Привыкнешь, агенты, обычно как бомжи ходят. Зато неприметно. Если кто-то спросит, показывай удостоверение и говори, что у тебя спец-операция и щемись барыг, — прокомментировал Кейб показ мод.

На первом этаже, в кабинете полковника, Лиам познакомился со своей командой. Его приставили к паре то ли сербов, то ли поляков. Два молодых смугловатых брата из страны, о которой Лиам ничего не слышал. Коренастый и мелкорослый брюнет с непослушными, чуть длинными волосами, и агрессивной щетиной представился Йованом. Он очень сутулился, смотрел исподлобья и излучал недовольство.

Его брат Кристиан был выше, с более приятными и округлыми чертами лица. Его движения были несколько заторможены и неуклюжи. Он много и рассеянно улыбался и часто широко раскрывал глаза. Из-за этого жеста было похоже, что он пьян и увидел что-то забавное. Ничего страшного, у Лиамы бывали и более необычные напарники.

Йован держался холодно и не ответил на рукопожатие. Прежде чем Лиам станет частью команды, нужно будет проявить себя. Кристиан же, казалось, был рад новому знакомству и вёл себя тепло. Как только они вышли из кабинета Йован остановил его и припёр к стене.

— Всё просто. Ты не говоришь, пока тебя не спросили. Слушаешь внимательно. Если тебе что-то не нравится — ты стреляешь, а потом мы разбираемся. Вперёд не лезешь, один не остаешься. Вообще никогда. Даже если ты захочешь в туалет по-большому — мы пойдем все в месте, обнявшись и взявшись за руки, и будем смотреть, чтобы тебя не украли. Понял? Пока я не скажу обратное — прикрываешь нам спины и учишься. Сегодня полнолуние, зуб даю, ночка будет весёлой. Это такая тупая традиция. Не будь болгаринном, и всё будет в порядке. Смена заканчивается, когда я скажу. Прошлый парень мне не нравился, надеюсь, ты протянешь дольше.

Медитация V. Цена

После «вводной» Лиам оказался в зале оперативного штаба Первого Отделения. Что-то подобное Лиам видел на военной базе из своей прошлой жизни, правда не в таких масштабах. Чердака столов, заваленных бумагами, компьютеры и экраны на каждом шагу, и масса людей, занятых пока ещё непонятными делами. На первый взгляд хаос, меньше субординации, но всё какие-то собранные. Даже те, кто просто пьёт кофе и пялится в монитор.

Йован и Кристиан немного поговорили с полковником, опустошили по стаканчику кофе и сверили какие-то бумаги у девушки, сидящей за столом. Лиам пошатался по залу и занял место у стенки, вскоре к нему присоединился Кристиан.

— Код — оранжевый, — объявил женский голос по громкой связи.

На мониторах с картой города, появилась полоска оранжевого цвета. Все замолчали, но через секунду продолжили заниматься своими делами.

— Это плохо? — Лиам толкнул Кристиана в бок.

— Не. Это средний уровень угрозы. Традиционно для полнолуния. Красный код — это плохо. А чёрный код — это жопа, — добродушно улыбнулся Кристиан и хлопнул его по плечу. — Расслабься, мы присмотрим за тобой.

Расслабиться не получалось. Через зал быстрым шагом прошла колоритная тройка. Две крепкие, похожие друг на друга девицы и третий странный персонаж с ними. Что-то в нём было не так. С виду обычный папик в теле, лысый, с животиком и серьёзным выражением питбуля на лице. Но двигался он на удивление плавно, как кошка, и держал себя, словно аристократ на званом ужине. Они остановились у кабинета в углу зала и заговорили с вышедшим из него, строго одетым худым мужчиной в очках.

— А это кто? — Лиаму пришлось оторвать Кристиана от поедания яблока.

— Сестры Спрингфилд, старшие агенты. Легендарные личности тут, ну если верить коридорным сплетням. Совсем мрачными вещами занимаются, концы света там и так далее. А бледный с ними — Амврос, упырь. Не знаю, почему с нами работает, особо не общался. Сестрички раньше были нормальные, а сейчас с ними даже пива не попьешь, зазнались. Заняты постоянно, катаются по всему миру, туда-сюда, как белки в колесе. А худой мужик в очках тут главный, заведует всем в городе. Джон Адар его зовут.

— Хорошо, парни, есть вызов. Бар Таймлапс на Грин Стрит, обескровлена девушка, — вернулся Йован.

Лиам вышел на улицу и вдохнул прохладный воздух. «Витамины» уже действовали. Свет уличных фонарей стал объёмным, тёплым и приятным. Лиам услышал своё глубокое дыхание, и пугающе медленный стук сердца. Тишина давила на уши, хотелось моргать, появилась лёгкая дрожь в руках и ногах. Кейб явно приуменьшил насчет приходов. Лучше бы это состояние ушло. Никогда больше не хотелось погружаться в ту тёмную бездну из которой его только что вытащили. Лучше держаться в сознании и чистым. Даже если кошмары вернуться.

Йован нагнал его, держа во рту незажжённую сигарету, и какое-то время описывал с ней круги вокруг автомобиля, разговаривая по телефону. Сигарету он не зажигал намеренно, видимо, борясь с вредной привычкой. Оставалось лишь посочувствовать ему. Как никто

другой Лиам понимал, насколько тяжёло идти против себя в таких вопросах. У всех были свои слабости. Радует, что сигареты уже не вызывают эмоций...

Йован пилотировал тонированный седан с долей излишнего лихачества. Лиам отрешёно рассматривал охваченные ночными огнями полупустые улицы города и его обитателей. Жёсткий секционный воротник бронезилета то и дело сдавливал ему горло и мешал дышать нормально.

Какое-то время они разбрызгивали лужи, затем Йован резко затормозил у обочины, и они покинули машину. Это была одна из тех грязноватых и унылых улиц по окраинам центра, где жили не самые приветливые жители и располагались не самые приличные заведения. Но в тоже время, тут кипела жизнь. Знакомая обстановка.

— Заткнись, слушай и смотри, — прошипел Йован.

Быстрым шагом они зашли в подворотню между двух старых кирпичных домов. На месте происшествия уже работали несколько экипажей полиции. Невыспавшийся детектив хмуро и безразлично пил горячий кофе из пластикового стаканчика и ёжился от вечерней прохлады.

Йован сверкнул значком в сторону детектива и подошёл к телу. Молодая девушка в красивом и откровенном белом платье лежала на спине посреди подворотни. Кожа её была бледной, почти белой, глаза широко раскрыты и смотрели прямо вверх.

Лиам видел тела много раз. Когда жизнь человека заканчивалась слишком рано, что-то внутри него неприятно переворачивалось. Отвратительный итог жизни. Белое пятно посреди грязного переулка. Несправедливо.

— Потихоньку начинай подмечать детали, ищи несоответствия, сомневайся в своих суждениях, записывай всё, что видел. Дьявол кроется в деталях, — бросил ему Йован.

Из темноты к ним вышел новый странный персонаж. Лиам заметил его ещё боковым зрением.

Молодой мужчина с правильными, аристократическими чертами лица, непослушными волосами и расслабленной полуулыбкой. Он располагал к себе. На фоне его серой кожи, глаза выделялись неестественным блеском, глубиной и чём-то ещё... Он был одет в куртку пилота, под ней была рубашка с белой вставкой.

— Привет, Кай! — бросил ему Йован, словно старому приятелю.

— Добрый вечер, агент Йован. Сожалею, это ваше дело, — протяжно ответил Кай и проплыл мимо.

Йован проводил его взглядом, наклонился к телу и стал осматривать.

— Кто это? — тихо спросил Лиам.

Глаза Кристиана привычным жестом поползли вверх, он подумал несколько секунд и ответил:

— Кай, один из приятелей брата. Он из этих, — Кристиан посмотрел на удивлённое лицо Лиамы и рассмеялся. — Да не из гомиков. Кровосос. Вампир. Как их назвать так, чтоб не стрёмно-то было? Он что-то вроде шерифа с их стороны, обеспечивает порядок. И ещё он священник. Католик, прикинь. У него даже приход свой есть. Ночной. Хах.

— Вампир, — усмехнулся Лиам. — Они, правда, пьют кровь? Или всё сказки?

— Не знаю, я ему свечку не держу! — рассмеялся Кристиан.

Надо просто привыкнуть. Вот человек. Вот белка. А вот вампир. Несколько минут Лиам молчал и наблюдал за происходящим.

— А полицейские в курсе? — спросил он вдруг слишком громко, чем заставил

Кристиана вздрогнуть.

— Частично, — отвлёкся от тела Йован. — Вуаль, все дела. Как и большинство смертных жителей, они не замечают или игнорируют большую часть нездоровых вещей, а если и видят, то пытаются дать им разумное объяснение и быстро выкидывают из головы. Розыгрыш, галлюцинация, надо выспаться или перестать выпивать. Городские легенды — фундамент этого городишки. Не обращай внимания и показывай значок, они с радостью умывают руки и скидывают всё на Бюро, как они думают. Как этот детектив. Он уверен, что мы ищем какого-то серийного убийцу, и ему не хочется думать, что этот псих делает и зачем. Сейчас он вернётся в участок, возьмет дело с бытовухой, поработает немного и поедет покупать торт и мишку своей дочери. Не до нас ему.

Йован повертел тело, обыскал его, ещё раз внимательно осмотрел и заключил:

— Думаю, её убили не здесь. Крови не осталось. И проделали это не для детского утренника. Тёмный ритуал, короче, как обычно. Ищем одного или группу фанатов демонов, — Йован внимательно посмотрел на Лиам. — Это плохо. Человеческая кровь не только питательная субстанция для всяких тварей. Это мощный проводник и хранилище жизненной энергии, она может использоваться для разных неприятных вещей. В лучшем случае, эти придурки решили разобраться с врагом или стать богатыми. Я вызывал наших ищеек, посмотрим, что они нароют, я всё-таки не большой спец по части криминалистики и магии. Можно было сюда не ехать, но лучше всё контролировать самому и видеть своими глазами. Что-то существенное может потеряться. Важно видеть картину целиком.

— А это может быть бытовое убийство или маньяк? — спросил Лиам, не сводя глаз с тела.

— Да, может. Но в этом городе просто так ничего не происходит. В таких делах мало приятного. Может образоваться висяк. Не похоже, что инцидент важный, а, значит, особых ресурсов мы не получим.

— И часто такое дерьмо случается? — задумался Лиам.

— Довольно таки. Люди пытаются решить свои проблемы посредством взмаха волшебной палочки. Жалко только вот — не всё так просто, и обычно это превращается в кошмар. Насмотришься ещё. Двигаем дальше.

Они устремились назад в машину, затрещала рация.

— Это Йован.

— Агент Йован, это Центральная. Вызов Гранд Парк. Ночной бегун позвонил в полицию, говорит, что видел медведя или волка, — на другом конце провода была девушка, и её манера речи была приветливой и профессиональной.

— Вот дерьмо. Этого еще не хватало. Псина, говорят, у нас. В парке. — Йован опёрся на руль и вздохнул.

Кристиан хлопал глазами и улыбался.

— Говорил же, та ещё ночька будет! — выругался Йован.

Гранд Парк делал этот городишко чуть более особенным. Кусок древнего леса начинался далеко-далеко за городом и буквально вращал в самый его центр. Парк не освещался, об его облагороженности говорили только беговые дорожки и стоящие вдоль них редкие скамейки.

На пустой парковке они остановились. Шум машин и города был едва слышен. Лиам «плыл» от препарата, и ему это не нравилось.

В багажнике их древнего седана расположился тайник с оружием, Йован открыл его с помощью ключа необычной формы. Братья быстро распотрошили два кейса, достали из них карабины, накрутили глушители и рассовали по разгрузке магазины.

— А ты не идёшь, — строго сказал Йован. — Это может быть собака. Может даже медведь. Но что-то мне подсказывает, что сегодня полная луна, и одна из тупых псин покинула свою резервацию. Мы с Крисом осмотримся и поищем следы, если что — вызовем подмогу. А ты сиди в машине и не высовывайся. Вообще. Если захочешь отлить — делай это из окна машины, понял? Или в бутылку. Я не шучу. Вообще никогда. Как говорю, так и выполняй.

Лиам кивнул. Йован замешкался, достал из глубины багажника здоровенный чемодан и сунул его Лиаму.

— Это от Кейба игрушка. Сказал, тебе понравится. Развлекайся, но не выходи из машины. Будь хорошим мальчиком. Не хочу грузить тебя в мешок для трупов.

Братья натянули приборы ночного видения, ушли к краю леса и скрылись среди деревьев.

Лиам пожал плечами, открыл тяжёлую дверь и устроился на широком заднем сиденье. Судя по вычурному ярко-красному велюровому салону, машину выбирал старший из сербов. Кейс на его коленях раскрылся. Внутри была крупнокалиберная снайперская винтовка.

Некоторое время он гладил и рассматривал страшное оружие. Двенадцать и семь, буллпаб, сильно укороченный ствол, тепловизор, интегрированный глушитель. Очень забавная попытка сделать такой калибр чуть более компактным. Винтовка была заряжена. Лиам с минуту покрутил в руках внушительный патрон и вернул его в обойму. Такой калибр мог сбивать гражданские вертолёты, пробивать борты лёгкой техники и кирпичные стены. А с людьми он делал страшные вещи. Максимальная прицельная дальность до двух и даже трех километров в руках профессионала. Лиам уже работал с подобной штукой, но та была куда тяжелее и размером с самого Лиаму.

Где-то в чащобе леса раздался едва слышимый треск. Ветер качал деревья. Лиам замер и прислушался. Треск повторился и стал ближе. Едва наступая на ветки, что-то медленно двигалось на расстояние метров ста в глубине леса. Звуки выхватывались из тишины и были очень чёткими.

Рычажок включения тепловизора щёлкнул и прибор издал протяжный писк. Лиам повернулся в тесном пространстве и направил винтовку в лес. Там, откуда был слышен звук, виднелись лишь покачивающиеся деревья и кусты. На секунду ему показалось, что в перекрестье прицела проплыло что-то очень большое. Треск снова послышался в той стороне, куда ушли братья.

Лиам бесшумно выбрался из машины, закинул массивную винтовку на крышу, но в прицеле был только лес. Трясушимися руками он достал телефон и набрал номер Йована. Гудки. Умные и опытные братья отключили даже вибрацию.

Лиам вспомнил про устройство связи, пошарил по карманам и нашёл небольшую коробочку. Нервно он извлек наушник, попытался вставить его в ухо, но тот выскользнул и исчез под машиной. Руки слушались не так как обычно. Лиам отчаянно закрутился на месте, вода взглядом по асфальту, и пытался найти предмет размером с пуговицу в кромешной темноте. Через семь вдохов, он понял, что это невозможно и прекратил.

В руках его была только дальнобойная снайперская винтовка, совсем не предназначенная для стрельбы в лесу и казавшийся глупым на её фоне пистолет. Багажник

закрыт и Лиам не в курсе, как он открывается. Учитывая его содержимое, скорее всего он антивандальный.

Быстрый выдох и Лиам бросился в чащу леса, с той скоростью, с которой мог бежать. Его зрение выхватывало из темноты только силуэты. Винтовка мешала и придавала всему телу неприятную инерцию, ветки то и дело били его по лицу. Метров через тридцать он остановился, опустил голову и вслушивался. Зрение не было его помощником в данный момент. Где-то далеко в стороне хрустнула ветка, и Лиам снова рванул вперёд.

Сердце неприятно бухало, рука онемела под весом винтовки. Впереди послышались четкие цоканья — очередь винтовки с глушителем и неясный вскрик. Неожиданно лес кончился, и Лиам застыл на возвышенности, переходящей в широкую и чуть освещённую луной поляну с большим дубом в центре. У ствола могучего дерева стоял человек и мотал головой из стороны в сторону. Справа от него послышался нарастающий треск. Это был Йован, и у него неприятности.

Лиам больно упал на грудь, нащупал предохранитель, раздвинул сошки и всмотрелся в прицел. Цель движется слишком быстро, скрыта деревьями и вот-вот достигнет Йована. Лиам не успеет, промахнётся или ветки изменят траекторию пули. Нужно стрелять всё равно. Лиам начал дышать чаще и глубже, готовя выстрел.

Йован прикрыл спину деревом и стрелял короткими очередями. Он не видел хищника, лишь слышал и чувствовал его приближение. Лиам навёл прицел на серба, увидел его напряженное и нечёткое тело и отвёл винтовку на пару сантиметров в сторону цели. Ещё раз проверил предохранитель, плавно выдохнул и задержал дыхание. Между двумя ударами сердца время почти остановилось. Мутный силуэт за долю секунды пересёк крестик, Лиам отвёл винтовку, сделал поправки и плавно нажал на спуск. Винтовка гаркнула громко, даже сквозь глушитель, вырвала сошки из земли и больно засадила Лиаму в плечо. Неуклюже перезарядив непривычный затвор, Лиам приготовился стрелять снова.

Йован полусидел, вжавшись в кору и чуть опустив винтовку, всматривался в темноту. Метрах в трех от него на земле лежала огромная туша. Попал.

Лиам поднялся и, разминая плечо свободной рукой, пошёл вниз. Боль была адской, может, даже выбило сустав. Из кустов вывалился Кристиан, на согнутых ногах и с оружием наперевес. Его фигура перестала быть нелепой.

Йован оцепенел и смотрел на тело, Лиам подходил всё ближе. То, что он застрелил, было большим. Ничего общего с той «романтикой» про оборотней, что он видел пару раз в кинотеатрах. И уж точно ничего общего с тем гризли, которого он убил на охоте между командировками.

Огромная машина смерти. Ближе к трем метрам в длину. Может, полтонны весом. Бугры мышц как у питбуля, длинные пальцы на «руках», переходящие в когти. Страшная пасть. Совсем не похоже на волка. Ничего себе, «псина».

В боку создания зияла рваная дыра, из нее торчали остатки внутренностей и рёбер, кровь ручейком растекалась вокруг и формировалась в небольшое озеро. Волосы на теле Лиамы зашевелились, ноги стали ватными. Адреналиновая буря, захватившая его организм, отступала, неприятно расслабляя мышцы и пуская в голову поток несвязных мыслей и страха.

— Это было... близко, — задумчиво сказал Кристиан, опустил винтовку, и оценивающе посмотрел на Лиаму.

Взгляд Йована был прикован к монстру. Оно ещё жило. Тяжёлое и редкое агональное

дыхание. Расширенные зрачки. Вывалился язык. Рваные и замирающие попытки приподнять грудь и вдохнуть ещё немного воздуха. Последний вздох и конвульсия. Послышался неприятный треск костей, мышц и сухожилий, туша зверя начала ужиматься. Меньше чем за минуту, оно снова стало человеком. Низкорослым пухлым смешным мужчинкой с проплешиной. Страшная рана затянулась, но человек был мертв. Его пустые глаза смотрели в сторону.

Йован встрепенулся и направил оружие в темноту. Из-за деревьев вышла группа людей. Мужчины и женщины выглядели неухожено и были одеты как бездомные. Их лидер, крупный мужчина с большими скулами и непослушными волосами, вышел вперёд. Лиам направил в их сторону оружие и замер.

Какая нервная компания. Одно из гостей постоянно сжимало в сильной судороге, он был бледен как мел, покрыт испариной, дергал руками и тряс головой.

— Лучше возвращайся к себе домой, Чарли, это твоя вина! — крикнул ему Йован в сердцах.

Чарли опустил глаза, женщина из его группы заплакала. Лиам не знал, что делать, Кристиан спокойно достал телефон и начал звонить.

— Это агент Кристиан. Да, да. Видович. А что у нас есть другой Кристиан?.. Ладно ладно, не важно. Инцидент в Гранд Парке. Исчерпан. При попытке нападения застрелен оборотень из местной резервации. Ожидаем на месте. Пришлите необходимые группы по моим координатам. Свидетелей нет.

Спустя полчаса на полянке сталолюдно. Сначала солдаты оцепили место и взяли под охрану представителей «резервации». Затем приехали криминалисты. Они опросили братьев, Лиаму пришлось сходить до машины и долго искать свою позицию и гильзу. Молодой эксперт, работавший с ним, присвистнул и не мог поверить в такой выстрел. Не мог поверить и Лиам. Хотя в его карьере были и куда более божественные попадания. Но не в такие цели. Проще сбить вертолет.

По окончании всех мероприятий за дело взялись уборщики. Они собрали гильзы, сравняли следы, убрали кровь, упаковали в пакет тело несчастного, заснули в фургон и увезли. Йован увёл Чарли и долго беседовал с ним. Лиам глупо стоял в стороне и сжимал свою нелепую винтовку. Кого же он застрелил? Чудовище или всё-таки человека?

Домой Лиам вернулся под утро. Раньше Лиам не ошибался, не сомневался в том, что делает, а теперь — его словно выпотрошили. Когда он осматривал свои цели после выстрелов, все они имели оружие, и это оружие было направлено в сторону его парней. Но этот пухлый маленький мужчина, умерший ночью в лесу, совсем не укладывался в картину и не ассоциировался с той штукой, в которую стрелял Лиам. Ошибки не было. Йован мог умереть. Но всё равно было как-то не по себе.

Посреди «зала» Лиам увидел пирамиду знакомых кейсов. Кейб успел доставить снаряжение. Со злости Лиам пнул их и упал в кровать прямо в одежде. Степень усталости была критической, но сон никак не шёл.

Пробежка по набережной и морской воздух не помогли. Лекарство было. Всего-то надо было пройти пару-тройку кварталов, найти подозрительного парня, трущегося на улице, убедить его, что ты не коп, взять дозу и забыться. На карте было достаточно средств, чтобы замутиться на месяц вперёд. К чёрту. Неужели это будет преследовать его до самого конца?

Скрипя зубами, Лиам сорвался искать ближайший бар, где бы он смог надраться в сопли. Алкоголь проще держать в узде. Слишком много впечатлений для одной ночи.

Медитация VI. Принятие

— Как ты нашёл меня?

Йован молча сел на соседний барный стул. У него было странное и какое-то дьявольское выражение лица.

— По передатчику в твоём бедре. Хах! — рассмеялся он, выдержав паузу. — И это единственный бар для ветеранов в округе. Как я понял, тебе не мешает снять стресс.

Йован был весел и уже немного пьян. Он заказал себе пиво и сделал три больших глотка.

— Ну что? С боевым крещением тебя, — они чокнулись, выпили. — Тяжело такое переварить, понимаю. К такому нельзя подготовить. Но ничего, ко всему привыкаешь. Ты же крепкий парень! Не вешай нос. Хоть ты и нарушил приказ, всё равно отлично сориентировался. Думать своей башкой и не нервничать при нашей работе — это самое главное. У меня аж хорошее настроение случилось на почве того, что я, может быть, доживу до пенсии. А пенсии у нас хорошие. День, курва, за днём доживу.

Серб оказался нормальным парнем. Просто выгорел. Как те, санитары и персонал в психушке. Нельзя сохранить человечность в полной мере, когда вокруг тебя постоянно происходит такое дерьмо. Ты или огрубеешь или сломаешься, как палочка от мороженого.

— В курсе ли правительство?! — разошелся Йован после пары бокалов пива. — Ты думаешь, есть какое-то правительство?! Пхахаха! Ты их видел по телевизору-то? Ты же не идиот. Они клоуны! Клоу-у-ны! Ну не могут так себя вести адекватные люди. Они изображают деятельность и чтут торговые интересы своих кукловодов. И это всё. Ничего в мире не делается, никто ничем не управляет! Думаешь, людьми можно управлять?! Нет, нельзя. Вот такие вот мы. Про Иисуса слышал? Реально был такой чувак. Чудеса творил, знал много чего, с Богом на короткой ноге. Вышел к людям, объяснил, как жить, чтоб всем было хорошо. Кончил он, знаешь как? Такое впечатление, что большинство людей вообще не понимают, что происходит. Как тут управлять? Да никак. Всегда будут неадекватные, недовольные и овощи. А знаешь, что по другую сторону?

Йован уставился на Лиама своими пьяными глазами, тот покачал головой.

— Думаешь волшебные страны с карамельными реками и берегами из печенья? Нет. Большая часть наших соседей уже прекрасно справилась с самоуничтожением. Где-то лучше, где-то хуже. Сильные жрут слабых. Словно у Вселенной был охренительный план! Бездушные камни и огонь звезд она превратит в сложнейшие организмы. Которые будут развиваться миллионы лет от одной смешной клеточки до настоящих произведений анатомического искусства. Создаст невероятно сложные системы органов чувств, кровообращения, дыхания, размножения, наш мозг... И эти сосредоточья атомов вдруг себя осознают. Обретут способности преобразовывать мир, совершенствовать себя, даже создавать себе подобных, без всякой природы и случайности. Смогут любить, сострадать, спасать, помогать, делать лучше, всё к чему прикасаются. Но вместо этого, по плану Вселенной или какого-то повёрнутого Бога, эти организмы будут тупо убивать и жрать друг друга. Какая ирония! Там нет никакого разумного сообщества, в которое мы не готовы вступить. Там мясорубка. Неостановимая, бессмысленная, биологическая мясорубка.

Йован помолчал.

— Знаешь, чего я боюсь? Что однажды через врата к нам перейдут более развитые и

древние создания. Опережающие нас на миллионы лет. Придут, и начнут нас истреблять. Они останутся такими же злыми ублюдками, как и мы сами. Потому что нет никакого света и гуманизма, высшей цели, а есть только наука о том, как создавать более крутые пушки и как более изощрённо убивать друг друга и другие формы жизни. Вот это будет обидно. Не хочу в это верить.

Йован пьян и просто рассказывает ему свой социопатический взгляд на вещи. Но может, так всё и устроено. Не радужно.

— Хочешь поговорить про того парня? — осторожно спросил его Йован, пока они курили на улице.

— Не особо, — Лиаму не удалось отказаться от предложенной сигареты.

— А я все равно расскажу. У тебя лицо, как будто ты ребёнка застрелил. Обратные обычно живут в резервации, чтоб такого не было. Его звали Бен, вроде. Ни семьи, ни детей. Обычный мужик. Плохо адаптировался к своему статусу. Проклятье застигло его уже за тридцать. Как болезнь. Они себя не контролируют, когда обращаются. Совсем. Он бы убил меня. Целенаправленно охотился. Выбора не было. Ты ничего не мог сделать. Всех не спасти.

Они помолчали, Йован докурил и потащил его назад.

— Случай, конечно, крайний. Обычно псины уходят далеко в лес, в городе им не комфортно. Нельзя было, чтобы он попал в город.

Ещё какое-то время они выпивали и пытались вспоминать анекдоты. Получалось плохо.

— А вот этот Кай, приятель твой. И Амврос. Вампиры, так? — вспомнилось Лиаму. — Всегда считал это бредом.

— Бред — это мои отношения с женщинами. Я за пивом. — Йован, шатаясь, ушёл до бара и спустя несколько минут вернулся с подносом, заставленным пивными бутылками.

— Тебе повезло, по этой теме я подготовлен. Диплом писал. Давно это было. Мы с братом, с юных лет на службе. Да и тема эта, можно сказать, личная.

— Личная?

— Да. Личная. Может быть, как-нибудь расскажу. Упыри, вообще-то, давно тут. Только мы доели, дотрахали и доубивали конкурирующие виды, и они явились. Учитывая специфику их рациона, они всегда были неотъемлемо связаны с нашим обществом. Сейчас они держатся в тени, достаточно цивилизованы и гуманны. Но так было не всегда. Между нашими видами было немало мрачных и диких страниц истории. С упырей-то всё и началось. Часть из них решила, что это они высшая раса в этом мире, и люди должны быть их рабами. Там где им удавалось захватить власть, начиналась жесьть. Тысячи людей распяты у дорог, храмы, построенные на костях и из костей, бассейны с кровью, варварские оргии, пытки и казни, младенцы в качестве сладостей, ну и тому подобное. Многие кровавые тираны на самом деле были из их братии. Но не все, к слову.

Йован помолчал и вытащил из-под рубашки серебряный крестик.

— А потом пришло христианство, и это сыграло нам на руку. Отношение к нечести поменялось, Орден укрепился и дал отпор. Совершенные хищники ночью, днём они превращались в лёгкие цели и уничтожались массово. Кто похитрее, ушёл в подполье. Они привлекали наёмников среди людей, даже пытались организовывать свои профессиональные армии. И всё так же терпели поражение. Потому что в искусстве убийства мы их превосходим, — Йован смачно сплюнул на пол. — Это Орден в средние века замутил Инквизицию и начал охоту за скрывающимися вампирами и почти уничтожил их всех.

Выжили только умные и осторожные. Но они не сдались и что-то готовили. Но тут всё поменялось. Тамошний глава Ордена, Андрео Вазари, сумел решить проблему кардинальным способом. Серый Пакт, слышал? Прекрасно понимая, что двери, ведущие в наш мир никак не перекрыть, он решил дать гостям выбор. Вазари смог собрать представителей самых древних домов вампиров и даже так называемую Королевскую Семью. И сделал им предложение, от которого они не смогли отказаться. Им разрешалось кормиться кровью, при условии непричинения смерти или серьезного вреда здоровью людей. Упыри должны были оставаться в тени и контролировать свою популяцию. Древние вампиры, которые ещё помнили свою свободную и роскошную жизнь с радостью приняли предложение. И начали резню среди несогласных.

Йован шумно выдохнул, его глаза горели. Эта тема его будоражила.

— Граничащее с безумием решение расколело бы Орден, если бы не было таким гениальным и эффективным. Ещё при жизни Вазари, вампиры создали новое общество с железным порядком и законами, искоренив вампиров-анархистов. Одна из главных проблем Ордена была решена навсегда. А вампиры получили собственную нишу, где могли безопасно существовать. Со-существовать. Со временем они стали плодотворно сотрудничать с Орденом и помогать нам бороться с угрозами.

— То есть теперь они цивилизованные? — задумался Лиам.

— Да, вполне себе. Они гуманнее тех парней, которых ты валил в пустыне.

— Гуманнее, хм. А что за Королевская Семья?

— Самая влиятельная из организаций из домов вампиров. Они чётко следят за чистотой своей крови, не смешивают её с другими домами. Обращают только лучших представителей человечества, молодых и здоровых, которые ещё при жизни были знатью и имели состояние. И самое главное — голову на плечах. Теперь они живут в Австралии, подальше от своих многочисленных недоброжелателей. Аристократы, короче. Не сильно интересные парни.

— И как они вообще? Похожи на нас? — нахмурился Лиам.

— И да, и нет. Сложный вопрос. С одной стороны все наши понятия они понимают, во многом ведут себя как люди и говорят как люди. Но с другой стороны, ты для них — поросёнок, и они убьют тебя, если захотят бекона. Это немного выносит мозг поначалу.

— Да уж. И как они питаются? Охотятся на людей? Вы это позволяете? — не мог поверить Лиам.

— Да. Пока они ведут себя вежливо, и никто из людей не страдает. Им не нужно причинять вред, чтобы удовлетворить свои потребности. У них своя общественная система, есть свои старейшины, воспитатели, службы безопасности, шерифы и прочее. Если кто-то срывается с поводка — его просто ликвидируют без суда и следствия. Мы не лезем — они сами справляются. Но приглядываем.

— Понятно... С чем ещё мне предстоит столкнуться?

— Даже боюсь предположить. Разберёмся в процессе, брат! У нас на работе возможно всё, в прямом, курва, смысле этого слова. Не всё так плохо и мрачно, не парься. Бывают и светлые моменты, — впервые улыбнулся Йован и они выпили.

— Выглядел как человек. После, — вздохнул Лиам.

— Именно так, Лиам. Все они люди. Проклятые, затерянные, больные, опасные, воняющие, жалкие. И многие нелюди — тоже люди. Твоя работа защищать их всех от зверей. Таких, как сегодня. И то, что тебе плохо от этого, делает тебя человеком. Ты нормальный парень. Спасибо, что спас мою шкуру.

Йован неожиданно встал и, не прощаясь, вышел из бара.

— Как прошел мой первый день?.. Сложный вопрос. У меня не было времени на анализ происходящего. Нам, правда, нужно обсуждать всё это?

Прошла неделя, и Лиам оказался на приёме у местного психолога, красивой и тёплой женщины чуть за тридцать. Мадалин. Если, конечно, это её настоящее имя.

Лиам мял роскошный красный диван, оглядывал высокие, вылизанные белые потолки, роскошный стол из дерева и не мог найти себе места. Он старался не смотреть на ноги и юбку своего психолога. Что-то в ней было очень притягательное.

— Лиам, моя задача состоит в том, чтобы помочь тебе адаптироваться и сгладить те острые моменты, которые возникли в твоей новой жизни, — голос Мадалин был похож на мягкий ром, перемешанный с колой, льдом и лаймом.

Лиам хотел помочь. Но говорить было нечего. С первых минут своей "новой жизни" он старался уйти на волну протрации, которая сопровождала его в армии. Там не учили думать и заниматься анализом своих чувств. Наоборот, учили действовать и делать то, что, необходимо, несмотря на происходящее. Непривычно держать в голове что-то ещё. Неприятные моменты были, но так можно сказать про любую работу на свете.

— Я не знаю, что Вам ответить. Со мной всё нормально, я хорошо сплю, я спокоен, ничего меня не раздражает, ничего не беспокоит.

Пока что это было правдой. Ранения случались. Но все они покрывались коркой, заживали и превращались в шрамы. Иногда эти шрамы беспокоили. А некоторые даже мешали делать привычные вещи — ходить, дышать, поднимать тяжести. Но ко всему привыкаешь, даже к постоянной боли и дискомфорту. Тело всегда найдёт способ существовать дальше и делать то, что от него требуется.

— Расскажи про свой первый день, Лиам. Пожалуйста, — вкрадчиво произнесла Мадалин, придвинув своё кресло так близко к дивану, что их колени соприкоснулись.

— Ну. Вроде я справился. Я был сосредоточен на том, чтобы не допустить ошибок, но плохо понимал, что происходит. Всё пошло наперекосяк. Я доверился чутью, и оно не подвело. Я сделал всё правильно. Думаю, я смогу ко всему этому привыкнуть, — как ни старался Лиам, ему не удавалось убрать взгляд с ног доктора.

— Конечно, сможешь, Лиам. Даже не сомневайся. А как тебе твои коллеги? — тон доктора обрел подбадривающие и ироничные интонации.

— Грех жаловаться. Отличные парни. И я не переоцениваю — с разными служил. Вообще, у вас побольше порядка, чем в армии. Это плюс. Может, тесты какие-нибудь порисуем, доктор?

— Никаких тестов. Мы тут серьезными вещами занимаемся! — Мадалин рассмеялась.

Смех прервался и голова Мадалин упала на грудь, её осанка пропала и некоторое время она сидела скрючившись и смотрела на пол. Неожиданно она оказалась на ногах, пересекла пространство кабинета, открыла окно и закурила, нервно смахивая пепел прямо на дорогой белый подоконник. От расслабленного, соблазнительного и доверительного языка тела и голоса не осталось и следа. Перед Лиамом стояла усталая бизнес-леди и врач, с очень длинной рабочей неделей. И она не пыталась соблазнить Лиам. Ей вообще было плевать.

— Расслабься уже, парень. Я прекрасно понимаю, как вам, воякам и мужланам, некомфортно и тяжело говорить о своих чувствах. Да вы себе даже вопросов таких не задавали никогда. И внимания не обращали, на то, что у вас внутри. Но так вот уж совпало,

что моя работа это дело исправить. Зачем? Да затем, Лиам, что в последний раз, когда ты столкнулся с проблемами, ты вместо их решения захотел откинуться от передозировки в самом обоссаном героиновом притоне в мире. А мог и вообще стрельбу в торговом центре устроить, бесноватый ты хер! А теперь на тебе висит судьба грёбанного человечества. Ну, не только на тебе, но суть не меняется. Мне это тоже всё не нравится. У меня дома собака со вчерашнего дня не кормлена. Христом Спасителем тебя умоляю, давай не будем превращать эти встречи в пытку и в десять лет неэффективной терапии с одними и теми же вопросами, чтобы ты уже под конец жизни понял, на что ты обиделся и где тебе ссыкотно. И что папочка тебя недолюбил и так мало говорил, что ты хороший. Давай, решим эти вопросы, как взрослые люди. Договорились?

— Договорились, — Лиам словно получил удар в солнечное сплетение.

Ещё немного они помолчали, доктор расправилась с сигаретой и вернулась к Лиаму.

— Ладно. Вернемся к твоим проблемам вселенского масштаба на следующей неделе. Пока запишем, что ты проходишь. Но у нас ещё куча времени, и нам придется затронуть ещё одну тему, которая покажется тебе не самой приятной. Твои видения.

— Ну чего Вы начинаете, нормально же общались... Нет никаких видений, меня ничего не беспокоит. Я в порядке. Мне всё объяснили, я не псих. Я экстрасенс или типа того. Типа как метеочувствительный. Виденья не могут причинить мне вред. Я это понимаю, — спокойный тон Лиама вряд ли смог скрыть скребующийся внутри него страх.

— Да, ты не псих. Но если ты будешь держать всё в себе и подавлять это — ты им станешь. Рано или поздно.

Лиам абстрагировался всё больше, разговор двигался в совсем уж неприятное русло.

— Я не только психолог и врач. Ещё я специализируюсь и в другой области.

— В области неловких разговоров?

— Нет, — снова эта её обворожительная улыбка. — Ещё я могу видеть мир, примерно так же, как и ты. Только в отличие от тебя, я многое знаю и умею. И я могу ответить на всё твои вопросы.

— Вы что, ведьма? — ляпнул Лиам и сразу захотел залепить себе пощечину.

— Нет. Я медиум и могу получать некоторую информацию. Я предпочитаю психотерапию и психиатрию, но свои таланты отрицать глупо. И я тоже об этом не просила, как и ты.

— Откуда можете получать?

— Оттуда же откуда и ты. То есть — понятия не имею. Есть несколько теорий. Не важно. Итак, Лиам. Мальчик из твоих видений. Расскажи о нем. Это ведь самый яркий повод для беспокойства? Верно?

Лиам принял замкнутую позу и сцепил пальцы. Несколько минут он молчал, собираясь с мыслями и пытаясь выдавить из себя первое слово. Нужно начать говорить об этом.

— Хорошо. Моя последняя командировка. Мы зачищали город и продвигались внутрь, к центру. Я занял крышу и прикрывал своих. Позиция была не самая удачная, обзор частично закрыт бортиком крыши. Снял двух стрелков. Всё шло хорошо. Но потом из переулка появился мальчик. Лет двенадцати. Остановился и побежал прямо на колонну. В руках у него была граната. Я не колебался и снял его. Чистый выстрел, в голову. Через пару секунд до меня дошло, что это был ребенок. Вот и всё, — немного сбивчиво рассказал Лиам.

— Ничего себе. Как будто отчёт читаешь с бумажки! Волосы дыбом. Ты ребёнка застрелил, Лиам! Неужели ничего не чувствуешь? — реакция доктора была слишком уж

эмоциональной.

— Ничего. Ну как ничего? Это плохо. Очень плохо. Отвратительно. Не должно было быть там этого ребенка. Но мир таков. Много дерьма происходит. Такова война. Я предпочитаю не думать об этом. Это моя работа. От того как я её делаю, зависят жизни людей, которых я должен прикрывать, у которых есть жёны и дети. Если бы я замешкался, он бы подорвал ребят, или кто-то бы застрелил его. Все равно. Бенисио, мой напарник, как-то сказал мне в подобной беседе: «Лиам у тебя за спиной сорок килограмм амуниции, не носи с собой ещё один груз. Это тебе никак не поможет».

— А что было после? — всё это время психолог умудрялась записывать всё, что он говорил.

— После? Не знаю. Месяц прошёл или два. Он мне снился сначала. Не помню, про что сны. Да там и так плохо спалось. Нервно. Нельзя крепко спать. И душно ещё постоянно, жарко. А когда бываешь на базе, всё равно как-то не чувствуешь, что ты в безопасности. Просыпался несколько раз, и как будто не один в комнате. Кто-то смотрит на меня. А потом открываю глаза, и он стоит у стены и сверлит взглядом. В крови весь, у него в голове дырка от моей пули, синий какой-то, глаза пустые такие. Первое время думал, что это совесть или реакция какая-то, стресс. Ну, понятно же почему. Но не прекратилось. Как-то в один день понял, что уже совсем не о кошмарах речь, я на службе, точно не сплю и всё равно вижу. Иногда говорить пытался. Ну он. Как будто звук у телевизора отключили, губами шевелит, а ничего не слышно. Несколько раз днём было. Заходишь за угол, а он там стоит. А потом и другие были. Тоже из местных. Мужчины. Одна женщина. Я её не убивал даже. Фух.

Лиам била мелкая дрожь. Слезы не полились и сегодня, хотя доктор очень «старалась». Да он понятия не имел, когда плакал в последний раз. Слезы это не про него. Дрожать, пускать сопли, стучать зубами, рвать на куски свои губы, держать дерьмо в заднице и терпеть, всё что нужно, как говорил сержант Мосли. Вот это про него. А слезы — нет.

Голос доктора охладел, она подседа поближе и взяла его за руку.

— Ну всё-всё. Это просто вещи, которые происходят. Как дождь или снег. Всё, что тебе нужно знать: смерть — это не конец. Тело лишь сосуд, вмещающий твою сущность. Когда твой биологический цикл закончится, то, что называется душой, отправится дальше. Для нас это уже научный факт. Душа будет воплощаться в этом или других мирах. В этом мире останется твой энергоинформационный след, как отпечаток или фотография. Сознание без физического тела. Оно может попасть в любой ад или рай или же остаться тут. Стать ангелом-хранителем или мучиться, прикованной к чему-либо. Как бывает с жертвами насилия или самоубийцами. Конец всегда один — это энергия развеется и станет частью общего поля. Видишь? Никакой мистики, всё просто, логично и понятно. Мальчик прикован к тебе. Видимо, потому что ты убил его. Сейчас я узнаю, в чём дело и попрошу его уйти.

Вот теперь Лиам испугался по-настоящему и замотал головой.

— Тебе это нужно, расцепи пальцы, — лицо Мадалин, стало суровым, она закрыла глаза, наклонилась к нему и замолчала.

Лиам глубоко дышал. Он хотел сказать "нет", но мог только беспомощно смотреть на доктора. Температура в комнате ощутимо упала. Лиам закрыл глаза и дышал. Ничего не происходило. Прошло некоторое время, и доктор выпустила его руку.

— Ну всё, всё, зайчик. Ничего страшного. Ты в безопасности, — доктор неожиданно крепко обняла Лиам и уткнулась в него головой.

Лиам почувствовал запах её духов и плотное, мощное, ритмичное сердцебиение. Доктор

выпустила его из объятий, подошла к столу, быстро налила стакан какой-то дряни и протянула его Лиаму. Он сделал несколько глотков, руки его тряслись. Опять виски. Отличный вариант встретить полдень.

— Что ж. Разговор был интересный. Не всё мне понятно, язык другой. Но в целом трактовка следующая. Мальчика зовут Омар. И он не испытывает к тебе негативных эмоций. Когда он был жив, ему пришлось тяжело. Его родные погибли под бомбами, что его очень обидело. Хотел отомстить, и был очень рад, что ты остановил его. После смерти понял, что его близкие в лучшем месте. Не хотел стать причиной смерти невинных людей, и счастлив от того, что не стал. Хороший парень, прямо светлый. Заинтересовался тобой. Сначала думал, что ты монстр, но потом понял, что ты очень переживаешь за каждую отнятую жизнь. Что очень мило. Он тебя не винит. Приходил к тебе, чтобы помочь снять с плеч этот груз. Но ты не слышал его. Не бойся его больше.

Это меняло всё. Вот бы переварить. Комок в его горле медленно растворялся.

— Он больше не будет приходить? — с надеждой спросил Лиам.

— А ты-то сам, как думаешь? Эта дверь никогда не закроется. Ты всё время будешь что-то видеть, придется научиться жить с этим. Я помогу.

— Нет.... не хочу....хватит на сегодня. Я устал.

— Очень зря. Всё бывает куда мрачнее и навязчивее. С этой проблемой игнором не справиться. Мы вернёмся к этому. Нельзя всё так оставлять, может плохо кончиться, — тон её голоса изменился, стал каким-то более бодрым и веселым, — Я сейчас научную работу пишу, про казахский шаманизм. Там термин даже есть, в этих культурах, «болезнь шаманов», называется. Если человек отвергает дар, ему будет плохо.

— «Каза» что? — удивленно пробормотал Лиам.

— Ой, да пошёл ты в жопу, Лиам. Себе бы хобби нашёл, а потом бы других судил. Это, кстати, профессиональный совет. Мне моё нравится. Ладно. На сегодня всё, достал ты меня. До следующего раза, тряпка. Понаберут морпехов... Не болей, если что, звони мне в любое время. Все, бывай...

Медитация VII. Темнота

Перед Лиамом постепенно вырисовывалась картина жизни города, скрытая от глаз обывателей. Гости из других миров были повсюду, совсем близко они жили своей жизнью. Иногда они были не отличны от нас, иногда прятались по самым тёмным углам. Имели свои магазины, клубы, общины, предприятия, работали как обычные мигранты и основывали свои маленькие сообщества. Лиам всматривался в их лица, слушал их разговоры и пытался понять. Некоторые обитатели отличались от людей лишь внешним видом, их жизнь была скрытной, но они ели поп-корн, слушали рэп и смотрели видео с котятами на Ютубе. Другие же были настолько далеки от человека, что Лиам не понимал, как Йовану удаётся обмениваться с ними какой-либо информацией.

На Орден гости реагировали по-разному. Типичными их реакциями были недоверие, страх, агрессия и нежелание иметь проблемы. Словно они были обычными нелегалами из Мексики, приехавшими строить более сытую жизнь. Лишь небольшая часть иностранцев считала Землю своим домом, а Орден своей защитой.

Самым странным и запоминающимся персонажем было создание, представляющее собой каменную горгулью. Йован обращался к «этому» по имени Моан. Если это вообще было имя. Основным видом деятельности Моана было восседание на своем постаменте у городского кладбища.

Йован объяснил, что Моану нравится созерцать наш мир, и время течёт для него иначе, чем для людей. Четыре часа Йован рисовал в блокноте свои вопросы, держал перед глазами горгульи и ожидал ответа. Спустя несколько минут, двигаясь почти незаметно, оно давало односложные ответы «да» или «нет», чуть отворачивая голову вниз, словно кивая.

— Думаешь, это трудности? — спросил Йован изнуренного ожиданием Лиамом. — Ты представь, сколько времени мы потратили, чтобы научить его читать.

Лиам старался не удивляться, сохранять голову чистой и холодной. Политические распри, конфликты, преступность на улицах, бюрократия и прочий человеческий беспорядок казался всё более смешным и глупым.

Много времени они проводили в штабе. Постоянное движение, звонки, проверки, работа с экспертами, допросы, заполнение бумаг. Большая свобода действий, чем в армии и ещё большая ответственность. Раньше перед Лиамом ставились задачи, и он их выполнял. Теперь от него требовали подмечать детали и определять, что из этого потока безумной информации может быть признаком угрозы. Знаний и опыта вряд ли будет хватать и через лет десять такой работы, оставалось полагаться на своё чутьё. А оно пока было не очень-то и разговорчивым.

Каждая команда брала на себя различные дела, большую часть из которых можно было назвать «бытовухой». Ничто не ускользало от взора Организации. Споры за территорию, межвидовые конфликты, незаконный бизнес, странные услуги и продажа запрещённых товаров, покушения на здоровье и жизнь людей, попытки поменять реальность и порядок вещей. Иногда пострадавших не было, как и злого умысла. Но чаще всего речь шла о человеческих жизнях. Не всегда Орден успевал сработать на опережение и предотвратить трагедию.

«Висяки» тут не любили. Все узелочки и ниточки должны быть распутаны, даже если на это уйдут месяцы или годы. Всё тайное в итоге должно стать явным. Система просто не

позволяла действовать иначе. Упущенная, мелкая и незначительная деталь может привести к катастрофе.

Дома, в свободное время, Лиам читал. Больше всего его интересовали последние происшествия и то, как Орден на них реагировал. Всё, что касалось его обязанностей на новой работе.

В одну из смен Лиам столкнулся на входе с группой людей в строгих костюмах. Что-то в них было отталкивающее и неприятное. Отдел Внутренней Безопасности никто не любил. Кристиан рассказал, как пару лет назад, расследуя демоническую активность, братья наткнулись на целую преступную сеть. Русские иммигранты перешли с продажи наркотиков на продажу людей демонам — в качестве рабов и пищи. Организовали подпольные бойни и рынок. Братья ликвидировали несколько замешанных и передали это дело отделу Внутренней Безопасности. Все преступники-люди просто исчезли. Их казнили и избавились от тел. Отвратительный итог жизни отвратительных по своей сути людей.

Потихоньку Лиам начал привыкать, но спокойствие и размеренность были недолгими, скорее даже выходящими за рамки привычного положения дел. В городе, расположенном на перекрёстке миров, постоянно что-то происходило.

Спустя почти три недели после смерти обескровленной Марты Веил дотошные эксперты Ордена смогли отследить всех людей, кто был с ней в контакте или просто поблизости в последние дни её жизни.

За сутки до того как было обнаружено её тело, группа неизвестных похитила её по пути от бара до дома. Ей вкололи убойную дозу успокоительного, используемого в ветеринарных клиниках. Она практически не сопротивлялась. Пока была без сознания, её раздели догола, перерезали горло стандартным, но уже затупленным медицинским скальпелем на десять и дали истечь кровью, предположительно, подвесив вниз головой. Затем поверхность её тела была обработана отбеливателем, и её снова одели.

Это, определённо, сделали люди. Преступление было продуманным, отточенным, преступники заметали следы, у них был план и умысел.

В общую картину не укладывалась только поза, в которой была найдена жертва и её посмертные травмы головы и кожи. Тело молодой девушки грубо выкинули в переулок, как послание.

Там и были обнаружены следы шин. Каким-то невероятным образом эксперты смогли рассчитать массу машины, определить подходящие модели и составить список подозреваемых со всего штата. Владелец старого заднеприводного фургона. Предположительно, марки Форд.

Преступник попался на глупой ошибке. Он выключил телефон. Владельцев старых заднеприводных фургонов, отключивших телефон на несколько часов в тот день, оказалось немного. Список подозреваемых сократился до двенадцати человек.

Эксперт объехал их дома и, не привлекая внимания, осмотрел припаркованные машины на предмет следов крови. На четвертом адресе ему повезло.

Группе захвата не удалось произвести задержание. Подозреваемый оказал вооруженное сопротивление, успел уничтожить жёсткий диск и застрелился. Он был членом тайного культа. Какого именно только предстояло выяснить.

— Дальше — пешком, — Йован сделал большой глоток кофе из пластикового стаканчика и аккуратно поставил его на бордюр.

Лиам ещё раз проверил карабин и пошёл вслед за братьями, пробираться сквозь кучи строительного мусора, вдоль стены заброшенного автомобильного завода.

Йован остановился и долго разглядывал территорию в бинокль.

— Как-то слишком тихо, да? — спросил его Кристиан, из его рта шёл пар.

— Да. Не люблю, когда так тихо. Судя по их последним беседам в уютных чатиках, они что-то нехорошее готовят именно тут, ошибка маловероятна.

— Есть шанс, что мы проворонили что-то мрачное, — тихо сказал Крис Лиаму. — Если нет — передадим культистов Внутренней Безопасности. Или действуем по ситуации. Терпеть не могу дела, в которых замешаны люди.

Медленно и тихо, друг за другом, они проникли в сборочный цех. Йован застыл на месте и поднял руку кулаком вверх — знак того, что нужно остановиться и замереть. Минуту он прислушивался и затем расслабленно опустил плечи.

— Похоже, мы одни. Пойдем, посмотрим что там, — махнул он рукой и уже расслабленно зашагал вперёд.

Йован включил фонарь на винтовке и начал водить им, освещая стены и потолок. Помещения старого завода были пусты, в них иногда попадались обломки мебели, рабочих предметов, истлевшие документы и прочий мусор.

Они миновали проходную и офисную часть, вышли на производственную линию и вдруг Йован замер. На бетонном полу, у двери, ведущей во внутренний дворик, виднелось около двадцати окурков, последний из которых ещё тлел. Лиам поднял винтовку и прислушался. Тихо.

Йован осторожно приоткрыл двойную дверь и резко вошел. Лиам устремился за ним, поскользнулся на чём-то и чуть не упал.

— Вот дерьмо! — прорычал серб.

Лиам направил фонарь вниз. Он стоял в луже крови, настолько огромной, что она простиралась вглубь помещения.

Глаза Лиам забегали, пальцы стиснули винтовку, его затошнило. Одно за другим, фонарики выхватывали тела людей, разбросанные вокруг. У всех было перерезано горло. По крайней мере, один из мертвецов сжимал в руке нож.

— Экспертов по нашим координатам, — бросил Кристиан в рацию и отвернулся.

Смотреть не хотелось. Несчастные погибли страшной смертью. Захлебываясь собственной кровью, в агонии вырывая свои ногти о твёрдый пол. Кто в здравом уме может добровольно перерезать себе горло? Или как их смогли заставить совершить такое?

Лиам закашлялся и хотел пулей вылететь на улицу. В глубине помещения, под потолком, стены завибрировали и покрылись сеткой трещин. Лиам зажмурился и подумал, что сейчас бахнет в обморок. На плечи свалился непомерный груз и потянул к земле. Пол под его ногами превратился в зыбучий песок. Йовану тоже стало нехорошо. Тот вцепился в винтовку и побледнел, его била дрожь, Кристиан опустил на одно колено и пытался поднять оружие.

По всем стенам, мелкой паутинкой расплзлось что-то тёмное и вязкое. Так же резко видение пропало и ощущение тяжести ушло. Татуировка под слоем одежды и брони жгла, словно к ней прислонили раскалённый металл.

— Что это было? — прохрипел Йован, он всё-таки упал, но пытался прийти в себя и подняться.

Вскоре здание и его территория были перекрыты заграждениями и освещены. Люди в форме ФБР сновали туда-сюда, выносили и складировали бесконечный ряд чёрных полиэтиленовых мешков. Йован был мрачнее раза в четыре больше обычного. Его руки дрожали, он достал из внутреннего кармана очень старую и почти пустую, смятую пачку сигарет и закурил.

— Не сами они это сделали, ой не сами, — твердил он.

Расслабленная улыбка исчезла с лица Кристиана, он выглядел задумчиво и взволнованно. Йован обходил место происшествия, внимательно осматривая его с разных ракурсов, но надолго его не хватило. Минут десять он пытался оттереть от себя следы крови влажными салфетками, но это было бесполезным занятием.

Предоставив дело экспертам, они бросили винтовки в салон, сели в машину и поехали прочь.

Зубы серба скрипели друг об друга, а Лиаму захотелось вернуться в уютный бар, и чтобы в этом баре обязательно была горячая ванна или сауна.

Кристиан махнул рукой, и Йован остановил машину. Метрах в тридцати от них в глубине мелких построек припарковалось старое спортивное купе. Других машин в округе не было. Кристиан открыл дверь и вышел, всматриваясь в темноту.

Фары зажглись, и купе с визгом шин устремилось прочь. Кристиан тут же оказался на своём месте. Двигатель взревел и, разбрасывая грунт, они бросились следом. Кристиан достал с заднего сиденья свою винтовку и всё порывался вылезти в окно, чтобы открыть огонь, но машину кидало так, что он бы просто вылетел.

Лиам схватился за ручку и втянул голову в плечи. Он был готов к тому, что над крышей их автомобиля вот-вот заработает станковый пулёмет Раджа. Дрожь от его отдачи будет неприятно бить в уши и тело. Его ноздри сжались, зная, что от агрессивной погони в салон попадет много пыли и станет тяжело дышать. И что некоторые пули могут прошить их хаммер насквозь. Нет, он не в пустыне. Он здесь и сейчас.

Водитель купе не был хорош. На очередном повороте машина не вписалась, и на всей скорости её швырнуло на высокий бордюр. Несколько раз она перекувыркнулась, отрыгнула поломанное колесо вместе с частью подвески и, скрипя старым металлом, остановилась. Фары заморгали и погасли, из-под капота пошёл пар.

Из салона перевернутой машины засверкали вспышки. Лиам не думал — рефлекторно нырнул под сиденье. словно капли крупного дождя, автоматные пули застучали по стеклу и кузову их машины. Лиам выдохнул. Тяжелый старый седан был ещё и неплохо бронирован.

— Отлично. Психи с пушками, — чуть пригибаясь, хмуро сказал Йован. — Делать нечего. Выходим и валим их. Надеюсь, не шальные латиносы.

Лиам нащупал свою винтовку, ещё раз выдохнул, резким движением открыл дверь, выкатился из машины и, встав за багажник, открыл ответный огонь короткими очередями. Стрелков было двое, прикрывая друг друга, они отходили в здание школы неподалеку. Старший брат в полный рост шёл к стрелкам и посылал в них одиночные выстрелы, пока они не скрылись.

Йован жестом показал следовать за ними и прикрывать друг друга. За поворотом здания оказалась крыльцо и простреленная дверь. Лиам бесшумно и быстро сменил магазин.

Их обдало короткой очередью из-за угла, Лиам вжался в стену и стал осторожно продвигаться вперед. Не дойдя до конца стены пару метров, он услышал очень тихий, но знакомый металлический звук. На секунду из-за угла показалась чья-то рука.

— Граната! — что было силы прокричал Лиам, разбежался, прыгнул за стойку, вжался в пол, убрал голову в плечи и раскрыл рот.

Пространство в нескольких метрах от него резко сжалось и вспыхнуло. По голове ударила шпукатурка, в ушах появился писк. Лиам с трудом поднялся и открыл огонь вслепую, боковым зрением надеясь найти живых товарищей.

Братья не успели подойти так близко и нырнули в коридор. Они были недовольны и ругались на незнакомом языке. Стрелявших удалось зажать в тупике. Они спрятались за горой наспех перевернутых металлических шкафов. Пальба продолжалась ещё несколько минут, у Лиамы вышли патроны, он переключился на пистолет и методично всадил вглубь коридора две обоймы.

Лиам терпеть не мог такие перестрелки. Механическая работа, пригибайся, вставай из укрытия и стреляй в сторону противника, может быть, он упадёт. Ничего общего с голливудскими боевиками. Во время компании во Вьетнаме армия тратила на убийство одного вражеского солдата в среднем до десяти тысяч пуль. Другое дело — искусство снайпера, когда ты один мог поменять ход сражения и твои пули достигали цели. Но работа есть работа.

Стало тихо. Похоже, и их противники были пусты. Лиам посмотрел на братьев, ожидая приказов. Йован натянул неприятную ухмылку, вытащил нож и осторожным шагом пошёл вперед. Почему он не вызвал подкрепление?

Из укрытия показался первый стрелявший. Рэднек в рваных джинсах, армейских ботинках и засаленной футболке. С ненавистью он посмотрел на Йована, освободил от одежды торс и тоже собирался драться врукопашную.

— Вот дерьмо! — Йован приостановился и застыл, его улыбка сменился сначала отвращением, а потом испугом.

Стрелявшего начало ломать и трясти в судорогах. Запястья и спина изогнулись дугой, голова упала на грудь и замерла. Он упал на четвереньки и снова выгнулся. Послышался треск костей и сухожилий. Тихий, сдавленный крик нарастал и переходил в утробный рык.

Йован уже бежал. Это следовало сделать и замешкавшемуся Лиаму, времени у него совсем не оставалось. Через пару секунд он услышал за спиной размеренное и чёткое цоканье когтей по бетону.

Звук быстро приближался. Лиам резко затормозил и бросился в боковое ответвление. Чудовище проскользило дальше по инерции и решило преследовать братьев. Сербь знали, что по прямой им не убежать и на всей скорости нырнули за стойку. Раздался грохот — зверь с размаху вошел в деревянную конструкцию и разметал её, разбросав братьев по коридору.

Йована прибило к стене. Зверь вырвался из обломков и, оскалившись, кинулся на него. Лиам рванул вперед, стискивая в руке нож. Не успеть.

Чудовище так и не добралось до Йована. На пути зверя, словно из воздуха, возник человек. Он принял прыжок твари на себя и двумя руками откинул её, словно это была комнатная собачонка. Зверь оставил в стене вмятину, потряс головой и одним прыжком снова добрался до противника.

Ладони человека сомкнулись на пасти чудовища, и на секунду они застыли, словно два борца на Олимпийских играх. Лёгким движением незнакомец развел руки вверх и вниз. Плоть затрещала и разорвалась, на пол хлынул поток крови. Зверь дернулся, сразу же затих и обмяк на пол. Человек выпустил тело, сделал несколько быстрых шагов, подошёл к Йовану и

сжал его руку.

— Чш-ш-ш, — произнес он и вырвал из руки бледного как мел, Йована гранату, с которой тот всё ещё пытался совладать.

В глубине коридора послышался шум, второй противник убежал.

— Привет, я Франк, — человек заговорил так, словно был заводилой на студенческой вечеринке.

Йован уставился на него бешеными глазами и замер.

— Ты дурак. И псих, — погрозил тот пальцем сербу.

Хлипкий на вид и низкорослый спаситель был одет в чёрную блестящую рубашку, брюки и туфли, похожие на мокасины. От его затылка, шеи и запястий вглубь одежды уходили жуткие шрамы. На лиц его застыли мелкие капли брызнувшей крови.

— Я Франк, — с долей веселья повторил он и повернулся к Йовану, — вызывай охотников и чистильщиков. А то вы, ребята, уже ни петь, ни рисовать. И покажите мне жральню какую-нибудь поближе, подыхаю с голоду. Видели, как этот парень обратился? Так прикольно.

Ночная закусовая «Биг Мил» видела и более странные компании. Их новый знакомый запихивал в себя непостижимое количество еды, причмокивал, обсасывал пальцы и издавал звуки удовлетворения. Лиам и братья сверлили его взглядом и молчали.

— Что ты такое? — не скрывая отвращения, выдавил из себя Йован.

— Я Франк. Говорил же уже. Тебя головой приложили, что ли? — не отвлекаясь от еды, отмахнулся он.

Йована хватило ещё минуты на полторы, он кипел и давился своей злобой.

— Нет... Что ты, мать твою, такое? — заорал он.

— О, в этом плане? — странный человек прочистил горло и максимально приятным тоном выдал. — Вот послушай, всё не могу определиться со вступительной речью. Я Франк, экспериментальный солдат Ордена. Представляю Научный Отдел. Мой отряд направлен к вам на усиление. Меня заинтересовало ваше текущее дело. Жопасть какое жуткое и мрачное дерьмо! Удовлетворён? — мерзковато улыбнулся он сербу.

Йован замолчал, лицо его всё больше менялось на гримасу отвращения.

— Тебя что, из кусков сшили?

— Ну, примерно, так и есть. Если бы ты читал книги, мудила, или хотя бы был знаком с кинематографом, ты бы уже понял всю иронию, с которой я выбрал себе рабочий псевдоним. В общем, привыкай к этому голливудскому личику, я послоняюсь с вами, пока скучно не станет. Учитывая, что я спас ваши горящие задницы, это явно не лишнее. Позвони в Центральную, они подтвердят мое назначение. И да, ты тоже рожей не особо вышел. Мудила.

«Рожа» Йована стала ещё страшнее, он вцепился взглядом во Франка и пулей вылетел из-за стола. На улице он схватил за грудки проходящего мимо здоровяка, вытряс из него сигарету, трясущимися руками подкурил её и минут пять лаялся с кем-то по телефону. В конце разговора он со всей силы швырнул бронированный телефон об землю, подобрал его и вернулся в зал уже спокойный.

— Подтвердили, — бросил он сухо.

Кристиан хмыкнул, быстрым движением выхватил один из последних бургеров с тарелки Франка, откусил и начал жевать.

— Вот и славно. Будем знакомы! — страшновато улыбнулся Франк.

Дождь лил уже три дня. Его бесконечный поток размыл почву и превратил её в болото. Окопы заполнились водой, их края осыпались, оставаться в них было опасно. Но бой не прекращался.

Штурмовая дивизия СС раз за разом бросалась в суицидальные наступления, оставляя десятки тел на подступах к лесу и высоте. Фрицы шли в бой, будто русские штрафники, в спину которых смотрели пулемёты. Наступление сменялось залпами артиллерии, ряды защитников таяли, как и патроны. Подкрепления не было. Оно завязло на размытой дороге.

В какой-то момент рядовой Настас остался один. Его рота и сержант были мертвы или позорно бежали. Но Настас бежать не мог, осколок сильно повредил его колено.

Оставалось лишь одно. То, о чем уже давно твердил Дух Волка, живший в нём. Настас убьёт всех врагов. Отпустит вожжи.

Тёмная ночь и пелена дождя скрывали горизонт так, что даже его глаза не могли разглядеть врагов. Но они шли вперёд. Он слышал это и чувствовал запах, ослабленный и прибитый водой. Настас молился духам земли, деревьев, травы и неба. Чтобы они дали ему сил и простили его за то, что он сделает.

Тело начало ломаться и рваться. Это всегда было настолько больно и страшно, что можно было сойти с ума. Из последних сил он сорвал с себя рубашку и жетон. Его поле зрения сузилось до одной точки. Звуки стали объёмными и громкими, запахи потных тел, гари и трупов невыносимыми. Но сам Настас был очень далеко от всего что происходит.

Страшный рык вырвался из его пасти. Дух Волка бросился вперёд. Где-то из глубины Зверя Настас ощутил пьянящий вкус крови на губах и невероятную мощь. Колено больше не болело. Издалека донеслись выстрелы и вопли, полные ужаса.

Дух Волка был доволен. Он упивался своей силой, кровью, плотью и страхом своих врагов. Врезался в их ряды и разбрасывал их, словно кегли. Вспышки слепили его, он не мог набрать скорость по скользкой траве, грохот оглушал, но он был жнецом и брал свой кровавый урожай. Пока что-то не подбросило его вверх и не ударило об землю. Куски металла впились во всё тело. Уши перестали слышать, стало больно дышать. Смертные наконец-то дали отпор разъяренному чудовищу.

Тяжело дыша и хромая, раненный Дух Волка побрёл прочь, скрылся в лесочке, прорвался сквозь деревья, пошатнулся, свалился с обрыва и теперь тонул в воде и грязи. Крупные капли гулко падали на его череп, обтянутый плотной кожей.

Настас вглядывался в темноту и пытался понять, что происходит. Больно. Рукой он вытер кровь с губ, то ли свою, то ли своих врагов. Сил обратиться назад не было. Дух Волка отчаянно сражался за свою жизнь, но трясина была сильнее.

— Что ты делаешь? — донёсся издалека искажённый голос.

— Умираю, — подумал Настас. Никто раньше не приходил в его темноту.

— Зачем? — удивился голос.

— Такова моя судьба, — вздохнул Настас.

Могучие лапы зверя беспомощно цеплялись за мокрую почву и срывались вниз. Раз за разом раненый Дух Волка погружался в лужу грязи всё глубже и глубже. Силы были на исходе. Хватать воздух пробитыми легкими становилось всё тяжелее, раны затягивались слишком медленно, Зверь слабел.

— Почему ты проклят? — что-то разглядывало Настаса из темноты.

— Кто ты? — немного испугался он, но быстро успокоился.

Настас был благодарен, что не чувствует и десятой доли того, что свалилось на Зверя. И тут, в темноте, в свой последний день, он не хотел быть один.

— Я тоже тону. Нам нужно выбраться. Выбери́йся! — крик чужака был полон боли и агонии.

— Я не могу, — беззвучно прошептал Настас.

— Ты проклят. Это будет повторяться снова и снова. Так хотел твой Отец. Умирать за других. Снова и снова. Я вижу эту цепочку. Ты должен выбраться. Выбери́йся! Выбери́йся! Выбери́йся!

Настас не хотел умирать. Он ушёл, так и не сказав своей Лилуай то, что всегда хотел. Что вообще толкнуло его пересечь океан и сражаться за другой народ в этой войне? Зачем он здесь? Почему он умирает?

Лапы зверя соскользнули, и он полностью ушёл под воду. В груди жгло и давило, сил, чтобы дотянуться и всплыть, не осталось.

— Лилуай! — закричал он так громко, что впервые за всю его жизнь Зверь смутился и отступил.

Кости его снова сломались, мышцы разорвались, и всё тело сгорело словно в огне. Пули и осколки с нестерпимой болью вышли наружу. Настас устремился вверх и руки человека мёртвой хваткой вцепись в могучий корень, оголённый и торчавший из почвы.

— Лилуай! — пронзил ночь его крик и утонул в раскатах грома и отдалённой пальбе.

Темнота в его глазах и в том месте, откуда он вернулся, смешались. Не все его раны смогли затянуться, он ещё терял кровь. Тяжело дыша, свернувшись в клубок, он лежал, прячась за спасительный корень древнего дуба. Капли воды бились о его изможденное оголённое тело, земля рядом с ним осыпалась и кормила трясину. Кругом были враги, но они прошли мимо. Кровь всё ещё стыла в их жилах, они не хотели идти в чашу и снова встречать то, что будет сопровождать их в кошмарах до самой последней секунды. Этот обломок леса словно заволочла тёмная пелена и скрыла Настаса.

— Останься, — донёсся издалека голос. — Не уходи. Побудь здесь, пока я не уйду.

— Хорошо, друг, — подумал Настас. — Где ты?

— Не знаю. И здесь, и далеко. Я не могу выбраться, — метался голос.

— Кто ты такой? — Настас говорил с новым духом, духом темноты, и говорил с ним так же ласково, как и с всеми остальными.

— Мне не дали имени. Не уходи. Побудь со мной, — умолял голос.

— Хорошо...

Медитация VIII. Дом

Утро было неприятным как для жителей резервации, так и для Лиама. Оперативники в чёрной форме вышвыривали сонных гражданских на улицу. На людей кричали, сбивали их в кучки, ставили на колени, били прикладами и крушили их дома. Их лидер Чарли был бледен как мел, и смотрел на происходящее глазами, полными страха за своих близких.

Лиам старался реагировать спокойно и профессионально.

Местные могли доставить проблем даже днём, но знали чем это кончится. Чарли никто не трогал, и он ушёл в свой дом. Тут он был бессилён. Кристиан присоединился к группе чёрных жилетов и пытался пресечь излишнюю жестокость с их стороны.

Йован силой затащил Лиама в дом Чарли. Тот сидел за столом на первом этаже и с легкой дрожью в руках хлебал травяной чай.

— Чарли, я думал мы друзья. Сколько раз мы с тобой пропускали по пиву? Я, чёрт тебя дери, был на крестинах твоего сына! — с первых секунд Йован сразу же начал давить.

Чарли молчал и смотрел прямо перед собой.

— Ты будешь говорить! Или всё ЭТО кончится сегодня же! — голос Йована заставил Лиама съежиться.

Чарли посмотрел ему в глаза и спокойно ответил:

— Тогда задавай свой вопрос.

— Как давно у вас появились боевики? Кто их подготовил? Я знаю, что это не ты. Просто, скажи мне имя. — Йован облокотился на стол и застыл в сантиметре от лица Чарли.

— Что? — на лице Чарли отразились удивление и страх. Сербу это не понравилось, он сильно сдерживался, чтобы не начать бить Чарли.

— Не дури меня, Чарли! — заорал он вожаку в лицо. — Не дури меня, брат! Хватит этого дерьма! Много людей погибло вчера. Им перерезали глотки и оставили подыхать в своей крови. Ты альфа, и я уверен — ничего не происходит без твоего ведома и приказа. Так что не дури меня, Чарли. Какого чёрта Вы затеяли? Лучше тебе начать петь, как Дженнифер Лопес. А то я быстро теряю мир в сердце, друг мой!

Чарли ощутимо вспотел и одним глотком осушил чашку. Некоторое время он молчал и думал.

— Что здесь происходит? — протянул он, неудачно пытаясь унять дрожь в голосе.

Лиам сделал шаг назад и упёрся спиной в кухонный гарнитур. Подмечать детали. Чарли напуган и не понимает, что происходит. Не нужно быть экспертом, чтобы разглядеть это.

Некоторое время Йован не сводил оценивающего взгляда с лидера общины, затем вздохнул, расслабился и сел рядом. Спокойным голосом он поведал события прошлой ночи. Лицо Чарли вытягивалось всё больше, глаза бегали, он хранил молчание. Минуту или две он изучал фотографию водительских прав вчерашнего стрелка.

— Это бред. Мы не имеем к этому отношения! Это вообще не наш парень. Он не местный. Ты же сам видишь, он из Луизианы! — в сердцах вскричал Чарли, встал и начал нарезать круги по комнате.

Йован некоторое время наблюдал за ним и затем примирительным тоном сказал:

— Чарли, друг мой. Успокойся и помоги мне разобраться. Сдаётся мне, ты знал, что я приеду. Наш неприятный разговор не был для тебя таким уж сюрпризом, верно? Я не горю желанием разносить тут всё. Ты же понимаешь. Но у меня нет выбора. Если бы кто-то из

агентов погиб, с вами бы вообще никто разговаривать не стал. Понимаешь, как все серьёзно? Расскажи мне, куда ты вляпался, друг? Кто эти парни? Кто у них главный?

— Боюсь, я тут вообще не причём, — Чарли нервничал и играл скулами. — Я ничего не знаю! Делай всё, что нужно, Йован. Но постарайся не трогать моих людей. Нам и так непросто. Я знал, что ты приедешь, но не так. Не в таком виде. Что-то происходит, Йован. Моим стало сложнее себя контролировать. Что-то гнетущее в воздухе, мы все это чувствуем. Я думал, кто-то ещё сорвался. Я думал, ты приехал по этому поводу. Богом клянусь, я больше ничего не знаю. Но я полностью содействую, я сделаю всё, что ты скажешь.

Йован откачнулся назад.

— Хм. Я давно за тобой наблюдаю и знаю — ты паршивый актер. Ты ещё более жалок, чем когда пытался отмазаться перед женой за ту поездку в Вегас. Ладно. Что насчёт боевиков-оборотней? Кто мог вооружить их? Натравить на нас? Кто спустил этих собак на Орден? Такого со Второй мировой не было. Может, дошли слухи какие-то? У тебя проблемы? Появился другой альфа?

— Мы не уважаем оружие, ты должен знать! Нет никакого конкурента. В моей общине вообще ничего не происходит нового уже лет двенадцать, — уверенно заявил Чарли. — Ты был почти на всех последних событиях. Единственное, у нас у всех неприятное предчувствие. Те, кто напал на вас, не из моей общины. Они пришлые. Все мои приехали на свадьбу. Все тут. Я сам всех встретил и пересчитал.

В дверь вошёл один из капитанов чёрных жилетов.

— Всё чисто, агент Йован, — отчитался он. — Ничего такого при них нет. Мы закончили.

Йован погрузился в свои мысли и замолчал, изучая жоака.

— Что ж, хорошо. Не высовывайтесь, Чарли. Держи своих на виду. Что-то происходит, я не знаю что. Но не лезьте в это. Не покидайте резервацию. Никаких глупостей, никаких выходов. Вы на особом контроле. Ты меня понял? Позаботься о своих. Какое-то время у вас тут побудет наш патруль. Я прошу прощения за неудобства. Прости меня, брат.

— Хорошо, Йован. Я тебя понял. Мы не доставим проблем, Богом тебе клянусь. Делай свою работу, — ещё напряженно ответил Чарли.

— Без обид, Чарли. Ты знаешь, чем я занимаюсь и почему. Всё, по коням. Здесь тупик.

— Не очень-то это круто. Вот так вот разносить дома мирных людей, — бурчал Лиам в машине.

— Знаю. Я-то, как раз знаю! У нас есть работа, мы должны её выполнять. Не всегда она благородна, иногда жестока и идёт вразрез с самим понятием человечности. И то, что ты видишь границу и ненавидишь преступать её, делает тебя идеальным исполнителем для таких вещей. Я матерью клянусь, когда мы разгребём это дерьмо, я приеду к Чарли и буду ремонтировать им дома и ставить назад грёбаные двери, и выслушаю от них всё, что они о нас думают... Но по факту, мы могли найти у них выводок вооружённых террористов-перевёртышей. Хорошо, что не нашли. Лучше найдём в другом месте.

— Поеду с тобой, значит! — буркнул Лиам и заткнулся.

Йован его не услышал.

— Это вообще нонсенс, Лиам! Мы не ведём перестрелки тут. Бывало пару раз, когда недоделки хватались за револьверы и пытались отстреливаться. Но вот так вот? Чтобы оборотни-рэмбо по нам стреляли? Да такого уже лет семьдесят мир не видел. Откуда они

вообще взялись? Наша разведка облажалась, мы облажались. Кто-то тренировал их, дал им оружие. И кто-то привёз их сюда. Не думаю, что их было всего двое.

— Всё, приехали. У тебя сегодня прямо парад новых впечатлений, салага. Добро пожаловать в «Джо у Дороги»!

— Что это за хрень? — Лиам недоуменно оглядывал придорожное кафе в стиле эпохи бриолина и серба, скрючившегося у входа в позе, похожей на реверанс.

— Это «Джо у Дороги»! Моё любимое место в этом сраном городишке, где не пахнет всей этой потусторонней мерзостью. С самой потрясной кухней. А в трёх километрах к востоку отсюда лежит следующий пункт нашей поездки. Упыриный Дом «Ёкур». Вот только он работает ночью. Нам предстоит провести тут, дай-ка посмотреть, ещё часов восемь. Так что располагайся поудобнее. Туалет, вай-фай, кухня и диваны к твоим услугам.

— Ты серьёзно? — нахмурился Лиам.

— Не ссы, дело в приоритете. Надо опросить кровососов, может они что-то знают. Можем даже пару пива выпить. Успеем протрезветь. Смена всё равно не наша. Я устал и нервничаю, надо отвлечься.

— Так может, по домам? Выспимся и на свежую голову поедем?

— Так было бы проще, Лиам. Намного. Но не надо учиться, как проще. Будем действовать по-Йовански, — Йован показал Лиаму большие пальцы вверх, которые сразу сменились средними.

Кристиан уже дремал в машине. Спорить со старшим братом было гиблым делом. Лиам пошёл слоняться по закусочной и изучать меню.

Ворота бесшумно открылись и пропустили их транспорт за длинный забор. Лиам ожидал увидеть древнюю усадьбу или даже замок, но вместо этого перед ним предстал хорошо освещённый «деловой» центр, возвышающийся посреди леса.

— Вампиры, говоришь? — вертел головой Лиам.

— Хах. Старый особняк, думал, будет? — усмехнулся серб. — Он есть. Настолько старый, что уже полностью ушёл под землю. Ещё до основания Нью-Гефа тут стоял. А над ним этот городок, здания для людей, бизнес-центр, обслуживающий персонал, охрана, все дела, короче. Это у них нечто вроде посольства для взаимодействия с остальными видами. Нам нужно найти кого-то адекватного из верхушки местного сообщества, а то Старейшина посмотрит на нас, как на говно. Раньше помощник начальника охраны был моим корешем, много чего можно было узнать через него, но мы как-то разосрались.

Охрана их досмотрела, вынудила оставить оружие в машине и повела вниз по широким лестницам. Подземные этажи скрывали много интересного. Лиам не смог сдержать ухмылку — он словно вернулся в музейный корпус "Мэнсона" и сейчас, на этом "величественном" фоне интерьеров прошлых веков, ему будут читать поэму или классическую литературу.

— Лучше вообще рот не раскрывай, — дернул его за руку серб. — Они слышат куда лучше людей. Был у нас тут товарищ, который любил комментировать. Плохо кончил. Помни, у нас с ними мир. Но мир — это штука хрупкая. И не бойся их. Они не причинят тебе вреда и не нагрянут к тебе домой. Во всяком случае, без приглашения.

Лиам послушно опустил голову и старался держаться профессионально. Коридоры и лестницы казались бесконечными, освещение становилось всё тусклым, а воздух тяжёлым.

Деревянная лестница и стены сменились каменными и увели их глубоко под землю, в

просторное помещение с колоннами. У дальней стены располагалось кресло, в котором сидела скрюченная фигура. Десятки людей и созданий, так на них похожих, кружились около этой фигуры в непрерывном движении. Тронный зал?

Охранник отвёл их к стене и приказал ждать.

В большинстве случаев отличить «бледных» было просто. Они не выглядели как восставшие из мертвых европейские аристократы, одетые в свои вычурные одеяния.

Нет. На вид они были более ухоженными, стильными, здоровыми и живыми, чем обычные люди. И все они держались, говорили и двигались плавно, размеренно, грациозно, с достоинством и даже отчуждённостью. Почти бессмертные по меркам людей хищники, для которых Лиам лишь пакет с кровью.

Лиам пытался слушать их разговоры, но магическим образом, словно чувствуя его интерес, «бледные» замолкали.

И вдруг они все замолчали разом, расступились, прижались к стенам и пропустили к трону массивную фигуру. Грязная неряшливая одежда, похожая на одеяние какого-то работяги, толстая шея, огромные руки, мясистые пальцы и взгляд исподлобья. Громила внушал страх не только людям, но и бессмертным. Давил своим присутствием.

— О-о-о, да это сам Пёс, — оживился и тихо проговорил Йован. — Просто жуткий вампирский ублюдок. Говорят, нет такого дерьма, из которого бы он не вылез.

Пёс резко повернулся и издали сверкнул на Йована глазами. Зрачки серба расширились, он весь встрепенулся. Пёс поклонился и занял своё место за Старейшим. Что-то с этим громилой было не так. Его левая ладонь отсутствовала, что он пытался скрыть за своей мешковатой одеждой.

Все зашептались. Происходило что-то ещё. Напряжение стало колоссальным, Лиам почти запаниковал и пытался нащупать оружие, которое они оставили у охраны на входе.

— Тише, парень, — Йован впился ему в плечо. — Спокойно. Тише. Дыши. Вдох, выдох.

Не они и не Пёс стали взволновали толпу и создали напряжение, перестрелки или нападения не будет.

Откуда-то из боковых дверей, через зал двинулась процессия. Бесшумные и безмолвные охранники, не совершавшие лишних движений и загадочная фигура, закутанная в одеяние, напоминавшее саван. Фигура не шла, а словно плыла, пока путь её не закончился напротив Старейшего. Чуть опустив голову и подняв руку в полном величия приветствии, она произнесла:

— *Pranaam, Urama!*

У Лиамы подкосились ноги. Словно тысяча женских голосов слились в один переливающийся, словно река, звук. Громкий, как гроза, и тихий, как шёпот ветра, он продирал насквозь и заставлял сердце останавливаться на каждом слоге.

Старейший очнулся от забытья. Неподвижные его руки дернулись, глаза ожили и забегали из стороны в сторону. Под всеобщий вздох недоумения древний сполз к основанию своего трона, упал на колени, коснулся головой земли и застыл. Затем дрожа, он поднял голову. В его мертвых, нечеловеческих глазах стояли кровавые слезы.

— *Pranaam, Aasaarya!* — тихо произнес он в ответ.

Лиам ничего не понимал. Не только он был поражен происходящим. Эмоции вокруг бурлили и чувствовались кожей. Водоворот непонимания, какого-то исступления, истерики, даже безумия и... Счастья. Пускай кровавые слезы, вампиры опускались на колени. Людям было некомфортно, они жались к стенам и хотели уйти.

Фигура снова заговорила, и её голос волной прошёл через всё тело Лиам. Он не смог разбирать звуки и слова, лишь ощущения. В глазах потемнело.

Его ударили в лицо. Не сильно, скорее обидно. Руки охранников грубо схватили его и начали выталкивать из зала.

— Не смотреть! Опустить глаза! — кричали ему в лицо.

Лиам начал злиться и давать отпор. Но охранников было слишком много. Несколько раз ему удалось нанести удары, но без должного эффекта. Лиам повис на нападавших, и в последний раз попробовал вырваться.

На мгновение его голова оказалась выше толпы, и Лиам еще раз бросил взгляд на фигуру. Женщина в странной одежде, неуловимым движением повернулась, словно почувствовав взгляд Лиамы, и их глаза встретились.

— *Ira?* — краем уха слышал он шёпот, перед тем как его вышвырнули из зала.

Оказавшись на ногах, свободным от захватов и лицом к лицу с обидчиками, Лиам сжал кулаки, хрустнул сухожилиями шеи и пошёл вперед. В метре от него, с недобрый видом поднимался Йован.

— Ой, не стоило тебе, мудила, руки распускать, — скрипел он.

Кто-то грубо схватил Лиамы в районе бицепса, чего он прощать был уже не намерен. Лиам развернулся и ударил. С холодным и даже страшным выражением лица, Кристиан скользнул под его руку и легко отбросил его в стену. Лиам приложился головой и как-то сразу остыл. Силы у младшего серба было не занимать.

При таком виде брата Йован удивительно быстро успокоился и примирительно заулыбался. Младший серб имел и иную сторону — опасную.

— У меня приказ! — отчаянно кричал им в лицо человек-охранник, выставив вперед одну руку в знаке «стоп» и сжимая второй пистолет-пулемет.

Ему было страшно, и он тоже ничего не понимал. Но был готов выполнять приказ. Был готов стрелять, если потребуется.

— Всё-всё, ребята, мир. Мы уходим. Спокойно, — Лиам выдохнул и поднял руки перед собой.

— Проводите гостей к выходу, — бросил бледный охранник свои подчинённым.

— Никогда не смей бить в лицо представителя Ордена, мудила, — тыкнул ему Йован напоследок пальцем в грудь.

Около машины Йован задумчиво закурил, что-то прокручивая в голове. Уезжать он не торопился. Вся усадьба пришла в движение и хаос, гости покидали её и разъезжались. Во всех зданиях погас свет, охрана шустро закрыла их и распределилась по периметру. Группа надзирателей заняла позицию в метрах десяти от их машины и наблюдала.

— Крис, прости, брат, — тихонько и стыдливо произнес Лиам.

— Пустое. Если чего такое будет, я тебя успокою, мужик, — вроде бы и добродушно ответил Крис, но какая-то нотка угрозы проскользнула в его голосе.

— Есть идеи? — очнулся Йован, стреляя глазами в сторону охранников. — У меня вот вообще нет. Крис, позвони-ка в Центральную и доложи на всякий случай, что у них херня какая-то происходит. Пускай там руководство пробьёт через свои каналы. Кто-то добрался до Пса. Заметил? У него руки нет. Отрастет, конечно, но сам факт весьма озадачивает. Как я слышал, этот парень сам любит отрывать руки. Он в этом мастер спорта, можно сказать. Не нравится мне всё это. Поедем в место поспокойнее.

Местом поспокойнее оказалась старая церковь в одном из спальных районов города. Приход был пуст и закрыт. Йован постучался, и спустя минуту тяжелая дверь отворилась, на порог вышел Кай.

— И правда, священник, — не удержался Лиам.

— Хотите зайти? — спросил он, озарив Лиаму тёплой и снисходительной улыбкой.

— Не особо. Я на пару слов, — ответил Йован. — Что там у вас творится?

— У нас? А что у нас творится? — удивился Кай, не переставая улыбаться.

— Нас выставили из резиденции. Что за создание вы принимаете у себя?

— Ах, вот ты про что. Я слышал, в город прибыла Уна из Королевской семьи. Говорят, она святая, — спокойной ответил Кай.

— Что, прости? — удивился серб.

— Святая. Тебе не понять, — вампир смотрел сквозь Йована. — Просто важный гость. Она более древняя, чем наш старейшина, и личность легендарная, я бы сказал, посему и такие почести. Но вы ведь не поглазеть на неё приехали? Верно?

Кай выслушал последние новости и помрачнел.

— Хм. Боюсь тут я вам не помощник. Могу официально заявить, что мы не имеем отношения к тому инциденту и вообще не в курсе. У нас сейчас иные проблемы. И нам бы не хотелось, чтобы вооруженная стая перевертышей вошла в их число. Советую вам решить этот вопрос, пока город не потерял покой.

— Я тебя понял, — хмуро сказал Йован. — Ладно, мы по домам, день был длинный. Бывай.

— До встречи, Агент Йован. Приятного пути.

Наконец-то смена закончилась. Лиам провел под душем где-то час, пытаясь смыть с себя всё плохое, чтобы было с ним в последнее время. Но сегодня вода работала плохо.

Случайная передача канала Дискавери про жизнь больших кошек составила ему приятную компанию. Слушая вполуха слащавый голос диктора, он мелко нарезал овощи и мясо для ужина. В этом городе наверняка есть рыбный рынок. Может уже пора взять кулинарную книгу и научиться чему-то новому. Готовка, как хобби. Звучит неплохо и безопасно, в сравнении с алкоголем и героином.

Пока ужин готовился на медленном огне, Лиам снова посетил в душ. Расслабление никак не наступало, мышцы шеи и плечи словно отлили из камня, голова тяжёлая и на грани мигрени. Хорошо бы сходить к массажисту. Да и вообще, расслабиться хоть как-то было бы неплохо.

После ужина, ещё мокрый, Лиам мерил шагами своё жилище. Хотелось выпить, но пускаться в долгое путешествие до ближайшего супермаркета или бара не было сил. Лиам вернулся к холодильнику и впервые уставился на содержимое дверцы.

Бутылки с пивом, коньяк, водка, виски и даже шампанское. На любой вкус. Всё отличного качества. Чёрт.

Скорчив неодобрительную в отношении самого себя рожу, Лиам достал одну из бутылок, поставил её на стол и стал сверлить взглядом. Скользящая дорожка.

В поле зрения попала одна из камер наблюдения, он показал ей средний палец. Не стоило снабженцам помещать в его квартиру алкоголь, о чём они вообще думали? Лиам разыскал подходящий стакан, забил его льдом, наполнил виски на один палец, залил это

дело пепси и сделал жадный глоток. Один из его любимых вкусов, особенно если виски хороший. Вроде бы пепси нивелировала любое по качеству виски, но спустя тысячу таких вот стаканчиков, Лиам уже мог отличить плохое от хорошего.

Бутылка сразу же вернулась на своё место. Даже эта маленькая доза алкоголя вызывала в нём состояние тревоги. Но в данном случае, это средство приравнивалось к удару молотком по пальцу, чтобы перебить куда более противную зубную боль. Не думать о дозе, не думать о дозе, не думать о дозе. Не думать о дозе.

Было душно, виски придал ему ещё больше энергии, хоть и немного расслабил окаменевшие мышцы шеи. Лиам распахнул окно и застыл, обдуваемый холодным и влажным морским воздухом. Предстояла опасная и нервная ночь, когда снова нужно будет бороться с желанием ужалиться, и голос внутри него будет убеждать, что это самое правильное в мире решение. Единственное, что сможет помочь. Нет. Нет-нет-нет.

Равномерное и чуть слышимое постукивание со стороны улицы оторвало его от мыслей. Тук. Тук. Тук. Лиам подошёл к окну, осторожно высунулся и... Сердце его ёкнуло по-настоящему сильно и забилось в груди так, словно пыталось вырваться.

Рядом с окном, на своеобразном карнизе, на высоте третьего этажа, сидела гостья. Лиам узнал фигуру, затянутую в странную одежду, скрывающую всё, кроме глаз.

Гостья смотрела вниз, прямо перед собой. Гибкие, изящные пальцы её рук были сплетены в причудливый символ. Она не обращала на Лиам никакого внимания. Лишь болтала ножками, как ребёнок на качелях. Лиам бесшумно шагнул назад, его рука легла на рукоять пистолета на столешнице, и он застыл. Что дальше?

Немного подумав, он отложил пистолет, протёр глаза, осторожно вернулся к окну и выглянул. Гостья была на своём месте. Лиам снова рванул назад и замер, переводя взгляд с камеры наблюдения на пистолет и телефон.

— Ты можешь войти, Уна, — выдохнул и чуть слышно произнёс он.

В проеме окна что-то едва уловимо мелькнуло, и за спиной он услышал чуть различимый шорох. Лиам обернулся.

Запрокинув голову вверх, ночная гостья плавно прошла в паре метров от него. Высокие потолки прищипь по нраву и ей, она оглядела комнату, ещё раз прошла мимо и провела рукой по столешнице, рядом с пистолетом. Всё это время Уна не дышала.

Та тварь, что он пристрелил в парке. Когда он подошёл к туше, всё внутри кричало — беги. Сейчас этого нет. Зачем она тут? Знает, что происходит в городе? Она осведомитель?

Лиам схватил недопитый стакан, одним глотком осушил его и снова застыл как истукан. Уна переключила своё внимание на него. Она медленно подходила, внимательно разглядывала и изучала его, словно это он был незваным ночным гостем.

Она приближалась, пока не оказалась перед его лицом. Совсем близко. Она задышала. Два вдоха через нос, резкий выдох через рот с тихим звуком «ха», пауза, два вдоха через нос, резкий выдох через рот со звуком «ха», пауза.

Время остановилось. На расстоянии ладони они стояли и смотрели друг другу в глаза бесконечно долго. Уна вытянула руку и, словно боясь разрушить виденье, едва касаясь, провела по его щеке и оставила там свою ладонь. Она двинулась вперёд, обняла его и положила голову на плечо. Лиам ударил её странный, но приятный запах.

Какое невероятное спокойствие. Это их магия? Он жертва? Нет. Что-то в нём переворачивалось и скребло изнутри.

Уна отстранилась. Он хотел было сказать, хотел спросить, но палец лёг на его губы,

приказывая ничего не говорить. Она покачала головой, схватила его за руку и увлекла на кровать, прижалась к нему, будто он мог защитить её от всех опасностей мира. И вот в этот момент, с ней... стало так спокойно. Что-то такое уже было... Не в силах пошевелиться, да и не горя желанием делать что-то ещё, Лиам лежал и обнимал её.

Это было странное и сумеречное состояние, неудержимая усталость навалилась и брала верх. Он наблюдал за происходящим из-под толщи тёмной воды. То засыпал, то просыпался, время летело как-то непонятно, то быстро, то медленно, пока и вовсе не остановилось и тьма окончательно не увлекла его за собой...

Его разбудил крик чаек, солнце уже светило вовсю. Постель была разворочена. Лиам опух, мышцы стонали. Неуклюже он сел на край постели и начал массировать лицо. Затем встал и побрёл в душ.

Под струями воды стало легче, настроение немного поднялось, проступила тень улыбки. Приснится же такое. Как подросток, и смех и грех.

Обёрнутый полотенцем, он покинул душ и занялся гимнастикой, надеясь избавиться от остатков неприятных ощущений после пьяного сна. Кряхтя и постанывая, он делал наклоны и обдумывал свое виденье. И вдруг остановился.

Неприятное, гнетущее чувство поползло из глубины живота прямо ему в горло. Лиам распрямился и, с лицом полным отвращения к себе, подошёл к холодильнику, предвкушая увидеть изрядно опустевшую полку с алкоголем.

По пути его взгляд встретился с предметом, которому было не место в его жилище. Рядом с телефоном и пистолетом на столешнице покоился браслет. Обычный, плетёный чёрный браслет, как у хиппи, только очень старый и выцветший.

Сколько бы Лиам не сверлил его взглядом, сколько бы не тер глаза, браслет не исчезал. Подарок источал едва уловимый аромат духов. Повинуясь странному чувству, рождённому его чутьем, он нацепил украшение на запястье, спрятал его в рукав рубашки и начал готовится к смене.

Медитация I. Тело

Дэван стоял посреди просторной больничной палаты и смотрел на своё бледное и исхудавшее тело, подключённое к системам жизнеобеспечения. Прибор для искусственной вентиляции лёгких равномерно подавал в него кислород, так «необходимый» для поддержания кошмара, в котором он оказался. Его соседом был такой же ссохшийся старик, душа которого уже давно пребывала в лучшем мире.

Дэван больше не молился. Давно перестал смотреть в окно, наблюдать за работой медсестры или в приоткрытую дверь, кричать, пытаться заговорить с кем-то или покинуть палату. Просто стоял и смотрел на своё тело.

Дэван не помнил, что произошло с ним, и как попал сюда. Вроде, это был приятный летний день с его женой и дочкой. Они собирались поехать на пляж, шутили и дурачились, готовились к пикнику и много фотографировались.

А потом он оказался в этом месте. Его навещала только сестра, сначала она много плакала, говорила с ним и ставила его любимые песни. От неё он узнал, что жены и дочери больше нет.

В тот день водитель грузовика поехал в рейс пьяным. Не справился с управлением, выехал на встречную полосу и столкнулся с их маленьким хэтчбеком. Одна секунда и самые близкие в его жизни люди перестали существовать. Каким-то чудом Дэвана выбросило из остатков машины, пока та переворачивалась, и ударило о заграждение.

Дэван прибывал в состоянии глубокой комы уже второй год. Через несколько дней ему поставили диагноз — "биологическая смерть мозга», и рекомендовали сестре подписать бумаги об отключении аппарата жизнеобеспечения. Органы Дэвана могли спасти несколько жизней. Но она устроила истерику и не смогла отпустить брата. Это он вырастил её, когда родители оставили их так рано, был для последним близким человеком во всём мире.

Шли дни, недели, месяцы. Сестра заходила всё реже и реже. Потом она вдруг появилась снова и рассказала ему, что суд закончен, и убийца будет гнить в тюрьме. И что у неё всё хорошо — она встретила своего человека.

Это был последний её визит. О Дэване забыли. Саманте не хватало смелости прийти и подписать бумаги, но она всё также оплачивала немалые счета за палату в частной клинике. Это могло разорить её. Такова была его сестра, которую он всю жизнь пытался защитить от всех бед. И теперь Дэван проклинал себя за то, что она выросла такой тряпкой.

По какой-то причине душа Дэвана была прикована к этому месту. Не могла выйти за дверь палаты, пройти сквозь стены или окно. Может быть потому, что однажды ему будет суждено проснуться. Но вот только незачем.

Тело его с каждым месяцем ссыхалось и скрючивалось всё больше, он переставал узнавать себя в этом комке плоти. Жалкое и отвратительное зрелище.

Дэван молился о том, чтобы умереть. Отчаянно, вспоминая все слова и используя все формы прошений. Ответа не было. Лишь треск неисправной лампы и равномерный шум вентиляторов. Никто не слышал его и не отвечал, никто не собирался отпустить его. Он стоял посреди комнаты и смотрел на своё тело.

Отключите меня.

Отключите меня.

Отключите меня.

Теперь в его груди постепенно разгорался пожар, развивалась тяжесть, и воздух с трудом и болью заталкивался упорной машиной в его лёгкие.

— Не нравится мне, как он дышит, — забеспокоилась медсестра на утреннем обходе.

— Подозрение на пневмонию? Анализы? — доктор смотрел на своего "пациента" скептически.

— Не очень.

— Понятно. Родственникам звонили?

— Сестра не может приехать, готовится к свадьбе или что-то вроде этого. У него всё оплачено на пару месяцев вперёд, так и собираются держать.

— Мда. Ясно. Начинайте курс антибиотиков. Нужно связаться с сестрой. Объясните ситуацию, может быть она подъедет и подпишет документы, наконец.

Врачи зачастили к нему, пожар внутри всё так же разгорался, и ВСЁ ЭТО продолжалось уже невыносимо долго. Но в один из дней яркий солнечный свет из незашторенного окна, заливавший его полумертвое тело, погас. Все краски стали серыми, все звуки стихли. Стены задрожали мелкой дрожью и обросли паутиной чего-то тёмного и бездонного. Время остановилось. Стало холодно.

«Наконец-то, Господи, спасибо, спасибо!» — возрадовался Дэван.

Но это был не его Господь. Шёпот тысяч искажённых голосов переливался и перетекал по палате.

— Где твой бог, когда он так нужен.... Мёртв. Не придёт... ты не нужен ему... он не знает о твоём существовании... и не узнает... ты лишь корм для него.

Дэван беззвучно закричал. Голос и не думал стихать, повторяя одно и то же, становясь ещё одним элементом ужасной и бесконечной пытки.

— Хватит... Зачем ты мучаешь меня? — беззвучно шептал он.

Но голос не унимался, а становился всё громче и настойчивее, давя и разрывая голову Дэвана. Пространство вокруг сжималось, чернело и собиралось поглотить его.

— Чего ты хочешь от меня?! — изо всех сил закричал Дэван.

Голос стал спокойным и напомнил Дэвану его собственный.

— Я отпущу тебя. Ты пойдешь дальше. Но часть тебя останется со мной. Я возьму твоё тело. Не только ты заперт. Открой дверь. Впусти меня. Впусти меня. Впусти меня, — бесконечно повторял голос.

— Почему я? За что мне это всё? — зарыдал Дэван.

— Нет причины. Я также заключён в темноте, как и ты. И я также познал то, что ты называешь болью и разочарованием. Впусти меня. И всё закончится. Ты пойдёшь дальше. Ты будешь спасён. Впусти меня. Впусти меня. Впусти меня.

Долгое время Дэван слушал голос, пока, наконец, из его рта не вырвалось беззвучное и бестелесное «да».

Спустя несколько секунд измученное сердце Дэвана остановилось. Его лёгкие издали последний вздох, который принёс ему долгожданную лёгкость. Освобождение. Кардиомонитор предупредительно запищал и выдал прямую линию. Темнота отступила, и Дэван обрёл покой.

Свет во всей больнице и в окружающих небоскребах померк. Сердце, которое раньше принадлежало Дэвану, истощённое и слабое, ударило снова. Тело Дэвана открыло глаза и с хрипами вдохнуло в себя воздух. С треском его скрюченные руки медленно распрямлялись и приходили в движение. Эти руки вырвали из тела Дэвана трубки и сеть опутывающих его

датчиков и кабелей.

В опустевшем и безмолвном здании стали слышны неуверенные шаги босых ног и тяжёлое, нездоровое, хриплое дыхание. За пределами палаты, во всём здании и вокруг него, словно куклы, были разбросаны тела людей. В тот момент, когда душа Дэвана покинула этот мир, свет погас и в них. То, что было Дэваном, худое и отвратительное, прикрытое лишь больничной сорочкой, покинуло больницу и растворилось в городе.

— Код — чёрный, — отчётливо произнес оператор Центральной, телефоны и другие средства связи завибрировали и издали целых хор тревожных и коротких сигналов.

Все, кто был в этот момент в штабе Первого Отделения, застыли, бросили свои дела и вслушивались в сообщение.

— Больница Святого Петра. Многочисленные жертвы среди населения. Протокол 401. Всем свободным агентам немедленно прибыть на место инцидента. Всем Отделениям — эвакуировать и оцепить район от Викан до Либерти стрит. Сформировать оперативный штаб. Провести проверку безопасности и передать место инцидента экспертам. При обнаружении выживших — реагировать согласно протоколу взаимодействия с городскими службами при чрезвычайных ситуациях. Восстановить Вуаль...

Йован не дослушал и молча вышел из здания, Лиаму и Кристиану ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Шестерёнки неповоротливого и огромного механизма Ордена вдруг закрутились с ужасающей скоростью. Оказывается, всё может быть очень серьезно.

День был жаркий и на удивление душный. В городе воцарились непривычные пробки. Из-за инцидента пришлось перекрыть и эвакуировать почти три квартала. Сотни пожарных, спасателей, полицейских и медиков отчаянно бросились делать свою работу. Только вот спасти было уже некого.

Йован не стал штурмовать кордоны. Спокойно отстоял часть пробки, мигнул проблесковыми маячками, выехал из потока и запарковался на пешеходной дорожке.

Они нацепили на шею значки и в молчании покинули машину. Им навстречу струился поток напуганных людей, не выпускавших из рук телефоны и разговаривающих между собой необычно — почти шёпотом. Опустевшие деловые центры, небоскрёбы и улицы смотрелись жутковато.

Внешне Лиам был спокоен, но его сердце ходило ходуном. Такой тягучей атмосферы он ещё не чувствовал. Перед больницей столкнулись несколько машин, и ещё издалека Лиам увидел тела людей. Много тел.

— Что тут случилось? — бросил Йован женщине-руководителю экспертов.

— Неизвестно, — отрезала она, не было у неё времени разговаривать.

— Засекречено? Старшие агенты на месте? — грубо одернул её Йован.

— Пока нет. Допускаем всех. Копайте ребята.

— Дерьмо, — вырвалось у Лиамы.

На невысоком и широком крыльце больницы образовался затор, входы и выходы не были рассчитаны на такое количество людей. Пришлось ждать своей очереди, чтобы войти.

— Кто старший? Запрашиваю отчёт. Что известно на данный момент? — прокричал Йован.

— Старший эксперт Капур, — вышел из толпы человек, — На данный момент известно следующее. Время инцидента тринадцать сорок четыре. Массовая гибель людей в радиусе примерно пятьсот метров, выживших пока нет. Причины смерти не установлены.

Свидетелей нет, только те, кто отсутствовал в зоне поражения. Они всё, как один говорят — погас свет, отключились телефоны и в этот же момент люди упали на землю. В самом здании интереснее: локальное изменение законов физики, нарушена гравитация, выведены из строя электрические приборы и системы связи, сильные электромагнитные поля. Всплеск энергий и излучения неизвестной этиологии, температурные аномалии и так далее.

— На данный момент место инцидента безопасно?

— Относительно. Можете приступать к расследованию. Но будьте внимательны — в здании отказали инженерные системы и могут наблюдаться остаточные явления.

— Основные версии?

— На данный момент рассматриваются версии «Тёмного Ритуала» и «Сошествия». Явный магический след. Зона поражения значительно превышает стандартную демоническую. Следов незарегистрированных форм жизни не обнаружено. Магический Отдел в стадии расследования, информации от них пока нет.

— Сошествие, — пробормотал Йован и лицо его скривилось.

— Что это значит? — по привычке Лиам предпочитал донимать младшего брата.

— Это значит, что в наш мир кто-то прорвался. Может быть ангел. Может быть, что-то другое. Это очень плохо.

— Ангел???

— Ну да. Библейский ангел. Тот, что с Иисусом на небесах. Не очень приятные парни и совсем не так выглядят, как их рисуют. Про Содом и Гоморру слышал историю? Местные жители показались ангелам недостаточно целомудренными, и они сровняли всё с землёй.

— Ни хрена себе.

— Во-во. И такое бывает. Иногда они тут свои разборки устраивают. Мы такого с братом ещё не видели. Хорошо хоть не весь пантеон в таких шпугах участвует. Индуисским глубоко по фиг, они не такие варвары, а олимпийские божки уже изрядно ослабели от отсутствия в них веры. Ты бы почитал мифы разных народов, там описываются многие значительные инциденты. Видимо, пригодится.

— Ангелы... И как они выглядят? Кого мы ищем? — пытался сохранять спокойствие Лиам.

— Слава тому же Господу, они не могут представлять пред нами во всей своей красе и с полным набором сил. Обычно они захватывают человеческое тело и выглядят соответственно. Но могут быть и исключения. Если парень крепкий, его будет изгонять Отдел Магии. Или, как вариант, ядерная боеголовка. И мы уже будем молиться, чтобы её энергии было достаточно, чтобы пробить защиту. Странно, вообще, упоминать Господа теперь... тупая привычка.

— И давно такое в последний раз было?

— В этом веке ещё не было, насколько я в курсе. Всё дерьмо началось, как ты у нас появился. Брат уже на тебя ругается, думает, несчастливый ты, — вымученно улыбнулся ему Крис.

— Пойдем, посмотримся, — окликнул их Йован. — Там осторожнее, малой, зона аномальная. В бетон там не уйди и к потолку не взлетай. Не хочу тебя за руку держать и успокаивать, пока доставать будут.

Прежде, чем они покинули холл и пошли дальше, Йован перекрестился и под вопросительный взгляд Лиамы натянул ярко-оранжевую строительную каску.

— Ну, на хер, — пробормотал он. — Мне прилетало. Вам не предлагаю. Знаю, что въ

перестанете чувствовать себя стильными красавчиками и не сможете работать.

В центральном холле штабелями лежали заполненные мешки для трупов. И они всё прибавлялись. Десятки, может даже сотни тел. Ничем не отличается от теракта. Отвратительно.

Под потолком зависли ряды кресел для ожидающих приема. Игнорируя гравитацию, они парили в воздухе и сталкивались друг с другом, как воздушные шары.

— Во, видел! Скоро эффект пропадёт, и они шмякнутся. Эй ты! Болгарин! — окликнул Йован какого-то руководителя и показал ему на потолок. — Не тупи! Огради зону, пока кто-то ещё не пострадал!

С чего-то надо было начинать. Йован захотел пробежаться по этажам и посмотреть везде ли одно и то же. Нужно смотреть во все глаза и отмечать детали.

Голова работала плохо. Лиам всё не мог поймать эту волну, когда люди полностью погружаются в процесс и не пускают в голову страх и плохие мысли. Не понятно, что делать в такой ситуации. Спасать некого, противника нет.

Его слух выделил из общего шума нечто странное. Звук «ха» и ритмичное дыхание прямо за спиной. Лиам обернулся и едва не столкнулся со странным парнем. Тот шёл в середине коридора очень медленно, умышленно затормаживая каждое движение своего тела, совершая, всего несколько шагов в минуту. Он не обращал ни на что внимания, его глаза были закрыты и так же медленно он перебирал длинные чётки в правой руке. Спец из Магического Отдела?

— Тела начали пересчитывать? — услышал Лиам отрывки разговора и голос Йована в глубине коридора.

— Да, но это может занять довольно долгое время. Много их, — ответили ему.

— Хорошо, оперативно передавайте информацию. Есть идеи, почему именно это место?

— Пока глухо. Предшествующих аномалий или следов мы не обнаружили. Вообще ничего. Отключилась электроника, люди упали замертво. И всё. Никто ничего не видел. Пока больше нет информации. В Ордексе создали канал и выкладывают последние новости онлайн. Лучше там смотрите.

Ближе к ночи тела начали перевозить в холодные ангары. Вдалеке у начала кордонов собралась толпа жителей. Йован безостановочно курил и прикладывался к кофе. Настроение у всех было мрачное. Люди должны были сплотиться перед лицом беды. Но сегодня спасать было уже некого. Это лишало сил.

— Сколько насчитали? — бросил Йован одному из руководящих экспертов, пока они курили на улице.

— Уже больше трехсот. Не всех перевезли, транспорта не хватает. Ужасно.

— Причины смерти известны?

— Вскрытия ещё проводят. Лабораторные анализы займут какое-то время. Мгновенная потеря сознания и остановка сердца, никакой агонии, попыток спастись. Никакого страха. Что-то, говорят, с кровью у них и с сосудами, есть следы обморожений. Всё, что мы знаем. Там было, по крайней мере, двенадцать наших. Работали в больнице или были на лечении.

— Курва, — выругался Йован и докуривал молча, прибывая в своих мыслях.

Ночь была холодной. Анхеля сотрясала дрожь, его тело пыталось хоть как-то согреться. В совокупности с ломкой, которая, длилась уже два дня, это было невыносимо. Анхель

попытался прикрыться газетами или найти в себе силы встать и идти, но не смог. Так, посреди тихого переулка, его ослабленное и разросшееся сердце остановилось, и он уже не проснулся.

Прежде чем его тело остыло, откуда-то сверху на огромной скорости в него ударил столп ярко-голубого цвета. На несколько мгновений тихий переулок был освещён огнём. Сердце, которое ранее принадлежало молодому наркоману Анхелю, снова забилося. То, что заняло его место, встало и уверенным шагом покинуло переулок.

За сорок часов смены Лиам устал так, что не помнил, как попал домой. Рук не хватало. Он вызвался добровольцем... Это не было его работой, но он не мог поступить иначе. Перед глазами то и дело возникали безмятежные лица с открытыми глазами и чёрные мешки, совершенно разных размеров и веса. В больнице было детское отделение.

Пытаясь унять дрожь, он сел посреди «зала» и успокаивал дыхание. Ещё одним разочарованием этого дня стал порванный браслет. Это произошло, пока Лиам помогал таскать тела, грузил их в машину и в той же машине, рядом с ними, ехал их разгружать. Осторожно он выложил части браслета на столешницу и вновь задумался о загадочной природе этой вещицы.

Какое-то время он сокрушённо сидел под душем и пытался прийти в себя. События дня не отпускали. Телевизор был включен только для того, чтобы в квартире не было так тихо.

«...Спустя почти двадцать часов пожар был остановлен. Жертвами этой страшной трагедии стали, по крайней мере, двести шестьдесят человек, ещё сорок считаются пропавшими без вести. Ранения получили более двух тысяч жителей. Уже на данный момент версия теракта полностью исключена. Последний раз подобная катастрофа имело место более тридцати лет назад», — донёсся до него голос диктора.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Центральная. Это младший агент Лиам, — телефон сам прыгнул к нему в руку.

— Что я могу для вас сделать, младший агент Лиам? — ответил ему приятный женский голос.

— Как Вас зовут?

— Меня зовут Хоанг, приятно познакомиться, Лиам. Что у Вас случилось? Тяжёлый день, да? Хотите, переведу на психолога или пришлю к Вам кого-нибудь?

— Нет, спасибо, — голос живого человека на другом конце провода немного успокаивал. — Да, у меня был тяжелый день. Не могу по личным причинам употреблять алкоголь. Как вы ещё снимаете стресс? Ничего, что я к Вам с такими вопросами?

— Всё в порядке, Лиам. Наша работа помогать Вам справляться с Вашей. В домашней аптечке есть набор препаратов для таких случаев. Рекомендую Вам заварить травяной чай номер четыре. Чашка горячего чая творит чудеса. И могу записать Вас в программу адаптации или развития. Вы же посещаете своего психолога?

— Да, посещаю. Спасибо, остановимся пока на чае. Всего Вам хорошего!

— Не за что, Лиам. И Вам всего хорошего. Обращайтесь. Вы справитесь со всем.

Лиам повешал трубку. Иногда нужно чтобы кто-то сказал эти слова. Чай, и правда, оказался отличным, и, спустя минут двадцать, Лиам провалился в сон.

Вокруг было очень темно. Острые камни неприятно холодили и резали босые ноги. Воздух затхлый. Редкие капли воды с шумом падали со сводов пещеры и на мгновение

заглушали чуть слышимый низкочастотный гул.

Ничего не происходило. Осторожно ступая и держась, по возможности, за стены, Лиам пошёл вперёд. Где-то в глубине пещеры он услышал неразличимый шёпот, принесённый порывом ветра.

Длинный тоннель закончился. Перед ним предстал огромный грот с колоннами сталагмитов и высоким потолком. Повеяло свежим воздухом и душным незнакомым ароматом, похожим на запах цветочного поля и алкогольных коктейлей из бара. Стало светлее.

Лиам чувствовал напряжение во всём теле, кожу его стало покалывать, а волосы на ней задирались вверх. Похожее чувство было, когда он в детстве перелез через забор трансформаторной будки и подошёл слишком близко.

Грот простирался далеко, его края терялись в темноте. В его стенах зияли отверстия, большие и маленькие, словно ходы в муравейнике. Но одна из этих стен была гладкой. Абсолютно нелепо смотрелась торчащая в ней ярко-белая, сдвоенная, обшарпанная дверь.

Она была, как две капли воды похожа на дверь шкафа Лиамы из его прошлой жизни, когда он ещё жил с родителями. Когда у него ещё были родители.

Новый порыв ветра донёс до него едва различимый хор голосов.

— Открой...

— Найди выход...

— Твой путь...

— Войди...

Лиам подошёл к двери, коснулся ручки и повернул. Скрипящая старая дверь с трудом открылась.

За ней не было ничего. Только непроглядная пустота. Лиам закрыл дверь, чтобы не провалиться. Спинай он почувствовал взгляд и обернулся. Мальчик с простреленным лбом стоял в глубине грота и покачивал головой...

Медитация II. Острие

После инцидента в больнице город замер. А Первое Отделение стало напоминать раздражённое осиное гнездо. Нужны были ответы и срочно. Братья оставили Лиама одного, чтоб не путался под ногами. Толку от него и правда пока было мало.

Лиам разлёгся на комфортном диванчике в одном из пустых коридоров на нижних этажах. Тело почти привыкло к ношению панциря. Только шея иногда зудела. Было душновато, и он снял просторный балахон. Из спортивной сумки со своими вещами и сменной одеждой он извлек планшет. Есть чем отвлечься. Уна.

«Вампир» — отдал он голосовую команду поисковику защищённой сети Ордекса. Под графой поиска вывелись тысячи результатов. Самой популярной строчкой были «Заметки о вампирах», редакция 1967 года, Д. К. Келлог, 467 страниц. Глаза выхватывали лишь строчки в огромном материале.

«...Первые упоминания — каменный век... Вид не относится к нашей экосистеме и не мог зародиться на нашей планете... Вероятно, представляет собой паразита, некий вид "эфирного вируса", однако, природа его является более чем загадочной... смог адаптироваться к нашим условиям, но не полностью...

...При заражении, "вирус" имплантируется в тело на астральном уровне биополя, оказывает влияние на вышестоящие "слои" ауры и вызывает нелогичные, чуждые нашему пониманию изменения на физическом уровне.

Изменениям подвержена каждая клетка организма-носителя. При рассмотрении ткани выглядят обезвоженными и мёртвыми, "замёршими". Однако их функции по большей части сохраняются.

...мышцы сокращаются, суставы гнутся, нервная ткань, органы чувств и мозг функционируют... химия организма и процессы, происходящие на клеточном уровне отличаются разительно...

нелогичны...

вялотекущие...

отличны от известных нам...

...При использовании мимикрии внешние различия практически не заметны.

При отсутствии мимикрии — мертвённо-бледная кожа, истощённость, вид "скелета", кожа обтягивает кости и мышцы, впалые глаза, деформированные уши, отсутствие волос, когти вместо ногтей, ярко выражены клыки или даже вся пасть, половых признаки могут отсутствовать полностью...

...Физические возможности особей не зависят от их внешнего вида, тренированности, массы тела и качества мышц...

...Реакция на серебро. Присутствует, что характерно для демонических или сверхъестественных созданий. Механизм действия прописан многократно. Так же присутствует более слабая реакция на чистые металлы-проводники, например, на железо...

...Механизм защиты от прямых солнечных лучей отсутствует... Термическое воздействие на кожу, ожоги, блокирование энергообменных процессов, их замедление и общее ослабление вампира. При свете дня вампиры слепнут, поскольку привыкли существовать в темноте... Очевидно, их общий предок пришел из места, в котором не было

солнца или подобного источника света и ультрафиолета...

...Уникальная способность к регенерации: потерянные части тела, до своего полного распада, в течение значительного времени(веков) способны сохранять жизнеспособность и могут быть возвращены на своё место...

...Согласно записям Гхатки, им так и не удалось полностью уничтожить древнего вампира. Сущность упыря так и осталась в нашем мире и по его предположениям, способна воссоздать себя заново, даже будучи полностью уничтоженной на физическом уровне...

...Интересным является неспособность заходить в обжитые дома без приглашения. В материал Гатхи упоминается, что эта особенность является следствием древнего защитного проклятия, направленного против всего вида вампиров...

...Эффективными способами нейтрализации являются обезглавливание, отравление трупной или содержащей эффективные яды кровью, сжигание в пламени или воздействие ультрафиолета, обескровливание и ранения, нанесенные серебром. Все эти воздействия могут так же привести к смерти. Процесс окончательного умирания зависит от тяжести повреждений и может занимать значительное время...

...При обращении личность, память и образ мыслей человека полностью сохраняются... инстинкты и рефлексы же заменяются. Их "код" практически полностью переписан.... У вампиров меньше проявлено торможение, связанное с агрессией и жестокостью, "животная натура" как выразился Гатха... Стадный и территориальный инстинкты взяты скорее у хищников...

...К нашему виду вампиры относятся по-разному, в зависимости от их личных убеждений... но все вампиры испытывают в нас потребность, по крайней мере, как в источнике пищи...

...Организм вампира питается некой биологической энергией, находящейся в крови живых организмов, но наиболее подходящей является кровь именно человека. Остальные виды не могут насытить вампира, и, по их мнению, являются отвратительными на вкус.

...Вампир дожидается, пока жертва останется одна, и совершает на неё нападение. Используя превосходство в физической силе, он быстро преодолевает сопротивление жертвы, и наносит ранение в месторасположение артерий или крупного скопления вен. Обычно, для этих целей они используют клыки. Слюна вампира содержит седативные вещества, антикоагулянты и нейромедиаторы, вызывающие у жертвы чувство эйфории и полностью подавляющие её волю.

... Современным цивилизованным вампирам практически не приходится прибегать к жесткой и бесчеловечной охоте на живых людей.

...Стадия шесть. Высший вампир. От трехсот лет до ... (предел продолжительности жизни не установлен)...

...Комментарий ксенобиолога. С этого периода возраст исчисляется только теми годами, которые вампир провёл в состоянии бодрствования. Тело перестает напоминать человеческое. Потребность в питании снижается за счет внутренних запасов энергии, которых более чем достаточно для поддержания жизни в неагрессивных условиях.

Работа мозга и высшая нервная деятельность отличны от человеческих. Скорость мышления и реакции, проводимость нервных тканей невероятна и необъяснима с точки зрения физики. Пределы физической силы таковы, что высшие вампиры с успехом могут противостоять самым агрессивным и совершенным видам хищников из других миров.

Комментарий психиатра. Привычные человеческие эмоции, реакции и поведение

практически отсутствуют. Высшие вампиры не проявляют никакого интереса к нашему виду и часто — даже к своим более молодым сородичам. В большинстве случаев наблюдается одержимость интеллектуальным видом деятельности — наукой, искусством, историей, медициной и прочим.

Стадия семь. Старейшие. Свыше шестисот лет. «Старейшие» или «старейшины» являются высшими существами в иерархии вампиров. После обращения их идеей фикс становится забота о виде. Вероятно, некое проявление "материнского инстинкта". Старейшины обладают невероятной способностью устанавливать телепатическую связь с членами своей общины, даже если они не связаны "кровными" узами.

Стадия восемь. Древний вампир. "Имликты". Свыше двух тысяч лет. Если они существуют, то ведут настолько скрытый образ жизни, что обнаружить их не представляется возможным. Подтвержденные данные отсутствуют...

Лиам устало протёр глаза и отложил планшет. Его ночная гостья древнее местного старейшины. И она не пыталась напасть. Что это вообще было?

Цепочку размышлений прервала вибрация телефона. В холле первого этажа его ждали обеспокоенные Крис и Франк.

— Я думал, у вас городок поспокойнее, — Франк потреблял просто невероятное количество пищи, на сей раз опустошая коробку с китайской едой. — Мне понадобится помощь, я вас реквизирую. Йован не возражает, устал от вас, говорит. Кстати, он мудила.

— И где он? — поинтересовался Лиам.

— Йован обходит своих информаторов. Сказал, будет завтра, — ответил Крис. — Обстановка нездоровая, руководство не в восторге от последних событий. Все нервничают, новостей пока нет. Нужно что-то делать.

— Ой, да расслабься. Отдохнёте от мистера «нам трындец». Я тоже, знаешь ли, не плохой тамада, — криво улыбнулся Франк.

Франк и его команда приехали в город на своей мобильной базе, и расположились на территории парковки, не пользующегося популярностью придорожного отеля.

База был представлена двумя внушительного вида тягачами с прицепами, похожими на рефрижераторы. В первом расположился командный центр с устройствами наблюдения и связи. Второй грузовик был наполнен оборудованием, арсеналом и в самом своем конце содержал отсек, где на странном стенде, опутанный трубками, лежал первый член его команды.

— Знакомьтесь, это Мелвин. Мелвин вас не слышит, он в отключке. Мелвин, знакомься, это местные придурки, — Франк заботливо осмотрел стенд с телом Мелвина и проверил работоспособность его систем жизнеобеспечения. — Мелвин работал у нас техником. Хороший парень. У него боковой амиотрофический склероз агрессивного течения. Ничего нельзя было сделать, постепенно он утрачивал подвижность и слабел. Пару лет проработал в инвалидном кресле. Даже у нас нет технологий, чтобы решать такие проблемы. Короче, он согласился на очень сомнительный эксперимент и выжил. Если это можно так назвать.

Лицо Лиама исказилось, Франк улыбнулся.

— Если вы ребята не в курсе, препараты, на которых вы сидите, частично делаются из демонов. То, чем занимаются в моем отделе, идёт куда дальше волшебных таблеток. Эксперименты на людях. Он вызывался добровольцем и понимал, что подобное вмешательство, скорее всего, закончится его смертью. Но никакого выбора у него не было.

Если ты не понимаешь этого — ты дурак, — улыбка Франка, он стал серьезным.

— Это неправильно, — скривился Лиам.

— Ну, может быть. Но он жив. Не хотел вот Мелвин проверять что там, за пределом. А вот научный интерес к нашей тематике у него был. Орден-II притащил из далекой экспедиции представителя Векке. Удивительные твари, они совсем на нас не похожи, но умнее, это точно. Способны создавать себе конечности из воздуха посредством телекинеза, уплотняют воздух. Мелвин получил части их мозга и дополнительные органы чувств. Предполагалось, что это поможет вернуть Мелвину контроль над телом. Не всё получилось, и побочные эффекты ужасны. Теперь он нуждается в особой дыхательной смеси, получил проблемы с терморегуляцией, работой сердца и кровеносной системы. Вне камеры он вынужден носить костюм жизнеобеспечения, который регулирует функции его организма и позволяет ему дышать. Да и чужеродные гены не самым лучшим образом сказались на его психике. Но парень крепкий и вроде справляется со своим новым статусом. По крайней мере не пытается убить себя и не просит нас сделать это. Мы давно хотели получить солдата-телекинетика.

— Вы больные ублюдки, — процедил Лиам, не в силах отвести глаз от Мелвина.

— Только на первый взгляд. Мы бы были ублюдками, если бы оставили одного из своих в таком состоянии. Пленником своего тела, теряющим всякую связь с реальностью. Не способным есть, ходить в туалет, разговаривать, даже дышать самостоятельно. И лишённым возможности прекратить все это. Это ужасная участь, брат. Никто не хотел делать из Мелвина оружие или чудовище. Цель экспериментов не в этом, а в том, чтобы сделать людей сильнее и лучше. И помочь таким, как он. Ему оказывается вся возможная поддержка.

— Всё равно это жуть, — даже Крису такие дела не понравились.

— Всё, чем мы тут занимается — это жуть. Но кто, если не мы? Скоро ты поймешь, что кроме нас нет никого. Нет никого, на чьи плечи ты бы мог переложить всю эту хрень. Мы слабы и можем в секунду всё потерять. Я, ты, Крис, его тупой брат-мудила и ещё кучка людей — это последняя линия. Последняя сила, что не дает человечеству упасть в бездну. Это никакая не бравада и промывка мозгов. Это чистая правда, которую ты должен понять, если хочешь работать. Такие преобразования — наше будущее и наш ключ к выживанию. Искусственная эволюция. Мы занимаемся этим с начала двадцатого века. Рожи бы свои недовольные назад выключили.

Франк некоторое время выдерживал их тяжёлые взгляды, вздохнул и продолжил.

— Штрасс — командир группы. Может, видел его. Не спрашивай, что у него с лицом. Не любит он этот вопрос. Его привезли в институт при смерти, разорванным на куски. Он не давал согласия. Предполагалось, что алхимическое слияние восстановит его тело. Но всё прошло не очень. Раны заросли, но грубой соединительной тканью. Он весь переломан и в шрамах, страдает от постоянных болей. Значительно хуже, чем я. К счастью, его личных качеств более чем хватило, чтобы пережить это всё и вернуться в строй. Вот такой вот цирк уродцев прибыл к вам в город. Прошу любить и жаловать.

Франк потоптался на месте, его лицо стало злым и нервным.

— И ещё есть парень по имени Вольк. И вот этот Вольк — большая проблема. До экспериментов он был элитным агентом, основным занятием которого было ликвидация особо сложных целей. Но возраст брал своё, он стал менее подвижен и чуть не погиб на очередной миссии. После этого согласился на эксперимент. У него всё прошло отлично. За исключением приобретённой агрессии и почти полной утраты контроля. Штрасс пытается

им управлять, но выходит не особо, у них постоянный конфликт. Единственная причина, почему Вольк ещё дышит — он на нашей стороне и жутко ненавидит наших гостей. Сейчас он не выходит на связь и похоже собирается охотиться. Сейчас нам это совсем не нужно, в городе и так хаос. Штрасс хочет это прекратить. Руководство же пока не видит проблемы.

— Он опасен? Насколько? — деловито поинтересовался Крис.

— Опасен. Очень. Это профессиональный опытный солдат, с силой демона, поехавшей крышей и доступом к нашему арсеналу.

— Речь идёт о том, чтобы ликвидировать его?

— О том, чтобы решить проблему. Он всё-таки свой, возможно, хватит разговора. Со Штрассом он не ладит, со мной тоже. Мелвин, как видите, не особо разговорчив. А Йован мудака. Ему хочется сразу в морду прописать. Вы с Крисом вроде нормальные парни. Я рассчитываю на вас. Окажите мне малюсенькую услугу, я всё так как-то спас вам задницы. Не хочу передавать семейное дело безопасникам. Для начала просто поговорим с ним, а там посмотрим.

Йован снова спускался в городское подземелье, хоть у него и не было на это никаких полномочий. Никто не знал о его визитах, не прикрывал спину, и он был там сам по себе.

Читакх, Город Демонов или Великий Базар существовал с незапамятных времён. Такие места обычно сами собой образуются около Врат. Здесь селятся самые разные изгои, которые решили прервать свой путь на перекрёстке миров, не смогли ужиться на новом месте и не пожелали отправляться в опасное и долгое путешествие домой.

Земля была интересным и экзотическим миром для исследователей и искателей приключений. Здесь было выгодно вести торговлю предпринимателям, и в самом городе демонов можно было легко потеряться беглецам и иным лихим личностям.

Подземелье начиналось под горой Геф, простиралось почти до окрестностей города людей и местами уходило вниз на два километра. На данный момент оно было отделено от самих Врат и агломерации Нью-Гефа из соображений безопасности. На поверхность могли подниматься только зарегистрированные и законопослушные иномирцы, которые, так или иначе, обязались сохранять Вуаль.

В остальном же Орден абсолютно не контролировал подземное сообщество. Но и там сформировалась своя власть и законы.

Населения Читакха составляло около шестидесяти тысяч гостей, и было представлено сотнями различных видов.

Йован попал сюда в один из тайных ходов, не известных служителям Ордена. Так он, во всяком случае, думал. Он надел плащ из плотной ткани, чтобы не светить доспех, скрыл свой запах, лицо и человеческий силуэт. Внизу людей не любили, но в таком прикиде он мог сойти за кого угодно. На вид он был уверен в себе, опасен и способен создать проблемы. Да так и было. Страх перед другими созданиями Бога или Богов Йован не испытывал совершенно.

Внешний вид города и его обычная жизнь могли свести с ума даже подготовленного агента. Центральные улицы местами были лишены света, а где-то горели очень ярко, всеми цветами радуги, освещенные самыми немыслимыми источниками света. Жилища местных располагались по всем склонам подземелья, даже у верхних сводов пещер, вверх тормашками, некоторые дома нарушали законы физики, висели в воздухе и были больше внутри, чем снаружи.

На тесных улицах вечно царили давка и шум. Некоторые обитатели напоминали людей, другие были на них не похожи, или же их внешний вид и вовсе не укладывалась в голове. На человеческий вкус большинство из них были отвратительны. Особенно те, что больше напоминали насекомых или странные формы жизни вроде слизней или сгустков света, способных своим мерцанием вызвать эпилептический припадок.

Но были и исключения. На секунду Йован встретился взглядом с невероятной красоты феири. Она вся светилась, в буквальном смысле этого слова. Какой-нибудь неофит-мужчина, встретив такую, обязательно бы потерялся. Но Йован знал, что под привлекательными влажными губами скрывается два ряда остроконечных зубов, которые любят отрывать куски плоти целиком. Прекрасный на вид, но отвратительный и подлый по своей природе хищник. Честно признаться, иногда у Йована были фантазии, как он пропускает с такой пару стаканчиков, и дело заходит дальше. Но сейчас у него были более важные дела.

Йован продирался через толпу и ритмично дышал, пытаясь побороть нервозность и окружающий его калейдоскоп запахов и тел. Вдох, пауза, выдох.

Наконец, он дошёл до местного храма — хмурого, пыльного и покосившегося куска глины. Таких в подземелье было несколько, все они были мультирелигиозными. Вынужденная необходимость. Каждый гость приносил с собой свою веру или даже несколько. Среди гостей атеистов было немного, они видели больше, чем люди.

— Английский? — тихо спросил Йован, пытаясь привыкнуть к темноте внутри храма.

— Немного, — с трудом ответил ему грузный и неповоротливый служитель храма, прячущий свои толстые конечности и голову в балахон. — Человек редко быть тут. Утешение?

— Нет. Я ищу Ткооткаа.

— Отбыл. Теперь я служить храм, — пробурлил служитель.

— Печально. Ты знаешь, кто пришел в город людей?

Служитель храма, с трудом развернулся в узком пространстве и начал бросать на пол сушёную, дурно пахнущую траву.

— Я не знать. Чувствовать — сильный. Плохо. Скоро все уходить. Страшно.

— Кто может знать? — Йован старался говорить максимально упрощенно.

— Такого не было. Новый. Плохо. Никто не знать. Я не помогать. Ты уходить с миром и процветать. Прощать. Найти половину.

Йован поклонился служителю и вышел. Тупик, но нужно сохранять спокойствие. Подземелье было для него приключением, хоть и смертельно опасным. Местные жители были нервными и обеспокоенными, это чувствовалось в воздухе. Раньше он заходил сюда не только в поисках информации, но ради адреналина и сомнительных развлечений.

— Ну привет, Услкх. Помнишь меня? — Йован дошел до знакомой «забегаловки», если её так можно было назвать, и обратился к хозяину, похожему на большую жабу.

— Как же мне тебя не помнить, друг? Моя рад видеть тебя! Заходи-заходи, всё моё — твоё! Давай накормлю, напою, — хозяин был, как всегда, радушен.

— Мерзкий ты жучара, Услкх. Не буду я твоих червей жрать, уж прости. Больше ты меня не уговоришь. Я по делу пришёл.

— Хороший, свежий, всё для тебя, осх! Ты не пробовал, там наверху нет такого. Любить будешь самок. Много!

— Всё завались! Знаешь, кто явился в город? Сверху?

— Не сверху. Снизу. Не знаем его, не наш. Мы его не звали. Плохой. Убейте его.

Йован устало вздохнул и пошёл дальше. Услх нервничал, раньше такого не было...

...В тяжелую металлическую дверь мягко постучали три раза. Медленно соображающий огромный гворкх, работающий тут охранником, пытаясь не застрять в проемах коридора, гулко протопал к двери и открыл окошко. От короткой очереди из дробовика его лицо превратилось в месиво. Раненый, но не убитый, пытающийся не захлебнуться кровью, он тяжело упал на дверь, которую должен был охранять.

Спустя ещё несколько секунд двери не стало. Её смело мощным направленным взрывом. Гворкха порвало на части и отбросило к стене. Вольк переступил порог тайного убежища. Никаких эмоций он не испытывал.

Из глубины коридора показались и другие охранники-демоны поменьше. Лицо Волька озарили вспышки. Автоматический дробовик рвал их на части и разбрасывал их кусками по коридору. Когда в живых остались трое самых резвых, патроны кончились. Издав боевой клич, они бросились на Волька. Недооценивать этого человека было их последней ошибкой. Вольк достал из-за спины огромный охотничий нож, раскидал их по коридору и выпотрошил наживую, по очереди.

Последняя дверь слетела с петель под ударом его ботинка и явила ему кучку нелюдей, напуганных, вжавшихся друг в друга за столом с картами.

— Думал, сможешь скрыться от меня? — холодно произнес Вольк и забросил в помещение связку гранат.

— Ты заплатишь за это! — прокричал ему вслед гаркающий голос, и помещение скрылось в облаке огня и осколков.

— Уверен, что мы в правильном месте? — поеживаясь, спросил Франк.

— Агась, — Крис на секунду отвлекся от трекера.

— Хорошо хоть этот ублюдок датчик себе не вырезал. Совсем с цепи сорвался. Почти что теракт устроил в центре города со взрывами и стрельбой. Только вот вспомнили его, — причитал Франк. — Как выясняется, терпеть не могу канализацию. Тут воняет, грязно и антисанитария. Мне придется искать новую одежду. Знаешь, какая проблема зайти в супермаркет с таким лицом?

— В арсенале же вроде есть одежда, Франк. Или закажи у снабжения, — Лиаму тоже не нравилось в канализации.

— Не могу я так. Я чувствительный стал после трансформации. Зрение как у орла, слух как у летучей мыши, ну как в комиксах. Но это, блин, не всё. Кожа тоже очень чувствительная и не все материалы приятны. Швы на одежде мешают, скребутся о кожу. Бесят меня. Приходится выбирать то, что меня не нервирует. Вот такая вот я неженка. И фастфуд этот достал. Один и тот же вкус везде практически. Вот Вольк ублюдок, чего ему в грузовике не сиделось.

— Мы близко, ребят, — посветил им в лицо фонариком Крис.

— Ну, наконец-то. Во-о-о-ольк! Во-о-о-ольк! Выходи, Вольк, надо поговорить, — прокричал Франк в глубину тоннеля.

Тоннель закончился, и они попали в здоровенный коллектор с колоннами, освещенный тусклыми лампами под потолком. Франк продолжил кричать, но его слова прервал треск разорвавшейся пули в полуметре от его головы. Чертыхаясь про себя, Лиам упал в сточные воды и потянулся за пистолетом.

— Отставить, агент Вольк! — закричал огрубевшим голосом Франк. — Свои! Не стреляй!

Вдалеке из отрезка темноты поднялась фигура с винтовкой наперевес и вышла к ним. Лиам осторожно и без резких движений поднялся. Суровое лицо Волька не предвещало ничего хорошего. Лиам уже встречал таких бойцов. В нём не осталось ничего кроме жестокости и желания её излить. Лиам повернулся боком, чтобы уменьшить площадь силуэта. На случай, если этот псих вздумает стрелять.

— Не люблю гостей, — оглядел их Вольк.

— Меня Штрасс послал, твой командир, кстати. В городе серьёзный инцидент, ты не можешь просто бегать по городу и стрелять во всё, что тебе не нравится. Нам сейчас не до тебя. Что ты устроил?

— Я больше не имею отношения к вашим делам. У меня свой контракт. Все цели есть в базе. Для каждой мне отлили и выдали пулю, — безучастно ответил Вольк.

— И что это всё значит? Свой контракт? Ты не подчиняешься приказам? — поза Франка стала напряжённой.

— Это значит — проваливай и больше не вставай у меня на пути, выродок. У меня своя работа, у тебя своя. Всё согласовано. Я всё сказал. Уходите, пока можете, — бесшумно Вольк отступил в темноту и потерялся из виду.

— Так, — на несколько секунд замер Франк. — Ничего хорошего тут не выйдет. Уходим. Хероглот психованный! Надеюсь, Штрасс снимет с меня эту головную боль. Сам пускай разбирается и бежит по канализациям.

— Приказ на ликвидацию есть? — жестким тоном спросил из-за спины Крис

— Нет. Я специально запретил брать оружие, чтоб не провоцировать его. У нас уже была потасовка. Не вариант. Пускай начальство решает. С кем он договорился там, хер его разбери.

— Лады, — ответил Крис и осторожно начал отступать к выходу.

Медитация III. Дверь

Йован вернулся утром. Мрачный. Его глаза закрывались от усталости, от него несло тухлятиной, но разговоры его не тянуло.

— Пятьдесят оттенков вони и грустняшки! — поприветствовал его Франк. — Возвращаю тебе ребят. Не скучайте, котики, мне нужно доложить Штрассу, дальше без меня.

— И слава Сатане, — буркнул Йован и отправился в душ.

Спустя двадцать минут, в новой одежде он опустошил торговый автомат, набивал рот кексами и шоколадками и разминал закованное в броню тело.

— Скатаемся к горе. Не нравится мне то, что я услышал внизу. И не смотрите на меня так. Небось, всю ночь лежали на диванах, и мультики смотрели. Смена кончится, когда я скажу!

Усталый Йован не пустил Криса за руль, а Лиам ещё не заслужил таких почестей. По извилистому серпантину и пустым дорогам без указателей они двигались к горе.

Один из самых важных и охраняемых объектов на континенте располагался километрах в двадцати от города. Врата номер девять. И база Ордена-II.

Об этом месте ходили разные городские легенды. На форумах писали, что тут проводят эксперименты по управлению погодными явлениями, создают армию дронов, укрывают пришельцев и создают армию суперсолдат.

Официально же тут располагалась ядерная электростанция «Мира», снабжающая электричеством Нью-Геф и его агломерацию, построенная ещё в 1968 году.

За пару километров до въезда появились первые предупреждающие знаки. «Запретная зона. Посторонним вход воспрещён. Стреляем на поражение». Заборы с колючей проколкой, датчики движения, пропускной пункт и гарнизон в несколько сот человек.

После проверки документов на КПП Йован протёр глаза руками и запетлял между рядок ангаров, барачных и грузовиков.

Дорога упиралась в лабиринт бетонных блоков, служащих для остановки машин, идущих на таран. За лабиринтом из скалы торчали бетонные стены и громадные металлические ворота, замаскированные под горный ландшафт.

На высоте нескольких в скале были вырублены бойницы, из которых торчали орудия, напоминающие корабельные. Часть орудий навелась на автомобиль. Заставляет понервничать. Йован остановил машину, подождал минутку и стал медленно продвигаться вперёд.

Ворота бесшумно скользнули вверх, и они въехали в огромное, но пустое помещение. Наружные ворота закрылись. На внутренних воротах свет фар выхватил гексаграмму, исписанную неизвестными символами. Рисунок ещё более сложный, чем татуировка Лиамы.

Внутри гора оказалась полый. Почти сразу же их встретил вооруженный отряд из четырех человек и не спускал с них глаз весь путь до входа в подземный комплекс.

В коридор, напичканный сенсорами, Лиам вступил первым. Его попросили раздеться до пояса, снять ботинки, внимательно осмотрели его татуировку и слизистые оболочки.

— Любимый мультик? — бросил ему один из охранников.

— Простите? — удивился Лиам.

— Любимый. Мультик, — процедил охранник, внимательно смотря на Лиам и опустив руку на пистолет.

— Планета Монстров, — подумав, выдал Лиам.

— Почему? — охранник так же внимательно смотрел на него.

— Не помню, если честно, вроде крутой.

— Змеи несут яйца? — спросил охранник, не убирая руку с оружия.

— Что? Понятия не имею, если честно. Зачем эти вопросы?

— Проверка на человечность. Зимой листья желтые или красные?

— Эм. Ну, смотря где. Там где нет снега, вероятно, могут быть и такие, и такие, — задумался Лиам. — На эти вопросы не может быть правильных ответов.

— Проходите, — на шею Лиаму надели временный пропуск и строжайше запретили его снимать.

— Ох, не люблю я эту контору. Они совсем помешанные. Бывает, по четыре часа ждешь, пока тебя пустят. Хорошо на проходной сегодня мало народа, — ворчал сзади Йован.

На всё вопросы серб ответил пошлыми нецензурными шутками. Один из охранников его недолюбливал и устроил личный досмотр. Пока Йован заливался смехом и подколами, охранники злились всё больше и всё больше, ситуация стремилась к рукоприкладству. Но в этот раз Крису хватило лишь посмотреть на брата этим своим некрисовским взглядом.

Сопровождающие проводили их до лифта. Дальше пришлось спускаться по широким и прозрачным коридорам, из которых открывался вид на внутренности горы. Йован мучительно долго искал путь к нужным людям. Исследовательская лаборатория номер девять. Их встретила миниатюрная и улыбчивая женщина, одетая в белый халат и очки.

— О-о-о-о, какие люди! Агент Йован, Кристиан! Вас не знаю, к сожалению. Я Бекки если что. Давненько не заходили к нам. Чем могу помочь? — во время приветствия она энергично махала руками и кивала головой.

— Приветствую, Бекки. Отлично выглядишь, как всегда! Воплощение красоты на Земле! Это Лиам, новичок. Расследуем последний крупный инцидент. Просим содействия.

— Конечно, для тебя все что угодно. Всё, чем богаты. И завязывай со своими подкатами, мачо. Флирт — после работы, и когда я выпью лишнего в баре. Шутка, — она забавно прищурила глаза, — или нет?.. Чай, кофе? Печенюшки, косячок? А, вам же нельзя на службе.

— Кофе, если не затруднит, — влез в разговор усталый Кристиан.

— Йо, Виллиам, отвлекись, именем Великого Непознаваемого Создателя этой Вселенной тебя прошу, сделай нашим гостям три чашечки нашего умопомрачительного кофе! Не того сраного, который мы держим для быдла, а того, что нам привезли из Бразилии! — одарила она почтительным самурайским поклоном одного из своих коллег.

Спустя пару минут в большом офисе с прозрачными стенами, посреди кипящей своей жизнью лаборатории, они пили кофе. Лиам пялился по сторонам.

— Подробности, я уверен, ты знаешь. Догадки есть? Интересуют отчёты дальней разведки по ближайшим мирам. Есть ли подозрительная сверхъестественная активность. Подземных лихорадит. Все эти ваши крутые штуки-детекторы интересуют, — деловито начал Йован.

— Как всегда, тяжелые вопросы задаешь Йо-йо. Ты же знаешь, какой там объем информации, и какой бардак происходит. Из интересного — только визит Сурийского принца из далекого мира. Готовим подводную экспедицию к потерянным Третьим Вратам,

есть планы к тридцатому году построить там подводную базу. Экспедиции идут своим ходом, тут всегда жарко... Ну что ж ты пялишься туда-сюда, бешеный ты индюк? Тонзиллит тебя разбери! — не выдержала Бекки, отвлеклась и прикрикнула на любопытного Лиама.

— Похожих инцидентов в ближайших мирах не было? — продолжил Йован, просверлив Лиама ненавистным взглядом.

— Сложно сказать. Точных совпадений нет — сто процентов. Но там постоянно что-то происходит, и кто-то умирает. Из последнего интересного — ожил X-44. Оказалось, местные организмы имеют очень интересную эволюционную особенность. Мир подвержен катаклизмам, и все живые существа на их период погружаются в стазис, где эволюционируют, чтоб не сдохнуть в новых условиях. Спустя какое-то количество времени оживают уже совсем другими и снова сражаются за место под солнцем. Под двумя солнцами точнее.

— Это всё интересно, конечно. Но меня обычная живность не интересует. Как у вас сейчас с разведкой Планов?

— Да так же. Неблагодарное это дело — в реальности лезть, которые мы уложить в свою голову не в состоянии. Сейчас запрошу последние отчёты по сигнатурам и напряжённостям, может чего ясно будет. Давно я ничего не слышала интересного по этому поводу. Помнишь, ты говорил про своих женщин, Йо-Йо? Там ещё большая херня! Сейчас позвоню очкарикам. Подождите полчаса.

Пока они ждали, Лиам послонялся по лаборатории. Кабинет Бекки располагался на возвышении, а прозрачные стены позволяли видеть всё, что происходило вокруг. Внизу располагалось крупное рабочее помещение, поделённое на зоны и маленькие закутки-кабинетки, без дверей. Люди в белых халатах работали за компьютерами, изучали образцы, производили расчеты на прозрачных досках, слонялись с деловитым видом, пили кофе и болтали.

— Да, золотце, есть активность, — вернулась Бекки. — По Библейскому Плану, и Ад, и Рай — сильные возмущения. В Восточном сегменте относительно спокойно, как и всегда. Греция, олимпийцы и иже с ними — всё ещё мертвы. Есть странности по какому-то, то ли скандинавскому, то ли ирландскому плану, не ясно. Малоизучено. По остальным — незначительная, но подозрительная активность. Прорывается на наш уровень в районе города. Вчера был резкий и короткий всплеск на семьдесят единиц. Но как ты понимаешь — всё это загадка.

— Ад? Серьезно? — встрял Лиам.

— Тише, мелкий. Каждый раз будешь теперь удивляться? — заткнул его Йован. — Спасибо, Бекки. Дашь мне доступ на аналитику? Покопаюсь в вашем бардаке. Может, на какие мысли натолкнусь.

— Конечно, котичка. А я пока твоего стажёра изучу и подмогаюсь, если можно. А то бесит меня, слоняется тут с тупым видом, будто в Диснейленд приехал.

— Он весь твой. Съешь ему мозг, знаю, ты голодная, — ухмыльнулся ей Йован.

— Ну, пойдём, сладенький. Покажу тебе тут всё. Знаю, тебе хочется.

Бекки схватила Лиама, вытолкнула в коридор, крепко взяла под руку и прижала к себе.

— То, чем вы, ребятки, у себя занимаетесь — это полнейшая шляпа, — с важным видом и страшными рожицами начала она, пока они неспешно брели по коридорам. — Вы мелкое уругвайское отделение полиции в сравнении с нами.

Лиаму стало муторно от её крепких духов, он пытался высвободиться, но хватка была

железной. В конце концов, он сдался, но продолжил мотать головой пр сторонам.

— У нас тут порядки немного другие, приятно делиться информацией, как бы много её не было. Это у вас там тайны и доступы закрыты. А у нас все уже устали, — вещала Бекки, сменив объятия на некий вариант милого борцовского захвата. — Мозг должен работать, развиваться, выходить за грани своего потенциала, с каждым поколением становиться все круче. Чувствую, ты прошел только укороченный курс подготовки и поэтому совсем зеленый котенок. Поэтому готовься! Учёная сила! Активация!

Бекки разорвала хватку и застыла посреди коридора, энергично изображая стойки карате.

— Поехали! Далекие миры всегда волновали сердца отважных исследователей! И сколько человечество себя помнит, самые смелые его представители отважно перешагивали пороги Врат! В неизвестность, навстречу приключениям! Представляешь, какие яйца надо иметь, чтобы вот так взять и шагнуть в неизвестность? У тебя таких нет! Слава великим первопроходцам! О, что это были за люди! Самые отважные, умные и находчивые представители своего времени. Невероятные мужчины и иногда женщины.

Бекки грубо схватила его за голову, и впечатала в иллюминатор, из которого открывался вид в глубину горы.

— В самом сердце этой горы, на глубине почти в полторы тысячи метров находятся Девятые Врата. Это не единственные Врата на этом континенте. Помимо них на сегодняшний день обнаружено, по крайней мере, еще двадцать и мы ожидаем, что их список может вырасти еще на пять. Земля — настоящий хаб и узел Цепи Миров. И в этом, конечно, наша большая неудача. Но не всё так плохо — большая часть окружающих нас миров на данный момент практически необитаема. Между входом и поверхностью лежит наша великая и неприступная, со всех сторон, крепость. Гора и подземное пространство укреплено и защищено так, что на землю даже молекула не поднимется! Ну, мы над этим ещё работаем, конечно.

Увидев озадаченное лицо Лиама, Бекки хищно улыбнулась.

— Аналогию с комом бумаги слышал? А про Теорию Сопряжения Миросфер?

— Нет, — пробурчал Лиам, разминая шею.

— Попробую объяснить на пальцах. Представь себе обычный лист бумаги, о смятый в комочек. На каждом его изгибе находится отдельный мир, и живут разные существа, они не могут видеть ничего, что находится за пределами изгиба. Но комок бумаги живет своей жизнью. Трепыхается и прогибается от ветра, и иногда его изгибы соприкасаются. И кто-то проделал дырки в этих складках бумаги, чтобы можно было переходить с одной складки на другую. Прикинь как круто?

Бекки вдруг остановилась, уставилась в пол и почесала голову.

— Хотя. Может, это всё уровни голограммы, порождаемый Единым Энерго-Информационным Полем... Чёртов Хокинг! Проехали. Ещё одна крутая штука, что тут есть, называется «Арэс», он защищает единственный выход из Врат. Автоматизированный оружейный комплекс сдерживания противника. Первый барьер на пути иномирцев, которые хотят покуситься на наши ценности. Скорострельность до миллиона выстрелов в секунду. Чуешь-чуешь? Боезапас — от раскаленной вольфрамовой пыли до артиллерийских снарядов, автоматизированная подача со склада. Может непрерывно сдерживать противника на протяжении трех дней. Завалит Годзиллу из последней экранизации. Годзиллу, Карл! — визжала Бекки.

Они добрались до лифта и устремились ещё ниже. Внизу была толкучка, и много вооруженной охраны. Вскоре они попали в коридор прозрачных клеток, и Лиам впервые увидел так близко целый букет иноземцев. Сколько же их видов? Тошнота подкатила, пока он рассматривал жуткое, похожее на выхухоль, создание с огромными челюстями. Увидев физиономию Лиамы, Бекки звучно рассмеялась и сильно ударила его в живот своим острым локтем.

— Это зона карантина. Ещё не видел столько уродцев так близко? Какой же ты зелёный сейчас! Сюда притаскивают всё, что нашли по ту сторону. И тут даже нечто вроде таможни. С другой стороны такая же база. Поток мигрантов мы контролируем, а эти весёлые ребята — наши трофеи или даже официальные гости.

Лиам услышал шум и обернулся. В глубине коридора металась неземной красоты женщины. Блестящая кожа, заострённые ушки, нечеловеческие большие глаза, маленькие острые зубки и изящные когти вместо ногтей. Необычная яркая одежда почти не покрывала тело, обнажая будоражащие по человеческим меркам формы.

С глазами, полными ужаса, брыкаясь и крича на незнакомом языке, она вырывалась из объятий двух таких же созданий. На секунду «женщина» встретилась взглядом с Лиамом и начала кричать и вырываться ещё сильнее. Державшие её «подруги» были спокойны и что-то говорили ей, охрана безучастно наблюдала за сценой.

— Видел? Хреновы фейри! До сих пор к нам суются. Даже после Македонского считают наш мир соседним и дружелюбным. Эти вообще крюка дали — обычно в Англии их остановка, — пробурчала Бекки и показала язык перепуганной твари. — Тоже чувствуют страх. Приятно, правда? Не только мы их боимся. Эта шалашовка только что была в вечнозеленом сказочном мире. А теперь сидит на холодном металлическом полу своей идеальной задницей, в полном культурном шоке. И чего припёрлась?

«Женщинам», наконец, удалось уволочь свою «подругу» дальше по коридору. В одной из камер томился покрытый язвами человек и с недовольством смотрел на фейри.

— А с этим парнем что? — спросил Лиам, разглядывая беднягу.

— О-о-о, это местная знаменитость. Рядовой Зингер. Номинант на премию Дарвина Первый подобный случай за этот год. Выполнял миссию по охране раскопок древних руин в одном из соседних миров. Пострадал, — Бекки рассмеялась. — И нет — это не древнее проклятье и не тропический инопланетный грипп. Пока, между собой, мы называем ЭТО «фейри-сифилис». Если бедняга не сильно заразен — переключает к нам в лабораторию.

— О Боже, — выдохнул Лиам.

— Наглядная демонстрация важности исполнения протоколов, инструкций и соблюдения техники безопасности. Да и вообще здравого смысла. Он нас не слышит. Какой же ты тупой! — прокричала Бекки несчастному и начала корчить ему рожи. — Дай бог не двинет кони, если антибиотики широкого спектра помогут. Так и живём. Пойдём из этого питомника, покажу действительно крутого чувака.

Они миновали «консульство», «таможню», ещё какой-то жуткий опечатанный отдел карантина, бассейн с «морскими» обитателями, и оказались в приличных офисных и бытовых помещениях.

Ноздри Лиамы обжигал букет необычных и резких ароматов. Непонятные звуки то и дело заставляли его оборачиваться.

— Ну ты и урод, — прощворчал низкорослый комок шерсти, которого чуть не сбил Лиам посреди коридора.

Лиам отшатнулся и поспешил догонять Бекки.

— Лилинг! — нараспев произнесла Бекки, ворвавшись в один из офисов.

К ним подбежала полненькая миловидная азиатка в белом халатике.

— Наш принц сегодня спокоен? Не доставлял проблем? — ласково спросила её Бекки.

— Он медитирует или что-то там, — проворковала Лилинг и вернулась к своим делам.

— У-у-ух! — зарычала Бекки, снова засадила Лиаму локтём под рёбра, взяла его в захват и потащила дальше. — Какая же она горячая пышная булочка! Надеюсь, она затащит меня на пару уроков ниндзюцу, если ты понимаешь, о чём я.

Посреди спортивного зала, в позе подобной лотосу, восседал громила с серой кожей и костяными наростами. Гуманоидное тело несло в себе черты птиц и ящеров. Длинные и тонкие ноги отличались непропорционально большими коленными суставами, и в районе стопы имели дополнительный сустав, ступня была похожа на копыта, сращенные из трёх пальцев с небольшими когтями. Мощный позвоночник выделялся сквозь кожу. В фигуре чувствовалась первобытная мощь. Опаснее, чём оборотень, по ощущениям. На коленях у «принца» покоился предмет, напоминающий посох, выполненный из блестящего металла с «короной» из острых осколков алмаза.

— Вон он, красавчик. Сурийский принц или вождь, хрен знает, как трактовать. Уиствиинстцеел зовут. Правильно, всё равно не произнесешь, речевой аппарат у них другой. Свисты, пiski, трещотка. Ужасно, вообще! Мы его Винни называем. Они наш язык могут воспроизводить, только он им тяжело дается. А мы пока только с помощью синтезатора. Культурные различия. Хорошо хоть у них никогда не было многоязычия, они в этом плане поумнее нас. Очень перспективные ребята, — восхищенно доложила Бекки.

Один из четырех глаз сурийского принца чуть приоткрылся и стрельнул на Лиаму своим двойным вертикальным зрачком. Угрозы не чувствовалось, только спокойствие и величие. Бекки продолжила донимать лекциями.

— Сури — единственная раса, в контакте с которой мы на данный момент заинтересованы. Их мир удален от нашего, даже с учётом внешних транспортных систем. Три года до нас добирался, но можно было и быстрее. Сури старше нас примерно на миллион лет, их цивилизацию можно сравнить с Ацтекской или Майя. Они миролюбивые, хоть и жестоко защищаются от иноземцев. В этом похожи на нас. Нам интересны их минеральные богатства. Точнее, всего один минерал, который они называют «срна», у них он распространен, как у нас гранит. Его свойства поражают, это второй из открытых активных биоэнергетических материалов. Если серебро является сверхпроводником, то срна является диэлектриком по отношению к магической энергии. То есть он абсолютно стабилен на физическом плане и не подвержен магическому изменению реальности. Ко всему тому его прочность значительно превышает алмаз, а его структура делает его ещё и несколько пластичным. Для нас это находка.

— И они его дадут?

— Вроде как, да. Ты не поверишь, в обмен на технологии! Гидропонику и нашу плодородную почву. Недостаток еды всегда мешал им поддерживать популяцию. Сурийцы — вегетарианцы, и Винни уже распробовал нашу картошечку. Доволен, как котик.

Бекки радостно помахала грозной фигуре, сидящей без движения.

— Мы только выстраиваем отношения, они осторожны. Всё началось с конфликта, как часто бывает. При первой встрече выжили только безоружные учёные. Даже по меркам демонов они очень сильные и свирепые. Серьезные воины, особенно Винни. Видишь его

посох? Его верхушка сделана из срна. Как мы выяснили, Винни может разломать им старый танк Абрамс. Словно это картонная коробка. Несмотря на уровень интеллекта, они всё ещё выбирают самых сильных физически лидеров. Винни постоянно бросают вызов, так что не смотри ему в глаза больше трех секунд. Он ещё не совсем понимает нашу культуру. Отправился лично убедиться, что мы те, за кого себя выдаем. Похоже, соединения из минерала присутствуют в его костях и крови. Есть шанс, что он идеальное оружие против магических тварей. Но он нервничает и не дает себя обследовать.

— Здоровый хрен, — пробормотал Лиам.

— Это ещё не здоровый, солнышко мое, — рассмеялась Бекки.

Пока они возвращались, Бекки отвлек один из сотрудников, и Лиам уставился в окно, ведущее вглубь шахты. Ничего не было видно.

— Войди, — шепнул кто-то ему на ухо.

Лиам обернулся, но никого не было. На секунду ему послышался порыв ветра и низкочастотный гул.

— Ты чего, зайчик? Испугался? С мохнаткой столкнулся? Ух, вредина! Дождётся, слабительное ему подмешаю в морковку! — вернулась Бекки и сильно ударила его по плечу. — Привыкнешь. И заскучаешь ещё. И по мне заскучаешь тоже. Ты прикольный. Когда надоест играть в вашей песочнице, приходи к нам.

Медитация IV. Возвращение

— Ты не очень-то разговорчив сегодня, Лиам.

Лиам посмотрел на Мадалин, невольно представив её в более откровенной одежде, разливающей им вино по бокалам, в сауне на каком-нибудь курорте в Альпах. Но эта мимолетная фантазия не вызвала в нём никакого возбуждения. Настроение было не то.

— Есть такое. Может мне просто не о чем говорить, — пробурчал он в ответ.

— Ах, так? Давай тогда без слов. Вставай. Давай. Иди за мной.

Доктор увела его на улицу и скрылась за углом офиса. Спустя пару минут она вернулась с двумя метлами. Лиам хотел было отпустить саркастическую шутку про ведьму и полёты на метле, но не смог сформировать ничего ценного.

— Зачем это? — с недоумением посмотрел он на Мадалин.

— Хватай. У нас ещё полтора часа сеанса. Заставь эту улицу сиять. Не торопись никуда.

— Просто подметать улицу? — удивился Лиам, но доктор выглядела серьезной.

— Да. Пока она не станет идеально чистой.

— Зачем это? Я не понимаю, — Лиам замер с метлой в руках.

— А тебе и не надо. Не думай. Просто выполняй задание. Как приказ.

Судя по её виду, ещё немного, и она бы начала отвешивать ему оплеухи, как когда-то его старый сержант Мосли. А Лиам не смог бы ей ответить. Поэтому пожал плечами и начал мести. Подобный тип заданий иногда сопровождал его в первые месяцы учебки.

Лиам ненадолго погрузился в воспоминания о самом начале своей службы и вдруг обнаружил, что доктор тоже метёт улицу. словно почувствовав его взгляд спиной, она начала говорить.

— Удивлён? Ни разу не видел, как женщина в туфлях за десять штук метёт улицы? Как бы дорого я отдала за то, чтобы это моей работой. Вставать на рассвете, когда всё остальные ещё спят. Брать метлу и неспешными движениями сметать пыль в кучки, собирать в свой совок. Наводить идеальную чистоту и порядок. Люди бы шли на работу и удивлялись, как хорошо и чисто у них на улице. И говорили бы мне спасибо, при встрече здоровались бы со мной. Я бы желала им хорошего дня и улыбалась в ответ. Но вместо этого мне нужно вытаскивать вас с самого дна. Доставать ваши искалеченные души из той мясорубки, в которой вы остались, даже сумев выбраться. Мне нужно принимать решения о том, кто из вас может спасти людей, а кто сам станет для них угрозой. И я не могу по-другому. Я стараюсь изо всех сил, потому что больше некому. Но я не всемогуща. Я совершаю ошибки. И их ценой бывают человеческие жизни, которые до самой последней секунды будут на моей совести. Ах, Лиам, если бы ты знал! Я не хирург-травматолог, собирающий словно пазл жертв автомобильной аварии, я не спасаю африканских детей от Эболы или Зика, я не онколог, ведущий своего пациента на схватку с самой смертью. Я мозгоправ — доктор без крови и внутренностей, единственным инструментом которого является голос. Но у меня уже есть личное кладбище. И мне приходится жить с этим каждый день, вставать утром и идти на свою работу. Потому что я не могу переложить её на другого человека. И поэтому, когда у меня есть хоть какое-то подобие свободного времени, я выхожу на эту улицу, беру из подсобки метлу, отключаю телефон и просто мету, пока тут не станет идеально чисто. Здесь я не смогу совершить ошибку. Я точно знаю, какой будет результат от моих действий, и что этот результат будет меня устраивать. В жизни так редко бывает, поэтому я расслабляюсь и

наслаждаюсь каждой минутой. Ты не живешь, Лиам, не знаешь, как жить и зачем. На этой работе, в этом напряжении, при всей ответственности, что ты взял на себя, ты так долго не протянешь. Ты сломаешься. И ценой этому будет твоя жизнь и, может быть, жизни других людей. Нет никакого будущего, нет никакого прошлого, нет никаких кошмаров и ошибок. У нас есть только Здесь и Сейчас. Научись жить, Лиам. Здесь и сейчас. То, что происходит в этот момент — это и есть жизнь.

Давненько у него не было спокойной минуты наедине с собой. Без всего, что может навалиться. Лиам медленно выдохнул и взялся за метлу. Неспешно, наслаждаясь каждым движением и мгновением покоя, он начал мести улицу. Цель и результат, и правда, понятны. Не нужно думать. Ни о прошлом, ни о будущем. Ни о себе, ни о других людях. Просто мести улицу, пока она не станет чистой.

Время пролетело незаметно. Доктор вытряхнула остатки мусора из совка в пластиковый пакет. И просто расцвела, оглядывая, бледный от пыли дорожный чёрный костюм и туфли.

— Добро пожаловать в «здесь и сейчас», Лиам. Это можно назвать медитацией. Примерно так это и работает. Надеюсь, ты расслабился и понял, что тут вообще происходило. Во всём этом... не забывай жить, Лиам.

— Спасибо, доктор, — Лиаму дышалось свободнее. — Никогда особо не верил в психологов. Но Вы реально крутая. Спасибо!

— Ещё бы, конечно, крутая! Всё, давай, Лиам. Не будь тряпкой. Меня уже ждёт клиент. До встречи.

Лиам решил не брать такси и попробовать вернуться пешком. Просто захотелось идти, да и спокойно посмотреть улицы города было не такой уж и плохой идеей. Обычный, размеренный, спокойный, неторопливый город. Может и захолустный, но что-то в этом ритме и спокойных лицах есть приятное. Если смотреть под правильным углом.

— Эй, постой! — окликнул его женский голос.

Лиам обернулся. Высокая, спортивная, в строгом костюме, на каблуках. Лиам долго разглядывал обладательницу голоса, пока его взгляд не зацепился за чёрную помаду и забитые рисунками руки.

— Девушка с татуировками, — задумчиво пробормотал он.

— Ями. А ты Лиам, я тебя помню. Был у психолога? — приветливо зашебетала она.

— Ну да. А ты чего здесь? — улыбнулся ей Лиам.

— И я оттуда же. А ты у кого наблюдаешься?

— У Мадалин.

— О. Она прикольная. Ещё повезло. А я у доктора Чамар, — забавно округлила глаза Ями.

— Погоди. Все, что ли, психолога проходят? Даже ты? — Ями посмотрела на него, как на идиота и язвительно парировала:

— Конечно. А ты думал один такой сложный? Я вообще-то не только татуировками в Организации занимаюсь. Это хобби скорее. Я в Военный Отдел готовилась и прошла, наконец-то. Сегодня последнее тестирование сдала! Ну чего ты молчишь, как дурак? Поздравь меня!

— Поздравляю, — вытащил из себя Лиам.

— Вот так-то, лучше. Если ты не занят, то мы сейчас пойдём отмечать это дело, — уверенно отчеканила Ями.

— Отмечать?

— Ты контуженый, что ли? Ты. Я. Пара пива. Потом ещё пара пива. Потом, возможно, виски. А потом — как пойдёт. Ты в теме?

— Ну ладно. Только я особо пить не буду, — пожал плечами Лиам.

В баре их встретили ещё шесть парней и две девушки. Всё молодые. То ли один выпуск, то ли будущий отряд Ями. Почти семейное заведение, только с пивом и барной стойкой, с радостью приняло их. Единственное место поблизости, где можно было выпить и шумно оторваться в три часа дня.

Лиам скептически посмотрел на свой запотевший бокал и компанию. Но съев кусок пиццы, расслабился. Что может быть плохого в таком употреблении алкоголя? Когда ты не от чего не бежишь, и тебя ничто не преследует. Просто несколько приятных часов.

Признав в Лиаме агента, на него какое-то время смотрели настороженно. Между их службами были какие-то терки или конкуренция. Но отступить было поздно.

Сначала он держался в сторонке и молчал. Затем переместился к барной стойке и издали бросал взгляды на смеющуюся без остановки Ями. После первого пива два парня из группы подошли к нему.

— Морпех? — немного грубо бросил высокий чернокожий парень.

— Ну да. Третья дивизия. Разведывательный батальон, — спокойно ответил Лиам.

На лицах парней проступили улыбки, и один из них крепко ударил Лиаму по плечу.

— Брат! Выпей с нами! Я Курт, — Курт ударил в плечо своего соседа. — Говорил же, морпех.

— Я Лиам. Тоже служили? — расслабился Лиам.

— Конечно. Штурмовой батальон. Как там в Сирии? Ещё стреляют? Когда вернулся? Ты же тоже из новеньких?

— Три года назад последняя командировка. Сейчас не знаю, стреляют или нет. Да, недавно меня устроили.

— Пойдём к нашим, за это дело надо выпить, — они потащили Лиаму к столу.

Солдаты умели отрываться. Но его не тянуло. Скорее желание загрузить голову чем-то кроме работы и прошлого. Лиам послушал несколько тостов и снова отделился от толпы. Когда последний раз он вот так проводил свой день? Приятно.

Штурмовики и другие морпехи были реально крутыми ребятами. Но разведчики держались несколько в стороне. Не принято было светиться в шумных пьянках, и вообще быть на виду. Это они сталкивались с врагом лицом к лицу, ползли в сторону его укреплений и оказывались зачастую в меньшинстве. «Celer, Silenis, Mortalis». Быстрые, тихие, смертоносные. Так звучал их девиз. Разведчики спали и ели отдельно, уходили на боевые задания отдельно. И умирали отдельно. Во время нескольких компаний Лиам, как и весь его отряд, носил неуставную чёрную повязку на руке. Какой-то парень придумал это как знак их особого отличия от других воинов во время операции в Сирии. Правда, изначально эта повязка имела лишь практическое значение и выступала в качестве повязки на голову, когда приходилось проводить ночь в холодной пустыне.

Вдоволь накричавшись, наобливавшись пивом, и исполнив с десятков победных танцев, Ями присоединилась к нему. Лиам был не против. Приятная компания.

Стаканы наполнялись и опустошались, музыка становилась всё менее незаметной. А Ями приближалась всё ближе. От неё очень хорошо пахло и к ней тянуло. Вроде бы они

начали обниматься, но мозг отключился и Лиам не запомнил, как попал домой.

1998 год, Косово.

Маленький Йован не ел уже четыре дня. Но это его не беспокоило. Пока ещё он не чувствовал слабости. Куда сильнее его заботило состояние младшего брата. Кристиан сильно исхудал, ему было тяжело двигаться. Жаловаться было некому, их родители погибли.

Два месяца назад они ушли и не вернулись. Йован не знал, что случилось. Но он выполнял обещание, данное отцу. Пока им удавалось выжить.

Сначала они тихонько сидели дома. Йован нашёл запас свечей, оборудовал для младшего брата игровую в подполе, а сам сидел на диване и ждал родителей, изредка поглядывая в закрытое шторами окно. А потом на их район упали бомбы. Йован вытащил полуголого брата из-под завалов, и они убежали в темноту.

Теперь они ютились по брошенным и полуразрушенным домам и искали себе пропитание.

Район, в котором они находились, сильно пострадал из-за бомбардировок и боёв. Люди покинули его, братья не встречали ни одной живой души уже несколько дней. Где-то вдалеке постоянно стучали выстрелы. Но и не к такому привыкаешь.

То ли от голода, то ли от пережитых ужасов у Йована начались галлюцинации. Так думал этот мальчик, повзрослевший слишком рано. Йован чувствовал, что среди полуразрушенных домов и пустынных улиц они не одни. По ночам Йован слышал звуки. Кто-то бродил в соседних домах и рядом с их временным убежищем. Легкое, почти бесшумное движение. Может, это были брошенные собаки или кошки. Но уже давно не было видно ни тех, ни других.

Шум вертолёта, крики и стрельба на улице напугала их, они не успели найти укрытие. Под ударом тяжелого ботинка дверь рухнула, в комнату ворвался высокий человек с винтовкой наперевес. Перед тем как ослепнуть от света штурмового фонаря, Йован увидел его перекошенное лицо и встал между этим человеком и братом.

Бандит долго слепил мальчиков светом, но вдруг опустил оружие и крикнул что-то на незнакомом языке на улице. В комнату вошли ещё двое солдат с нашивками НАТО.

— Что делать, Джон? — спросил солдат, проломивший дверь.

— В смысле, что делать? Прочёсываем район дальше, пока не найдем эту тварь, — раздражённо ответил ему товарищ.

— Да они совсем малыши. Ты посмотри. Нельзя их здесь оставлять.

— Они не наша проблема, Карл. Соберись уже. Что сегодня с тобой? У нас есть работа. Бледные сами не смогут навести тут порядок.

— Они дети, Джон. Это неправильно. Я не могу их здесь оставить. Мы не можем здесь их оставить!

— Нельзя спасти всех, Карл. Как ты не поймешь, ты сам, как ребёнок.

— Нельзя. Я знаю. Можно спасти этих, вот они, перед тобой.

— У них наверняка есть родители. Найдутся. Немедленно прекрати, Карл.

— Какие родители? Ты посмотри, вокруг одни руины. Нет у них родителей. Они тут одни. Дети одни на войне, Джон!

— Я запрещаю. Мы на задании. Что ты предлагаешь?

— Я позвоню руководителю операции или в оперативный штаб. Можешь попробовать помешать мне. Я Богом клянусь, я так врежу тебе прикладом, что ты потеряешься, выродок.

— Черт с тобой! Пошли Натан, у нас есть работа, — махнул старший второму солдату.

— Черта с два! — Натан сплюнул под ноги. — Я тоже никуда не пойду, пока мы не решим вопрос. Война войной, я клятву давал защищать людей. Всех. У меня дома такой же сучёныш остался. Ты посмотри на них.

— А если их тут сотня? Что ты будешь делать, говнюк? — не унимался Джон.

— Всё, что будет необходимо. Идите лучше покурите, агент Свонсон! Вы хоть и куратор, но права отдавать мне прямые приказы не имеете. А если бы и имели, я бы не послушал, старших тут нет. Свободны, агент Свонсон!

Старый вояка Джон Свонсон сплюнул на пол и, ворча, вышел на улицу. Карл ещё долго о чем-то ругался по переносной рации.

Йован все это время стоял между людьми и братом и совершенно не понимал, что происходит.

Наконец молодой солдат вернулся, сел на колени перед Йованом, протянул ему свою камуфляжную куртку, плитку шоколада и флягу. Йован отдал всё брату.

— Ждём вертолёта. Это жертвы инцидента. Мы обеспечиваем их безопасность и эвакуацию, потом вернёмся и зачистим район.

Свонсон вернулся с улицы и со злобной рожей выплюнул изо рта сигарету.

— Вот дерьмо! А дикого кто валить будет? — завелся он. — Ты пробивной парень, Карл, быстро же договорился! Я ждал команды разоружить тебя и доставить в какую-нибудь яму или карцер. Даже подумал в живот тебе сразу выстрелить, чтоб нам членами в рукопашной мериться не пришлось. Ну, раз приказ есть, значит, мы его выполняем. А между нами: может стрельба — это не твоё? Лучше будешь политикой заниматься? Не хочу я видеть тебя в своём звене, приятель.

— Взаимно, Джон. Может, ты и прав, — сплюнул молодой солдат на землю.

...Лиам услышал своё ритмичное дыхание и почувствовал биение сердца. Оно успокаивалось. Так тёмно вокруг и тихо. Берцы утопают в чёрном блестящем песке. Луч невидимого света выхватывал его из бесконечной и безветренной тихой пустыни. В его руках карабин. Чёрный, рифленый и прохладный на ощупь.

Пятно света выхватывало из темноты что-то ещё. Оно было уже за пределами островка с песком. Нечёткая форма вращалась в темноте. Оливково-чёрная блестящая поверхность кожи, испещрённая трещинами. «Оно» словно было вылеплено из глины каким-то ребёнком и получилось очень уродливым. Отдалённо похожая на человека, глиняная кукла с толстыми и круглыми непропорциональными конечностями. На жутком лице-маске был только искривлённый рот. Издавая глухие, протяжные звуки, исчадие тьмы барахталось и водило руками по лицу. Словно собираясь продрать себе глаза.

Подчиняясь странному импульсу, Лиам лёг на песок, расставил ноги в стороны и упёр в плечо приклад. В перекрестье прицела фигура выглядела ещё более уродливой. Лиам успокоил дыхание, снял предохранитель, безучастно навёл винтовку, сделал необходимые поправки и начал стрелять. "Клик", — издала винтовка. Кончились патроны. Так же безучастно Лиам передёрнул затвор и снова нажал ну спуск. "Клик". Затем ещё раз. И ещё раз.

Что-то коснулось локтя. Лиам повернул голову и увидел босые и грязные детские ножки, прикрываемые каким-то подобием разодранным юбки. Над ним стоял мальчик с простреленной головой. Он улыбался и направлял на Лиам указательный палец. Рука

мальчика беззвучно дёрнулась, изображая выстрел...

Сны становились проблемой. Об этом психологу знать не стоило. Примерно полчаса тревоги после начала бодрствования. Середина ночи и так плохо, что всё ещё выходной.

Чертыхаясь, Лиам поднялся с кровати. Голова болела жутко, во рту ночевали кошки. Вот бы никогда не чувствовать похмелья.

Пришлось выпить стакан лимонада и попытаться спрятаться от последствий вечеринки под душем. Зачем так жестоко напиваться? Чудесный день и такой итог. Не стоило возвращаться к этому. Не факт, что там было весело, когда он напился и он, вообще, отдохнул. Мог и по морде получить, или сам бы делов наделал. Хоть Ями домой не притащил, уже хорошо.

Еда не лезла, Интернет и телевизор раздражали, а для чтения слишком болела голова. Спать уже не хотелось. Опять ночь наедине с собой.

Не думать о дозе.

Не думать о дозе.

Не думать о дозе.

Взгляд его забегал по квартире в поисках решения и уперся в блюдце с разорванными частями браслета.

«Подарок» Уны. Эта странная хрень той ночью. Никаких ответов. Может, стоит спросить у Кая? Или просто забить на это.

Лиам ещё раз чертыхнулся, всадил в себя ещё один стакан лимонада, оделся и вызвал такси.

Двери прихода Кая были открыты. Лиам неуверенно вошёл и сел на самую дальнюю скамейку. В ночной церкви он был не один. Сегодня Кай не читал проповедей, в порядке очереди он принимал местных жителей и подолгу разговаривал с ними.

Кай узнал Лиам. Понимая серьёзность и интимность разговора, Кай отпустил прихожан, закрыл церковь, и они остались наедине. Лиам всё пытался подобрать слова, но Кай начал первым.

— Меня обратили насильно, чтоб я стал оружием и стал зверем. Моя человеческая жизнь не была ни простой, ни счастливой. Во мне расцвела злоба и жестокость ещё при жизни, как и нужно было моему хозяину. После я делал ужасные вещи, за которые никогда не смогу расплатиться ни в этой жизни, ни в следующих.

Кай был очень спокоен и умиротворен. Тяжело было представить его монстром, но такова была их природа. И всё это дерьмо про них нужно просто принять и взять на галочку. Не реагировать, быть профессионалом.

— Я был голоден. И выследил двух бездомных детей. Загнал их в угол, собрался рвать их тела на части, наслаждаться их криками и забирать их жизни. Я увидел мальчика, он закрыл собой младшую сестру, и готов был биться насмерть. Готов был умереть, чтобы она жила. Я смотрел на него и смеялся. Но что-то внутри меня вдруг сломалось... Я увидел в этом мальчике самого себя. А в себе я увидел чудовище, значительно более страшное, чем то, которым являлся мой отец. Я зарыдал. Мне стало так больно, что я ослеп. Я не смог к ним прикоснуться, это показалось мне отвратительным. Я отпустил их и убежал.

Вампир затих. Лиам не смог сдержать крупную дрожь.

— Я выкопал себе могилу и лёг в неё, чтобы истлеть. Я хотел умирать максимально мучительно и долго, был готов держать в себе и душить звериную сущность и инстинкты,

пока всё не кончится. Я грешил, так страшно грешил... — из глаз вампира проступили кровавые ручейки. — Я молил Господа простить меня и забрать к себе. Не знаю, сколько я так пролежал. И, наверное, я там умер. Что-то со мной случилось, из могилы вылез уже другой Кай. Вот твой ответ на вопрос, как такое создание, как я, верит в Бога. Теперь ты хочешь спросить, что такое Бог?

Лиам молчал. Совсем не такого разговора он ожидал.

— Бог — это понятие вне наших категорий. Мы можем лишь почувствовать его отголоски. Я почувствовал. Бог — это любовь. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Бог — это созидание, всё сущее и связь всего сущего, вот что такое Бог. Бог — это Высшая Сила — Любовь. Нельзя было не любить нас и создать такой мир. Бог любит всех нас, пускай эта любовь нам не понятна, и мы временами не видим её и теряемся во тьме. Бог любит и тебя, Лиам.

Вампир поднял со скамейки Писание и сжал его так, что остались вмятины.

— Почему христианство? Мои родители исповедовали его. И это одна из причин моей обиды на них, злобы, которую я должен искупить прощением и приятием. А Священное Писание, даже без веры, невероятная книга. Её, конечно, не писал Создатель или даже тот, кого понимают под Создателем с точки зрения Христианства. Писание — это опыт между человеком и Богом. Опыт, который нельзя передать через страницы книги. Нельзя прочитать её и стать близким к Богу. Потому что духовная жизнь — это работа. Я не убиваю не потому что прочитал заповедь и поверил в неё, не потому что боюсь наказания. Сначала мне пришлось осознать всю ценность чуда жизни. Понять, что я и близко не смогу сотворить что-то подобное, ведь жизни всех созданий на Земле уникальны и бесценны, они происходят лишь один раз, и нам этого никак не изменить. Но я пришёл к этой мысли, только убив сотни творений Господа, причинив столько боли...

Лиам не думал, что они способны на такие чувства. Господи, да не все люди на такое способны. Лиам замер и вслушивался.

— Не имя такого опыта, ты не сможешь в полной мере осознать ни одной фразы со страниц Писания, — уже спокойно продолжил Кай. — Но, если ты проделал такую работу, и осознанно пришел к чтению этой книги, ты познаешь множество истин и великую её глубину. То, что сейчас с тобой происходит — это и есть духовная жизнь, просветление. Ты начал задавать вопросы и искать на них ответ. Но я не могу дать тебе ответы. Никто не сможет, кроме тебя. Это только между тобой и Богом. И это будет очень больно. Встреча с самим собой — неприятна, но только через неё ты сможешь встретить Бога. Я могу лишь помолиться за тебя, Лиам. Выслушать тебя и поддержать добрыми словами.

Лиам смотрел на Кая и сквозь него. Какая-то шестерёнка внутри него в тот момент рассыпалась, и он долго не мог собраться с мыслями и начать говорить.

— Хм, — произнёс Кай, вращая в руках части браслета. — Значит, это был не сон? Теперь я понимаю твоё смятение. Она посещала тебя. Хм... В сравнении с ней, я дитя. Говорят, она ангел и блистает подобно солнцу, если ты умеешь видеть. И никогда не причиняла вред ничему живому, если такое вообще для нас возможно. Говорят, она принесла мир между всеми домами и примирила всех нас с нашими извечными врагами. Её называют Шридхара Бхатана. Дитя Мира. Не знаю, насколько это правда, но я, если честно, не верю. Но причём здесь ты?

— Теорий нет? — потер виски Лиам.

— Хм. Быть может, она увидела в тебе что-то очень важное. То, что не смог увидеть я, ты и твои близкие люди. Мы не сможем понять мотивов её поступков. Вот что ты должен осознать: между нами невероятная пропасть. Благодарю Господа, что она одарила тебя своим вниманием. Может быть, это было благословение, я не знаю. Я бы хотел встретиться с ней.

— Что она такое? Она не похожа на тебя?

— Нет. Она не похожа даже на Старейшего, которого ты видел. Свой путь мы начинаем как дети и звери, неспособные контролировать свои порывы. Как за детьми, «родители» присматривают за нами, чтобы мы не погибли и не натворили непоправимого. Ну это в случаях, далеких от моего, личного. В основной своей массе мы не чувствуем родства с людьми, не видим в них братьев, только корм и средство развлечения. Мы жестоки по своей натуре. Бог сделал нас жестокими излишне, и в этом наше испытание. Но это лишь голос внутри нас, инстинкты. Мы подвержены им, как и люди, но наша суть даже после обращения остается прежней. По крайней мере, первые сто, может даже триста лет... Но потом, различия становятся слишком явными. Мы уже не можем сохранять человеческие черты, наша память переполнена, эмоции затихают в нас, опыт настолько значителен, что мы видим суть вещей и предсказываем все события нашей жизни ещё до того, как они случатся. Кровь больше не нужна нам, и мы не чувствуем её вкус. Мы больше не можем испытывать удовольствие, гнев, радость, печаль — всё это теряет смысл и глубину. И мы меняемся, превращаясь в созданий, которым это больше не нужно, утрачиваем последние крохи того, что связывало нас с людьми. Те, кто смог пережить этот процесс, возносятся над нами. Это страшит меня. Но познав любовь Господа, я понял — и тысячи лет не хватит, чтобы впитать её полностью.

Медитация V. Урожай

Лиам стоял в середине барака, около своей кровати. Никого не было рядом, только ряды пустых солдатских коек. Единственная горящая лампа в помещении выхватывала из темноты кровать Бенисио.

На кровати лежал сам Бенисио. Точнее то, что от него осталось. В его хаммер попал зажигательный снаряд, салон машины превратился в огненный ад, выжить было невозможно. Трое морпехов сгорели за секунды. Каким-то чудом горящий Бенисио сумел открыть дверь, покинуть машину и пройти несколько метров. Сначала он упал на колени, как будто рюкзак за его спиной стал слишком тяжёлым, потом он завалился назад и так горел ещё какое-то время.

Лиам видел всё издалека. Он не мог ничем помочь Бенисио. Они были под огнём. Когда всё закончилось, Лиам побрёл к тому, что осталось. Одна из самых страшных вещей, которые он видел в своей жизни. Ноги Бенисио были согнуты, руки тоже выгнуло и они были прижаты к телу, стискивая то, что осталось от его винтовки. Бенисио не выпустил своё оружие, даже в смертельной агонии. Его лицо теперь больше напоминало череп, пустые глазницы смотрели строго вверх, туда, где было синее безоблачное небо.

Ужасная, отвратительная и жестокая смерть, в которой не было ничего геройского или почётногo. Участь, которую Бенисио не заслуживал. Лиам должен был заметить стрелка и снять его. Теперь его единственного друга и названогo брата не было. Лиам остался один.

И вот перед глазами снова ЭТО. Почти сразу Лиам понял, что спит. И это позволило отвести глаза и не смотреть. Его ногти впились в бицепс и оцарапали его до крови. Хотелось проснуться, но ничего не помогало.

Движение в самом конце барака. Кто-то смотрел на него из темноты, худой и небольшого роста.

— Нет. Уходи. Пожалуйста, уходи. УБИРАЙСЯ! — закричал Лиам мальчику с простреленным черепом. — УБИРАЙСЯ!

Сердце запрыгало в груди, все мышцы свело от напряжения, он кричал бесконечно долго и сорвал себе связки так, что в горле жгло даже во сне. И, наконец, проснулся.

— Вот дерьмо, — выругался Лиам, пытаясь выбраться из скрученного анакондой одеяла.

Остатки сна смыло, как водой, и Лиам выругался. Весь пол его квартиры, вся мебель и кровать были усыпаны лепестками цветов.

Недоумевая, Лиам прошёлся по квартире, но он был один. Никаких следов попойки или вечеринки. Вчера он был в церкви. Чья-то шутка? Йован? Франк?

На столешнице лежал браслет. Он снова был цельным. Его аккуратно зашили и вернули на место выпавшие части.

— Нет, — отшил его Крис и вернулся к изучению журнала.

— И чем займемся? — навис над ним Лиам.

— Ничем, подождём брата. Успокойся. Отдохни. Ещё наработаешься, — утомлённо вздохнул Крис.

Лиам не мог успокоиться, он ходил из угла в угол и теребил подарок. Крис то и дело поднимал на него глаза и уже начинал терять терпение.

— Ну что там у тебя? — оторвался Крис.

— Крис, прикроешь меня? Нужно проверить одно дело, — решился Лиам.

— Что? Ты у нас уже дела берёшь? Брат в курсе? — повел бровями Крис.

— Личное дело. Подбросишь меня до той резиденции с вампирами?

Кристиан долго изучал Лиаму, а потом просто пожал плечами, встал и пошёл в машину.

— Приёма нет. Резиденция закрыта для визитов. Только по экстренному запросу в бумажном виде. Даже для Ордена. Покиньте парковку, — отрезал охранник у дверей резиденции.

— Мне нужно встретиться с Уной из Королевской Семьи, — выпалил Лиам.

Крис остался в машине и дремал, слушая в наушниках музыку с телефона. Лиам бы всё равно не ответил на его вопросы. Пускай серб отдохнет.

— Ты дурак? — охранник переглянулся с коллегами. — Совсем попутал, что ли?

— Скажите ей, что я тут, — не унимался Лиам. — Мне нужно с ней поговорить.

— Ты идиот? Ты понимаешь, что ты говоришь, вообще? Начальство твоё в курсе?

— Начальника охраны сюда, живо, — приказал Лиам.

— Уходи-ка ты, приятель, пока цел, — охранник снял оружие с предохранителя. —

Приёма нет.

— Я не уйду. Стреляй, — спокойно ответил Лиам.

Охранники занервничали и тихо посовещались.

— Слушай, брат, я всё понимаю, у вас там проблемы какие-то. Я сам туда даже войти не могу, и уж, тем более, не могу подойти к члену Королевской Семьи, — сдал назад охранник. — Ты можешь это понять? Я охраняю периметр, и мне жизнь дорога. У меня дочь.

— Начальника охраны, — процедил Лиам, сжигая глазами упёртого охранника.

Охрана ещё немного понервничала, скатилась до угроз, потом поумоляла и сдалась.

— Приёма нет, — повторил Лиаму заспанный и злой начальник охраны.

— Он хочет увидеть члена Королевской Семьи, сэр. Не уходит, — пожаловался на Лиаму охранник.

— Ты что, пьяный? — выпучил глаза начальник. — Мне позвонить твоему начальству?

— Оно не знает, что я здесь, — спокойно ответил Лиам.

— Ты совсем охренел?! — выпучил глаза и закричал начальник. — Тут тебе цирк, что ли? Ты конфликт хочешь спровоцировать?

— Передайте ей, что я ожидаю на улице, и покажите ей это, — Лиам достал из кармана браслет и протянул его.

— Слушай меня внимательно, наркоман, — начальника охраны скрутило от удивления и злости. — Тут тебе не цирк. Я не могу пойти туда и заговорить с кем-то из них, сунув им в лицо этот кусок дерьма. Я потеряю работу или жизнь. Моя задача стоять тут и не пускать внутрь долбоящеров, вроде тебя. Поэтому я тебя не пушу. Или ты сейчас же пойдёшь к машине, или я прикажу отделать и вышвырнуть тебя. Понял меня?!

Двери открылись, и на улицу вышла бледная женщина в деловом костюме. Не человек. Начальник охраны вспотел и склонил голову.

— Прощу прощения, мэм. Сейчас разберёмся! — начал лебезить он.

— С чем разберётесь? — со спокойствием опасной змеи спросила она.

— Он сумасшедший. Из Ордена. Не при исполнении. Хочет попасть к члену Королевской Семьи. Сейчас уберём его. Простите, пожалуйста.

— Сумасшедший? — протянула она и обошла вокруг Лиама. — Не похож на сумасшедшего. Чего ты хочешь, страж?

— Мне нужно встретиться с Уной, из Королевской Семьи, — максимально дипломатичным тоном ответил Лиам.

— Ничего себе. Какой забавный. Спокойный, но сердце так и выпрыгнет мне в ручки, — произнесла женщина. — Я видела тебя на приёме. Нам всем нужно прикоснуться к солнцу... Но как же не сгореть? Ступай домой, человечек, и мечтай о другом человечке.

— Я не уйду. Передайте ей это, — змея взяла браслет, вдохнула его запах и осмотрела.

— Какая древность... Откуда это у тебя? Хотя, в прочем, не важно. Я сделаю это. Спасибо, человек, — вампирша быстро удалилась.

Лиам в растерянности остался стоять перед охраной. Отчаянная уверенность таяла с каждой секундой. Начался дождь, Лиам вымок и стал замерзать.

Вдруг начальник охраны напрягся и оторопел, вслушиваясь в наушник.

— Проводите его в храм, — дрожащим голосом произнес он, охрана вдруг расступилась.

Чем дальше спускался Лиам, тем больше нижние уровни напоминали пещеру. Когда лестница перестала освещаться, охранники занервничали и покинули его, приказав идти вниз. Оружие и амуницию отобрали на выходе, освещать себе путь пришлось телефоном. Может, идея Кейба с фонариком на ключах была не такой уж и плохой.

Лестница вела его в темноту и закончилась на дне пещеры. Чем дальше шёл Лиам, тем сильнее он чувствовал легкую вибрацию и слышал тихий гул. Вдалеке показался тусклый свет.

Посреди невысокой пещеры, освещаемая факелами, к нему спиной и лицом к странному каменному сооружению, в странной позе сидела знакомая фигура. В воздухе витал запах благовоний. Что-то не очень хорошая идея пришла к нему в голову.

— *Ira*, — чуть выдохнула Уна и медленно поднялась на ноги.

Она смотрела на Лиам, не отрываясь. Голова её склонилась, а руки сжались в кулаки. Инстинктивно Лиам повернулся боком и перенёс вес тела на заднюю ногу.

— *Ira!* — вдруг закричала она со злобой и ринулась в сторону, к алтарю.

Лиам вздрогнул. Факелы и кадила полетели в разные стороны, вазы с благовониями и статуэтки разбились. Она размахивала руками и кричала на незнакомом языке. Лиам почувствовал слабость в ногах, каждый её гневный выкрик словно бил его, и останавливал на мгновение его сердце и лёгкие.

Она обезумела и это было слишком. Молча, он развернулся, и пошёл к выходу...

— Ну как? Решил свой вопрос? — Крис с тревогой оглядел бледного и молчавшего Лиам, завел двигатель и поехал. — Ладно. Потом расскажешь.

Благородный серб отвёз его в закусочную и напоил отменным кофе. У него слово забрали всю энергию и опустошили.

Кофе немного поправил ситуацию, согрел и взбодрил, отогнал усталость. Не готов он ещё для решения таких вопросов. На что он рассчитывал? Он же ничего ещё не понимает. «Котёночек» — вспомнилась ему Бекки. Нужно будет обо всём рассказать Йовану. Но когда на работе станет поспокойнее. А пока лучше всё это поместить в самый дальний ящик кладовки внутри его подсознания. Ещё дальше памяти о родителях, войны и того, что было после.

Остаток смены они посвятили просмотру мультиков. Йован вернулся днем, снова

выжатый, как лимон. Втроём они заперлись в одном из кабинетов, Йован неспешно пил чай из пластикового стакана, закусывая его печеньем. Франка давно не было видно.

— Ладно, расклад такой. Что-то происходит неприятное. Я снова был внизу, но никому об этом не слова, там обстановка нервная. Нам нужны зацепки, если есть идеи — я готов их выслушать.

— Что с больницей? — сухо спросил Крис.

— Расследование идёт. Самый загадочный персонаж — Дэван Ламбрете. Числится в списке пропавших без вести. Его тело так и не нашли. А должны были. Не мог он сам встать и покинуть больницу, так как был заядлым коматозником. Думаю, кто-то нехороший надел его тело, как рубашку, отсюда и инцидент. Вот фотография этого типа. Обычный парень. В культурах не состоял, просто не повезло — авария. Лакомый кусочек для демонов и прочей бестелесной херни. Многообещающая линия расследования, только вот парень растворился в городе. У нас непривычно тихо, если вы заметили.

Размышления и осмотр фотографии прервал телефонный звонок. Йован долго вслушивался в телефон. С каждой секундой на его лице все сильнее расцветала злобная улыбка.

— Ну, наконец-то! — Йован развеселился. — Отвлечёмся. Инцидент в клубе Асп. Некая журналистка, Оливия Далмер, со съёмочной группой хотела завалиться с проверкой в местный клуб, проверить чисто ли у них на кухне и не бодяжат ли они алкашку. Только клуб оказался демоническим, и они попали туда прямо в момент разборки и месива. Может и наш парень там засветился. Это будет весело.

— Насколько все плохо? Онлайн трансляция?

Около клуба дежурило несколько машин и суетилась пара экспертов. Йован допытывал одного из них.

— Нет. Все материалы и техника изъяты. Осталось разобраться со свидетелями. Хотите попробовать или нам взять их в оборот?

— Сначала попробуем по-хорошему. Смотри и учись, новичок, — потер руки Йован.

Внутри дешёвого стриптиз-клуба их встретил вычурный красный интерьер. Помещения были разгромлены, на полу застыли несколько луж крови. Трупы уже увезли. Обслуживающий персонал и несколько иностранцев были изрядно напуганы, их допрашивали. Какой-то громила вломился к ним и что-то искал. По фото не опознали. Этим уже занималась другая команда агентов.

Йован расправил плечи, сделал каменное лицо и вошел в одну из приват-комнат. На красном диване, под охраной сидела съёмочная группа и какая-то второсортная и незнакомая журналистка.

— Военная разведка армии США, агент Смит, — козырнул Йован свидетелям.

— Ну, наконец-то! — выдохнула журналистка. — Здесь какой-то беспредел. Нас не выпускают, отобрали телефоны, сделайте что-нибудь!

— Что вы видели? — процедил Йован и уперся строгим взглядом в журналистку.

— Свою Пулитцеровскую премию и настоящий кошмар. Вы знали, что есть люди с суперспособностями? Вы тут поэтому?

— Ответ неверный.

Йован вытащил из кобуры пистолет, снял с предохранителя, приставил его к голове журналистки и замолчал

— Вы не можете! — закричала журналистка.

— Я могу. И сделаю, — отрезал Йован, давая пистолетом ей на голову, заставляя её вжиматься в диван.

Журналисты вдруг поняли, что никакого репортажа им не видать. Они имели значительную силу и могли доставить проблемы любому высокопоставленному человеку в Штатах. Но сейчас речь шла о том, чтобы не уехать отсюда в мешках для трупов. Это было дико, но именно так обстояли дела.

— Оливия, дорогая, — Йован убрал пистолет, опустился на колени и грубо стиснул её руку. — Я знаю, что Вы не глупая женщина и что, если я буду вам лгать, Вы начнете расследование, потому что не сможете успокоиться. Это плохо закончится. Вы видели то, что видели. И я не могу сказать вам больше. Здесь творятся серьёзные дела, которые не могут стать достоянием общественности. Люди, на которых я работаю, не позволят. Речь идет о национальной безопасности. Ваши гражданские права не будут иметь никакого значения. Если Вы начнете творить глупости, Вы умрете. Или окажетесь в Гуантанамо. Станете врагом Соединенных Штатов Америки. У меня развязаны руки. Понимаете о чём я?

— Вы что творите? Вы не можете... — кудахтала шокированная журналистка.

— Вы меня слышали и поняли, я знаю. Вы приехали снимать свой репортаж. Но заведение принадлежало бандитам. Мексиканский картель или байкеры-арийцы, как вам угодно. Как только Вы начали работать, начались разборки и стрельба. Вы чудом выжили. Можете написать об этом статью в своем фейсбуке, получить комментарии поддержки от фанатов и взять перерыв. И больше не посещайте этот город. Никогда. Мы будем наблюдать за вами всеми. Договорились?

— Договорились, — дрожащим голосом ответила она.

Йован был очень собой доволен и совершенно не обращал внимания на осуждающий взгляд Лиама. Он отметил очередную рабочую «победу» праздничной сигаретой, но настроение его быстро улетучилось. В приоритете было другое дело.

— Мда. Пока одни тупики. Посмеялись и хватит. Есть ещё идеи?

— Может, к Татьяне ходим? — спросил скучающий Крис.

Йован закашлялся дымом и посмотрел на него выпученными глазами.

— Ну, приехали. Опять тебя потянуло. Крис, ты же знаешь, как я к этому всему отношусь.

— Дело серьёзное, — на этот раз Крис был готов спорить с братом.

— Да? У нас когда не серьёзно-то было? Чем она поможет? — засмеялся Йован.

— В тот раз неплохо помогла, — Крис злился и напирал.

— Чёрт с тобой, прокатимся, — сплюнул на землю Йован.

Добирались они долго. Йован ехал неспешно, был расслаблен, его лицо украсила загадочная полуулыбка. Несколько раз Лиаму даже показалось, что он тихо напевает себе под нос какую-то мелодию.

Районы становились всё более запущенными, всё больше напоминали гетто. Йован остановил машину у покосившегося древнего домика. По его стенам колосилась живая изгородь, начинавшая свой рост из разломанной беседки. Йован прокашлялся и позвонил в звонок.

Спустя несколько минут дверь открылась и перед ними предстала довольно красивая худая брюнетка ближе к сорока, ярко покрашенная, в смешном домашнем халате и тапочках.

— Явился, — она была не рада визиту и скрестила руки на груди. — То-то я думаю, весь

день спину ломит. Чего хотел?

— Тебя хотел, — нетипичным игривым тоном ответил Йован. — По делу.

— По делу, значит? — ещё немного и одежда Йована бы загорелась от взгляда хозяйки. — А просто так ты к женщине приехать не можешь? И позвонить не можешь. Очень странно, руки и рот, вроде, ещё при тебе.

— Ну, Тань. Не от хорошей жизни приехал. Может,пустишь нас? — залебезил перед ней серб.

— Ну, заходите, раз приехали, — недовольно сказала она и освободила проход.

Внутри дом напоминал скорее резиденцию какого-то цыганского барона. Дорогая мебель из натурального дерева, отполированная до блеска, шикарные восточные ковры, сервант с дорогой посудой, роскошные люстры и даже позолоченные украшения на стенах. Обувь пришлось снять.

Пропустив с недовольным видом Йована, она очень тепло улыбнулась Крису.

— Привет, Крисик. Как дела у тебя?

— Здравствуй, Татьяна. Всё хорошо, — ответил он ей бархатным тоном.

— Решил свой вопрос? — взяла она его под руку.

— Агась, — ещё больше заулыбался Крис.

Лиаму удалось пройти почти до дивана, прежде чем хозяйка дома остановила его и начала внимательно рассматривать с головы до ног.

— Новенького вам дали? — протянула она.

— Агась, — повторил Крис.

— Думаете, дольше чем тот проживёт? — спросила она, не отрывая взгляда, братья деликатно промолчали.

— Дольше, — ответила она сама себе и надолго замолчала.

Лиам застыл в проходе и с удивлением осматривал хозяйку.

— И тебе привет. Не испортили тебя ещё эти дурни? — сказала она, внимательно всматриваясь в Лиаму и чуть наклоняя голову.

— Здравствуйте, — смущенно вырвалось у Лиамы.

— Добрый. Смелый. Сильный. Вот как. Нельзя тебе больше пить и на дряни сидеть. Печень слабая. Чуть не потерялся, но теперь счастливый будешь. Мир и покой будет у тебя, то, что другим ни найти, ни взять, ни выиграть, ни заслужить. Счастливый ты, хоть и похлебаешь горя ещё.

Лиам смерил недоверчивым взглядом хозяйку дома, обошёл её и молча уселся на диван.

— Ну что там у тебя? — гаркнула хозяйка на Йована.

— Паренька одного ищем. Надо глянуть где и что с ним, — Йован протянул фотографию пропавшего пациента.

— И с чего ты решил, что я буду тебе помогать? А? — язвительно спросила она.

— Ну, Тань. Я думал, мы друзья, — извиняющимся тоном ответил серб.

— Друзья?! — если бы Татьяна могла сжечь Йована своим взглядом, от него бы остались одни головёшки. — Странное у тебя понятие о друзьях! Не думаю, что ты вообще понимаешь, что это значит.

— Ну, Тань. Мы почти же земляки. Помоги по-братски.

— Нет, — твердо и холодно ответила она.

Йован нахмурил лоб и развалился на диване.

— Татьяна — ведьма, — обратился он к Лиаму, не сводя глаз с хозяйки. —

Потомственная, с детства в этом котле варится. Орден пытался её завербовать, но не сработались. Татьяна занималась семейным бизнесом: заговоры, привороты, отвороты, проклятья, даже аборт алхимические. Много людей погубила, и хороших, и плохих. Только вот нельзя людей губить, превращать их жизнь в ночной кошмар и влиять на них всякими такими штуками. Запрещено это. Даже за хорошие бабки. Раньше ведьм сжигали заживо, но мы с Татьяной, в память о её былых заслугах, решили всё, так сказать, полюбовно. Я решил.

Лицо колдуньи сначала побелело, потом начало багроветь, её руки сжались в кулаки.

— Знаешь, Тань, — Йован с отвратительным лицом наклонился в её сторону. — Бумаги по твоим ДЕЛАМ всё ещё у меня на столе. Как-то не было все времени избавиться от них ДЕЛА всякие, знаешь ли, отвлекают постоянно! Может быть, если ты нам поможешь разгрести одно ДЕЛЬЦЕ, я и найду время и уничтожу всё лишнее. Пока кто-то из проверяющих не увидел.

— Прокляну, — сквозь зубы прошептала ведьма,

— Ну, прокляни, — со смешком процедил Йован. — Ты посмотри на меня, думаешь, мне мало?

Какое-то время они сверлили друг друга глазами. Ведьма выдохнула и разжала кулаки.

— Хорошо. Но детей я больше смотреть не буду. Лучше убей меня, не могу детей смотреть, — выдохнула она.

— Никаких детей, — безжалостным тоном сказал Йован и снова протянул ей фотографию.

— Холодная, — поглаживая фотографию, произнесла ведьма. — Смерть мистическая какая-то, непонятная. Ты сказал, ищите его? В морге-то смотрели?

— Ищем, ищем. Нет его в морге, поверь мне.

— Понятно, — выдохнула Татьяна. — А я подумала, вы человека ищите. Пойду, инструменты принесу. Чай не буду тебе предлагать.

— А ты чего не посмотришь сам? — вдруг спросила она Лиама. — А. Не умеешь. И боишься. И правильно, не надо тебе туда. Мне не сорок, мне двадцать восемь в этом году исполнилось.

Татьяна ушла в глубину дома и быстро вернулась, неся в руке потертую кожаную сумку. Вскоре по всей комнате разнесся тяжелый и удушающий дымок от ароматических палочек и подожжённых веток травы, на полу разместилась расписанная чаща с водой. Ведьма, опустилась на колени, разожгла переплетенье чёрных свеч, порезала палец и капнула кровью в воду. Затем она села в своё кресло и, ритмично раскачиваясь, задышала. Снова эти два вдоха и выдох со звуком «ха». Её лёгкие работали как меха, взгляд стал рассредоточенным, тело то напрягалось, то расслаблялось. Глядя на ритуал, Лиам сам начал «плыть».

Ведьма взяла со столешницы фотографию и, не смотря на нее, начала мять, так же покачиваясь из стороны в сторону.

— Мужчина, есть семья, — её голос стал хриплым и искаженным. — Один, как в тюрьме. Болеет, что ли? Тело переломано всё, как со стороны смотрит. Очень плохо. Не может выйти, не умер, что ли? Не понятно, будто между жизнью и смертью. Застыл. Много страха, много злобы. Отчаянье... И что-то ещё есть рядом с ним. На потолке и на стенах. Чёрное пятно. Не понятно. Какие-то тёмные образы идут, мешанина какая-то мерзкая. Холодно очень. Всё, не хочу смотреть.

На лице ведьмы проступила гримаса отвращения и страха, всю её ломало, она тяжело

дышала. Её разобрал настолько страшный кашель, что Лиам напрягся — это было похоже на приступ, и он был в шаге от того, чтобы начать набирать девять-один-один. Йован и Крис спокойно наблюдали за происходящим.

— Воды... Воды принеси, Крис, — прошептала ведьма.

Пока она пила, её руки тряслись, и содержимое стакана расплескалось по одежде и креслу. Напившись, обессиленная колдунья надолго осела в кресле и замолчала.

— Хоть не дети, — подвела она итог, достала из кармана пачку сигарет и нервно закурила.

Братья сохраняли спокойствие и выжидали, а Лиам... Лиам снова был удивлён.

— Сейчас попробуем по-другому посмотреть, — расправившись с сигаретой, она взяла из сумки странную старую колоду разрисованных карт и какое-то время выкладывала непонятный Лиаму пасьянс и ещё дольше изучала его.

— Херня какая-то, — колдунья была озадачена. — Ну, муть! Ты как всегда, Йован! Хорошо хоть не с триппером приехал. Ладно. Деда позову. Пускай посмотрит и мне скажет. Сама не буду больше смотреть.

Колдунья снова зажгла ветки и свечи, окурила комнату и опустилась на колени. Её руки водили свечой по воздуху, воск стекал на дорогой паркет. Губы быстро шептали. Несколько минут она сидела молча, смотря в пустоту и изредка покачивая головой, будто разговаривала с кем-то без слов.

— Двое их, — начала она. — Тот, который на фото — умер. А есть другой, не человек. Ребёнка показывает. Как младенец, что ли. Родители стоят, не могу разглядеть. Слышу, как голос: «Плохой ребенок. Неправильный. Не нужен такой.» Мрази какие-то. Дальше ребенок в пещере какой-то. Или что это? Темно очень, холодно. Умирать оставили. Не умер. Много времени проходит. Как спит, что ли, не могу понять. Просыпается? Слышу человеческие голоса, хор прямо, отовсюду. Постоянно меняется, разные языки. Кричат, даже поют, смех слышу. Вот! А теперь взрывы, стрельба, крики. Всё, опять муть пошла... Фёдор, ты мне нормально покажи! Не понимаю я...

Ведьма снова надолго замолчала, внимательно слушая невидимого собеседника.

— На тебя показывает, — сказала она Лиаму. — По линии крови что-то. С тобой как-то связано. И потом этого, на фото. Чёрный. Как подселился, что ли. К этому, который умер. Подселенец, но не демон. Не лярва. Сильнее намного. И не ангел. Не знаю, что такое. Это выше, чем я могу понять. Дед говорит, не лезь. Говорит вам: «Уходите! Там, где крови много пролилось недавно, найдёте.»

— Точно! — воскликнул Йован. — Старый завод, ритуал тот жуткий. Как мы сами-то не допёрли? Наблюдение оттуда сняли давно.

Татьяна ещё немного «пообщалась» и, истощённая, встала с колен и снова упала в кресло.

— Всё не могу. Тошнит.

— Тань. Ну, ты монстр! Отдел наш по этой части до сих пор молчит и ничего толкового не выдал. Спасибо огромное. Наш вопрос решён, однозначно. Даже не вспоминай. Всё давай, пока, надо лететь.

— Ага, — устало зевая, ответила она. — Ты бы хоть позвонил как-нибудь.

— Как-нибудь, может, и позвоню, — ответил Йован своим нелепым игривым тоном.

Медитация VI. Очищение

Ночная смена в приёмном покое проходила спокойно. Ножевое ранение, лёгкое ДТП с пострадавшей женатой парой, роженица и аппендицит у слишком занятого, чтобы вовремя показаться врачу, менеджера среднего звена.

Медсестра Ариадна Нойон имела редкую возможность внимательно понаблюдать за работой ординаторов и немного подучиться. Она очень хотела стать хирургом, и впереди предстоял огромный путь. В программу брали далеко не всех, и нужно было проявлять себя.

Но в эту спокойную смену ей было беспокойно. Она никак не могла сосредоточиться. Ощущение тяжести и тревоги висело в воздухе, но никто, кроме неё, этого не замечал. В больнице было тихо. Даже слишком.

Не отрываясь, она несколько минут смотрела в окно. Может быть, собирается гроза и это реакция на погоду. Такое с ней бывало.

Или дело в её брате. Последнее время она часто о нём волновалась и думала. Он бросил колледж и вернулся домой совсем другим. Замкнутым, неразговорчивым, чужим. Не таким, как был два года назад. Что-то случилось с ним там.

И он не говорил что. А ведь они всегда были очень близки и могли открыть друг другу самое сокровенное. Даже когда они повзрослели, это не поменялось. Он жаловался ей на своих непутёвых девушек, а она делилась мечтами. Ей было тяжело отпустить брата. Им пришлось разъехаться, чтобы учиться.

Три недели назад он поссорился с родителями и ушёл. Где он, и что с ним, они не знали. Ариадна волновалась. Или он остановился у своих друзей, или передумал и вернулся на учебу. Ариадна изнывала от желания поговорить с ним, накричать и обнять.

Но было что-то ещё. Что-то происходило прямо сейчас в городе. Она чувствовала это каждой клеточкой своего тела и каждым волоском на своей коже. Тревога и страх только усиливались.

Ариадна ждала катастрофы. Новый стрелок в школе, столкновение с автобусом, кораблекрушение, пожар... Вот-вот новостные каналы взорвутся, в отделении начнётся подготовка и одного за другим сюда повезут пострадавших. Иногда её предчувствия становились реальностью, и от этого было ещё больше не по себе.

С детства у неё был дар интуиции. Может, благодаря этому дару, она всегда избегала неприятностей и даже спасла несколько жизней на улице.

А может дело в городе. С тех пор, как Ариадна сюда переехала, она стала более нервной и раздражительной. Что-то с этим городом было не так. Тяжелая атмосфера. Ариадна всегда считала, что дело в ритме жизни, пространствах и количестве людей вокруг. Теперь она живет в большом городе и нужно просто привыкнуть.

Отвлечься не получалось. Старшая сестра приказала ей засунуть свои переживания поглубже в задницу, наслаждаться редкой, спокойной ночью и не сглазить работу хирургического отделения. Она обошла больных по третьему кругу, проверила их дозировки и назначения, выпила второй кофе за час, посмотрела серию Симпсонов на большом телевизоре, поиграла с маленьким Заком, восстанавливающимся после серьезного перелома и даже проведала родильное отделение — посмотрела на деток. Последнее всегда её успокаивало.

Похожее чувство она испытывала утром перед страшным пожаром из-за кислородной

фабрики в госпитале Святого Петра. Трагедия, после которой город ещё не пришел в себя. Тогда погибли её знакомые из скорой и терапии. Она так и не смогла заставить себя прийти на их похороны.

— Вы в порядке? — обратился к ней босоногий бездомный.

— Да, простите, — она потеряла глаза, оглядывая грязноватого для их отделения пришельца. — У Вас что-то случилось? Позвать доктора?

— Нет, со мной всё в порядке, спасибо за беспокойство. Я помог добраться сюда беременной женщине и просто хотел узнать как она.

— Ой. Это были Вы! Спасибо Вам. С ней и с ребёнком всё хорошо. Здоровый мальчик, родился час назад, — широко улыбнулась ему Ариадна.

— Вот и славно, — тепло улыбнулся в ответ бездомный.

— А что с Вашей обувью? Хотите, я поищу что-нибудь? В коробке оставленных вещей может что-то найтись. Или зайду в бесплатное отделение, там могло что-то остаться от благотворителей

— Ой, нет, не стоит. Мне и так хорошо, — по-доброму отмахнулся бродяга.

— Может, кофе хотите или перекусить? — Ариадне очень хотелось поблагодарить отзывчивого человека.

— Спасибо, откажусь. Мне пора идти дальше. А Вы не волнуйтесь. У Вас всё будет хорошо, — сказал он и странно на неё посмотрел.

Бездомный улыбнулся ей напоследок и энергично зашагал прочь. Ариадна осталась в лёгком недоумении, но в больнице чего только не насмотришься. Приятное случается редко. Скорей бы эта смена и ночь закончились.

— Всё готово, Учитель, — молодой последователь культа склонил голову перед своим лидером.

Лидер культа стоял у зеркала и пытался расправить складки на своём расписном балахоне. От голоса прислужника он вздрогнул и раздражённо отбросил своё занятие.

Важный день. Наконец-то всё было готово. Заброшенная с начала двухтысячных, тюрьма общего режима "Шелберн", стала идеальным и тихим местом для апогея и истинной цели их Служения. Вдали от города и любопытных глаз это место впитало в себя страдания и боль тысяч людей. Чудовищная тёмная энергетика.

На них охотились могущественные силы. Но даже они не смогли раскрыть замысел и помешать довести его до логического завершения. Весь их план мог рухнуть из-за глупости одного человека. Но Отец хранил их.

Скоро Он вырвется из своего заточения, и они займут свои места подле Него. В новом, замечательном мире.

— Уверен, Джеймс? — язвительно прикрикнул на прислужника лидер. — Тела больше не выпадали из твоей машины? Ты больше ничего тупого не делал?

— Я уверен, сэр! Это не повторится. Мне очень стыдно... В этот раз никаких затруднений, — опустил голову прислужник.

— Конечно, тебе стыдно! Полиция или федералы могли выйти на наш след. Молись, чтобы наш Господин был не в курсе твоих оплошностей. И предстал перед нами в хорошем настроении. Он будет судить каждого из нас, и каждому из нас он воздаст по заслугам. Всё, уйди с глаз моих до конца церемонии!

Прислужник опустил глаза и метнулся прочь. Лидер вернулся к зеркалу. Скорей бы

пережить эту ночь. Какая сложная и хрупкая задумка. Но нельзя отступать и быть слабым. Первая попытка призвать Отца оказалась неудачной. Они так старались, но этого оказалось недостаточно, чтобы пробить брешь между мирами. Вся кровь, приносимая в жертву, должна быть свежей. Только так. Всё висело на волоске, и судьба вряд ли предоставит им ещё один шанс. Сегодня тот самый день. Скоро весь мир узнает кто они, и склонится на колени перед Отцом.

— В этот раз все получится, — кивнул лидер своему отражению в зеркале.

— Ну что, Джон? Ты готов? Тебя ждём, — раздался сзади знакомый голос.

Правая рука лидера, немолодой Джошуа, как всегда был собран и сосредоточен. Джон посмотрел на него, как на сына, которого взрастил среди испытаний и невзгод, отринутого обществом и еще недавно пребывавшего на самом его дне. Но теперь Джошуа, как и их отец возвысился и внушал гордость.

— Да. Я готов. Уверен, что внизу все в порядке? — спросил его лидер.

— Да, Джон. Я всё проверил на десять раз. Мы готовы. Печать начерчена верно. Сутки и час подобраны идеально. Это — то самое место. Последователи собрались. Дело осталось за тобой.

— Уверен, что они смогут сделать, то, что от них требуется? — Джон поправил галстук и вопросительно посмотрел на Джошуа.

— В прошлый раз же сделали. Я сам их готовил и проверял. Они готовы и всё понимают. Если что-то пойдёт не так, у меня остались люди наготове. Они помогут тем, кто будет сомневаться. И сами совершат необходимое, если энергии не хватит. Я обо всём позаботился, Джон. Дело за тобой. Ты должен прочесть текст правильно и без ошибок. Третьей попытки может и не быть.

На секунду Джон скривился, вспоминая их недавнюю неудачу. Старый автомобильный завод не место для возвращения их Господина. Но теперь пазл должен сойтись.

— Давай сделаем это, брат! Я готов. Я чувствую, что сегодня всё получится. Представь, что мы сможем сделать завтра! — глаза лидера горели, он благодарил Отца за Джошуа.

— Да коснётся тебя Его Длань. Ты великий человек, Джон. Всегда помни это. Мы изменим всё, — Джошуа обнял его, как обнимал отца, и они вышли к своим последователям.

Толпа встретила их овациями и одобрительным гулом. В воздухе повисло напряжение.

— Братья! Сестры! Мы дожили!

Джон почти кричал. Он старался, чтобы вся его вера, все его чувства, прошли сквозь каждое брэнное тело и передались каждому юному сердцу внизу. Сила Отца наполняла его, и он делился ей с каждым страждущим коснуться великого и стать чем-то большим.

— Сегодня мы, все вместе, приведем в этот мир нашего Отца! Его предали и он долго ждал, чтобы его освободили. И эта ноша лежит на наших с вами плечах. Сегодня день, когда он проверит нас и воздаст нам за все наши деяния! Будьте смелы! Не сомневайтесь! Верьте. И вам воздастся! Сегодня вы умрете, но будете жить снова! Больше не будет боли, не будет страха. Никто не сможет больше втоптать вас в грязь и говорить вам, что делать. Вы освободитесь от всего лишнего. Да коснется вас Его Длань и укажет путь в темноте. Я объявляю десятиминутную готовность. Выпейте, покурите и собирайтесь для последнего служения.

Последователи ответили ему радостными и почти звериными криками. Джошуа не подвёл и в этот раз. Ему удалось усовершенствовать древний рецепт ритуального снадобья и смешать травы и грибы с современными наркотиками. Толпа внизу в исступлении и готова

принести свою жертву.

Джон ещё раз прошелся по верхнему этажу, рассматривая сверху сложный рисунок и копошащихся внизу людей. Он молился, прокручивал в голове слова и пытался унять дрожь в руках и голосе.

И наконец, он начал. Мёртвый язык разнёсся по самым дальним уголкам центрального блока тюрьмы "Шелберн". Каждое последующее слово давалось всё тяжелее. Невероятная энергия пронизывала, сковывала мышцы и сводила челюсть. Только бы его хватило выполнить свою часть.

В глазах темнело. Внизу десятки обезумевших людей, что есть силы, били себя обсидиановыми ножами в горло и грудь, падали на пол, кричали и хрипели.

Его почти снесло порывом ветра, ворвавшимся в здание. В воздухе запахло дождём и озоном. Росчерки молний и электрического света запольхали над потолком. Пол центрального зала дрогнул и начал расходиться трещиной. Густая масса крови и тел пришла в движение и устремилась к центру трещины. Отец явился.

— Ты прекрасен, — зарыдал рядом Джошуа.

Джон закончил читать. Слабость ушла, как только с его уст сорвались последние слова. Из самых глубин преисподней к нему шёл его Великий Отец. Вот показалась его уродливая гигантская непропорциональная пасть. Медленно она поднималась и опускалась, поглощая дар крови и тел. Тысячи глаз древнего демона смотрели в самую глубину души Джона. Он сделал это. Он привел Отца в этот несправедливый мир. Страх и невероятная красота поглощали полностью, не давая двинуться с места.

— Кто ты такой? — вскрикнул Джошуа у него за спиной.

Джон обернулся и увидел странного скрюченного, худого человека, одетого в перепачканную больничную пижаму. Холодные глаза, не способные моргать, смотрели сквозь них и будто не замечали чуда.

— Холодно, — произнес человек и схватил за плечо Джошуа.

Джошуа хотел ударить наглеца, но вдруг обмяк, пошатнулся и упал, прямо в объятия к Отцу.

— Кто ты такой?! Не трожь меня! — закричал лидер.

— Холодно, — произнес человек и коснулся Джона.

Ангел снова опоздал. Слишком долго он добирался сюда, пользуясь возможностями слабого смертного тела. Сверхновая, осветившая лес, уже угасала. Жгуты фиолетовой, алой и чёрной энергии, растянувшиеся на километры вокруг, теперь распадались на причудливые снежинки, поднимались и бесследно истлевали.

Что за страшное действие произошло тут? Космический холод заставил ангела поёжиться, но он нашел в себе силы сделать шаг и войти.

Чем дальше ангел заходил в этот заброшенный чертог, тем темнее становилось вокруг. Темнота и холод, невидимые смертным, осквернили стены, сделали их непроглядными и глухими для взора ангела. Каждый шаг давался тяжело, словно бы тысячи рук торчали из этих стен и пытались затянуть ангела в холодную, могильную трясиину.

Впереди повеяло угасающим жаром. Его враг уже заканчивал свою трапезу посреди зала из серого камня. Ангел скривился от отвращения, смерив взглядом нажравшегося, плотоядного выродка и останки его исполинской жертвы. Брешь между мирами затягивалась сама собой. Что ж, одной древней жабой меньше. И меньше придётся марать руки. Нужно

восстановить порядок и идти дальше.

Сотканные из нитей ярчайшего света, расцвели его неосязаемые крылья.

— Узри Его огонь! — словно гром, раздалось слова ангела, и всё вокруг захватил пожар.

Тела неверных и их нечестивая кровь мгновенно испарились. Бетон стал краснеть, белеть и трескаться. Темные паутинки на стенах заискрились, истончались и в панике пытались скрыться от нестерпимого жара.

Силы божественного огня было недостаточно, чтобы убить окрепшее создание тьмы, только что поглотившее демона, рождённого в соизмеримом жаре.

— Пока можешь, убирайся, откуда пришёл! — прогремел ангел и от его голоса стены треснули.

Его руки сплели заострённый сгусток света, и ангел бросился в атаку. Только это заставило выродка обратить на него внимание и вступить в битву.

От мощи их ударов стены и колонны пришли в движение, арматура гнулась, словно была сделана из пластилина. Ещё немного, и всё здание рухнет.

Сераф ещё не сталкивался с таким противником. Истинная сила его была запечатана, мир смертных был слишком хрупок, чтоб являть её. В танце жара и холода он наносил противнику рану за раной, но разрушитель не слабел.

Куда ангелу тягаться с богом, пусть и молодым. Силы были не равны. После боя с громадным демоном тело Дэвана изменилось. На долю секунды голова его разорвалась, обнажив искажённую, изломанную пасть, ранее принадлежащую демону, и в этой пасти исчезла большая часть крыла ангела. Сераф отшатнулся и не мог поверить в свой проигрыш. Тысячи когтей и толстых чешуйчатых лап вышли из тела Дэвана и разорвали ангела в клочья.

Раздался взрыв. Последние стены смело взрывной волной, основной блок тюрьмы "Шелберн" рассыпался, словно карточный домик.

Прошло совсем немного времени, прежде чем тело Дэвана нашло путь наружу. Страшные раны, обнажившие органы и кости его человеческой формы, затягивались на глазах. Вместе с ранами в глубину его тела ушла и новая конечность, тянувшаяся из спины. Жуткий и длинный гибрид руки человека и крыла ангела. Древний бог просыпался и набирал свою силу, чтобы поглотить весь этот мир.

Запах крови был всё ещё силен здесь. Тело Дэвана стояло посреди заброшенного автомобильного завода. Десятки угасающих внутри него светлячков тянуло сюда. Сюда же рвалась и огромная агонизирующая внутри него тварь, которую он поглотил. Её жаром он теперь согревался.

Кровь. Она имела свою силу. Словно маяк во тьме. Почти век назад эта сила вырывала его из бесконечного сна. Тогда её было значительно больше. Так много, что она почти смогла пробить брешь в его тёмную и холодную тюрьму.

Пробуждение было мучительным. Тёмное пространство, в которое он был помещён очень давно, хотело поглотить его. Забрать жалкие остатки его жизненной силы, выпить до капли и растворить во мраке. Мир, где нет тепла, звука и света не мог быть приятным и желанным местом. Тогда он был слаб и смог бодрствовать совсем недолго. Было очень холодно и постоянно больно.

Смертные тысячи лет пели ему колыбельные издалека. И он впитывал их, потому что ничего больше в пустоте не было. И благодаря им он нашёл лазейку.

Теперь у него было тело. Способное чувствовать, ходить, дышать, двигаться. Теперь у

него был новый дом. Дом, который только ещё предстояло познать. Но ему всё ещё было холодно. И внутри него всё ещё было слишком много темноты. Где-то совсем рядом, в пустоте, словно огромный морской хищник, кружила его тюрьма и хотела снова поглотить его.

В этом теле мысли текут так медленно. Можно думать, только про один предмет за раз. То, что было Дэваном, не могло в полной мере осознать свою природу и принять свою историю. Вокруг было слишком много всего. Часть, оставшаяся от души Дэвана, узнавала вещи и предметы, которые попадались на пути, но весь этот пазл понятнее не становился.

Вокруг ощущалось тепло, но не от крови и места силы. От живых созданий, что вдруг окружили его и встали пред ним на колени.

— Привет, старый друг. Наконец-то ты выбрался из своей ямы. Мы ждали тебя, — сказала живое существо, бывшее одновременно и зверем, и человеком.

Тело Дэвана развернулось к нему и снова приготовилось драться. Краснокожий получеловек был стар, но от него веяло силой. Силой в миллион раз меньшей, чем была у тела Дэвана. Но такой теплой и притягательной.

То, что было Дэваном, могло поглотить десятки живых созданий, что окружили его, испить их тепло и сделать частью себя. Но странное чувство внутри не давало этого сделать. В них не было угрозы.

— Кто... вы?

Тем, что называлось голосом, было тяжело и непривычно управлять. Каждый звук, порождаемый телом Дэвана, сопровождался болью и хрипом. Внутри него что-то рвалось тонкими трещинами и бесконечно зарастало. Он был полон жидкости, мешавшей нормально помещать в себя атмосферу этого мира и рождать слова с помощью «голоса». Неужели жизненный цикл этих созданий так мучителен?

— Я Настас, — ответил старик. — Когда мне было тяжело, ты был со мной и говорил со мной. Ты позвал меня.

— Я... не звал... вас, — прохрипело тело Дэвана.

Тепло старика казалось знакомым. Из обрывков пустоты сложился образ: волк умирает под дождем во вспышках света и грохоте. На расстоянии вытянутой руки. Дождь? Волк? Что это?

— Ты... тоже был в темноте... как холодно...

То, что называлось воспоминаниями, закрутилось в черепной коробке Дэвана. Его тело пошатнулось и упало на колени.

— Здесь снова боль... — прохрипело оно.

— Да, — ответил старик. — Ты привыкнешь к ней.

— Сколько раз ты рождался тут? — спросило тело Дэвана, пытаясь разобраться в потоке видений и чувств.

— Я не знаю, — тихо ответил старик.

— Сколько раз... ты умер тут?..

— Я не знаю.

— Много... как жестоко... столько боли... так холодно... Тот, кто разлетелся на куски и стал всем... Тобой, мной, ими... зачем он поступил так?.. почему оставил нас в темноте?

— Я не знаю, господин. Я лишь слышал твои песни издалека.

— Это неправильно... колесо крутится... его нужно остановить... я остановлю колесо... хватит...

Тело Дэвана перестало дрожать и поднялось с колен. Всё, что было внутри него, наконец, соединилось.

— Дитя, — оно подошло к старику и положило руку ему на сердце. — Прозри. Вспомни.

Старик упал навзничь, ударился головой, захрипел и закричал. Весь его путь пронёсся перед его глазами. Он был частью звезды, камнем, травинкой, деревом, мышью, забавным зверьком, человеком, медведем, снова человеком. Он распадался в пыль, усыхал, горел в пламени. Его рвали дикие звери, пытали и казнили люди, он голодал, на него охотились и бросали больного. Он закапывал в землю и сжигал своих детей и любимых. Его терзали и предавали. И сам он делал страшное. Снова и снова. И вот теперь он делил свое тело с зверем. Но зачем?

— Я... остановил твое колесо. Ты пойдешь со мной.

Только сверхъестественное здоровье старика уберегло его от разрыва сердца в тот момент. Настас пришёл в сознание, его скрутило в рыданиях, он долго барахтался в пыли и грязи. Наполненный болью и бессилием, как когда-то барахталось и то, что стало Дэваном. И та, часть Дэвана, что осталась с ним.

— Теперь ты помнишь... кто еще пойдёт со мной?.. — прохрипело тело Дэвана.

Полузвери, люди и демоны были охвачены ужасом. Никогда они ещё не были так близки к богу. Им хотелось убежать или упасть на колени. Они испытывали великий страх перед тем что было за гранью. Пока первый из них, молодой юноша, рано оставшийся сиротой, не набрался смелости, и не сделал шаг вперёд. Тело Дэвана положило ему руку на сердце и остановило его колесо...

Медитация VII. Пустота

— Территория окружена. На всякий случай произвели эвакуацию в двух километрах вокруг, — командир штурмовой группы нервно перебирал во рту зубочистку и бросал недобрые взгляды в сторону заброшенного завода. — Пока все тихо, движений нет. Цель, точно, внутри?

— Разведка подтвердила. Начинаем через десять минут. Входим четырьмя группами, производим разведку. Резерв и тяжёлое вооружение наготове. Действуем осторожно, стреляем на поражение, если усилия будут не эффективны — прикрываем друг друга и отходим, — Йован был на удивление деятельным, собранным и даже весёлым.

— Принято. Что там с "Шелберн"? Группы выехали?

— Да, они уже на месте. Там спокойно. Ведётся расследование. То, что там случилось, уже закончилось. Поддержка не требуется. Капитан, хотите внести корректировки в план действий?

— Нет, меня всё устраивает, — сурово отрезал капитан.

По какой-то причине старших агентов не поставили во главе их операции, что давало Йовану возможность проявить себя. Йован пил уже прохладный кофе, пытаясь разобраться в запутанных планах старого завода и совместить их с тем, что он представлял собой в наше время. Наконец, он решился и снова собрал всех.

— Итак, мы начинаем. Наша цель выглядит, как человек. Вот фотография. Предположительно, виновник последних инцидентов. Предположительно, носитель неустановленной сущности. Задача — обнаружить и устранить. Стреляем на поражение. Первые две группы войдут через центральный КПП и осмотрят покрасочный цех и склад. Третья и четвертая осмотрят сборочные цеха и администрацию. Экспериментальный отряд, без обид, парни, я понятия не имею, на что вы способны, поэтому вы в резерве. Если что-то пойдёт не по плану, разрешаю вам действовать по обстановке и не ждать приказов. Резервные группы будут наготове. Вопросы?

Франк показал Йован средний палец и побрёл в машину к своему командиру. Все разошлись, и Йован начал натягивать на себя снаряжение.

— Мы пойдём после первой группы, мне надо видеть, что там происходит. Прикрывайте меня, возьмём еще пару штурмовиков. И как мы сразу не прочухали, что ритуал повторится. Даю зуб, в Шелберне они пытались повернуть то же дерьмо. Вот только почему всё случилось в Святом Петре мне не ясно.

— Может, мне взять винтовку и занять позицию на той крыше? — спросил его Лиам.

— Ага, шас. Всё интересное будет внутри. Не факт, что цель покинет здание. Будешь в составе штурмовой группы.

— Так точно.

Лиам вооружился карабином. Хотелось бы ещё раз опробовать свою винтовку. Он назвал её Айдой. В память о старой подруге, сильной и отважной женщине, которая всё-таки не смогла вынести смерти мужа. Последние приготовления были позади, и они начали зачищать здание.

— Пока все чисто, — сквозь незначительные помехи услышал Лиам в наушнике.

— У нас так же. Продвигаемся, — тихо проговорил Йован.

Прикрывая друг друга, их группа обследовала помещения. Они двигались медленно и

осторожно, стараясь не задеть ногами строительный мусор и не производить никакого шума.

— Следы, не знаю, чьи. Много. Тут собирается молодежь или бездомные? — глаза Лиам внимательно изучали поверхность пола.

— Возможно, цель не одна, — донёс до остальных через микрофон Йован и стрельнул на Лиам сосредоточенным взглядом.

— Гражданские тут вряд ли остались, с таким-то соседом.

— Вход в цех, открытая территория, внимание, — произнес ведущий штурмовик.

Группа расположилась по сторонам от двери, один из солдат резко рванул вперед и толкнул дверь ногой.

— Контакт! — успел расслышать Лиам.

В наушниках и впереди него послышался только треск длинной автоматной очереди. Лиам упер винтовку в плечо, упёрся взглядом в коллиматорный прицел и вошёл.

— Цель поражена, — отрапортовал штурмовик и, стоя на коленях, поменял обойму.

Метрах в двадцати от входа на спине лежал человек. Лиам смог разглядеть только босые ноги и обрывки окровавленной больничной сорочки.

— Бездомный? — спросил второй штурмовик.

— Нет, определённо цель, — ответил Йован, и снова поднял оружие.

Фигура неуклюже поднималась на ноги. Второй штурмовик сорвался с места, разорвал дистанцию и выпустил в неё очередь из автоматического дробовика. От попаданий противник задёргался, словно марионетка, и осел на колени.

— Понятно. Огонь, — сухо приказал Йован.

В сторону фигуры полетел град пуль. Не все они попадали в цель. Часть пуль уходила в стены и пол, отрывая от них куски и поднимая в воздух столпы пыли. Лиам стрелял прицельно в голову, одиночными выстрелами, стараясь не промахиваться.

— Хватит, — прозвучал у него в голове чужой нечеловеческий голос.

Пули, летящие в воздухе, вдруг стали видны, словно их подменили на трассирующие. В нескольких сантиметрах от мишени они полностью выгорали или взрывались, как бенгальские огни. В груди Лиам вдруг стало тепло. Секунда и тепло сменилось на жар и нестерпимую боль, словно его сердце жгли раскалённым железом. На секунду в глазах потемнело, и он оглох. Ноги больше не держали, Лиам упал на корточки и пытался продолжить стрелять.

Это происходило не только с ним. Плотность огня ощутимо спала, цель медленно распрямилась в полный рост. Голова Лиам налилась свинцом, подбородок так и хотел коснуться груди, руки ослабли. Но Лиам держал оружие и смотрел прямо перед собой. Человек был худым и измождённым, его обтягивала кожа, синюшные губы и тёмные круги под глазами сделали его лицо похожим на череп. Дэван Ламбрете. Почему он не умирает?

Неустойчивой походкой Дэван доковылял до ближайшего солдата и ударил его наотмашь. Сила была таковой, что штурмовик взлетел вверх и в сторону.

— Хватит, — повторил голос в голове Лиам.

Словно под действием огромного магнита, его оружие потяжелело, вырвалось и притянулось к полу. Непослушными, вибрирующими от дрожи руками, Лиам потянулся к поясу за пистолетом.

— Отступаем, — протянул Йован ватным голосом.

Встать было слишком сложно. Лиам попытался ползти, но сила, давившая сверху, всё увеличивалась и ощущалась уже огромной глыбой, придавшей к земле и не дающей дышать.

Снова слышались выстрелы и крики. Штурмовые группы врывались в помещение, вступали в бой и так же оказывались на земле. Выстрелы и очереди становились всё реже, сменялись на приглушённые удары, крики и выдохи. И затем всё стихло.

Но ненадолго. Тишину разорвали чёткие и громкие хлопки. По звуку было похоже на работу небольшой пушки или орудия. Неожиданно давление исчезло.

Цель снова была на земле и не шевелилась. По всему помещению были разбросаны члены штурмовых групп. Часть из них была растерзана, часть жива. Потрёпанные солдаты потихоньку начинали подниматься на ноги.

— Телекинетический щит, — прозвучал у него в наушнике полужнакомый грубый голос. — Не смог остановить пули большого калибра.

— Не думал, что буду рад тебя слышать, Вольк, — донёсся в ушах противный голос Франка. — Мы заходим. Из чего ты его накрыл?

— Двенадцать и семь, утяжелённые импульсные пули. Не стоило вам вот так бросаться на телекинетика.

— Да кто ж знал, — ответил Йован слабым голосом.

— *Шайсе!* Назад! — крикнул в наушники Вольк.

Откуда-то с высоты снова заработала крупнокалиберная снайперская винтовка. Цель снова поднималась. В нескольких сантиметрах от туловища здоровенные пули замедлялись, меняли траекторию и уходили в сторону. Вырванные куски мяса от выстрелов зарастали прямо на глазах, ручейки крови всасывались обратно. Да что это за тварь такая?

Уже давно пора было бежать. Враг больше не был медлительным и рванул в атаку, развив скорость, которую человеческие глаза уже не улавливали. Началась бойня. Враг атаковал беспорядочно, расшвыривая и живых, и мертвых. Те, кто ещё мог, отвечал огнём, но попасть было невозможно. Лиам поднялся, и попытался покинуть здание, подталкивая шатающегося Йована в спину.

В коридоре их было четверо, первый штурмовик тоже выбрался. Йован отстал, осел у стены и слабым голосом произнес в рацию.

— Это Йован... Агент Йован... наше оружие не эффективно... цель сформировала телекинетический щит. Прошу разрешение на применение спецсредства.

— Применение спецсредства разрешено, — после полуминутной паузы ответил ему спокойный женский голос. — К вам выслана группа магической поддержки и старшие агенты. Резерв в целях безопасности отведён. По возможности минимизируйте потери.

— Понял. Сейчас я оторву башку этому ублюдку! — прорычал Йован.

Из глубины разгрузки он извлёк предмет, похожий на небольшую глиняную фляжку, украшенную оккультными символами.

— Агент Йован! Вы превратите одну проблему в две! — прокричал ему солдат.

— Спокойно. Я уже это делал. Всё будет нормально, — отмахнулся от него Йован, и повернулся к Лиаму. — Малой, держись подальше. И дождитесь контрмагов. Только они смогут меня вернуть. И ты Крис, сам не лезь, ты знаешь, что будет. Пройду курс от одержимости, и всё будет нормально. Если на вас рыпнусь, пристрели меня, Лиам. Брат не сможет.

Йован отвернул небольшую пробку. Из сосуда потянуло густым дымком, который устремился к его лицу.

— Ну всё. Жри меня, мразь, — закричал серб.

Дымок втянулся ему в ноздри и рот. Йован осторожно передал сосуд с пробкой

Кристиану. Спустя пару секунд глаза его потемнели, и серб зашёлся конвульсиями, словно тонул. Лиам отпрянул назад. Скрюченного серба, оторвало от земли, притянуло к стене, упёрло в потолок и потащило в сторону дверей в цех.

— Какого хера? — закричал Лиам.

— Спокойно, — осадил его Крис. — Внутри брата демон. Он всё сделает. Не вмешивайся и держись подальше.

Лиам не смог удержаться и, под осуждающим взглядом Криса, пополз к дверям.

Бой всё ещё кипел и перешёл в неожиданную фазу. Франк и Штрасс вооружённые чудным оружием, напоминающим громадные алебарды, по очереди пытались рубануть противника. Их движения были стремительными, но враг был быстрее. От его оплеух они разлетались в разные стороны, быстро поднимались на ноги и пробовали снова. Одержимый Йован, с головой, повернутой на сто восемьдесят градусов и вывернутыми за спиной руками и ногами, полз по потолку, словно паук, выбирая момент для удара. Вольк покинул позицию и, сжимая огромный нож, невидимой тенью подбирался ближе для отчаянной атаки.

Он неподвижно замер, вжимаясь в кучу мусора на уровне пола, прямо посреди схватки. Дождался момента, пока враг пронесется рядом, вытянул руку и крепко схватил противника за лодыжку. Одержимый даже и не заметил крысы, вцепившейся в него, и не сбавил скорость. Он мотал Волька несколько мгновений, пока тот не подтянулся на руке и не начал наносить быстрые уколы в живот и спину.

Дэван остановился и уставился на копошащегося Волька. Нож раз за разом заходил в тело, Вольк успел нанести десять или даже двадцать ударов. Руки упали на затылок Волька, и голова Дэвана с треском распустилась, словно цветок, явив ужасную пасть. Часть Волька исчезла в ней.

То, что от него осталось, Дэван отбросил от себя. Этой паузы хватило, чтобы две алебарды пробили его тело насквозь, а Йован приземлился на него сверху, и стал откручивать снова цельную голову противника. Откуда-то из-за спины аватара показалась ещё одна длинная и непонятная конечность. Она обвила Йована и потянула серба в воздух.

— ХВАТИТ! — ударило в голове Лиамы, на него сверху обрушили гору бетона, в глазах потемнело, Лиам оглох, ослеп и погрузился в темноту...

Первыми ощущениями стали тупая боль, слабость, тяжесть во всём теле, приглушенные звуки. Зрение и слух постепенно возвращались. Что происходит?

— ... И так вы, насекомые, должны вести себя перед Богом, — зазвучал громкий и нечеловеческий голос в его голове.

Лиам сидел на коленях посреди заброшенного цеха, не в силах сдвинуться с места. Тело не слушалось, голову не оторвать от груди. Боковым зрением в метре от себя он увидел залитые кровью босые ступни, медленно и уверенно отмерявшие шаги из стороны в сторону.

Напротив Лиамы сидели в таких же позах братья и солдаты. Йовану было плохо, его лицо и тело были покрыты рваными ранами, изо рта тонкой струйкой шла кровь. Кристиан сидел, напряжённо поднимая голову, и сосредоточенно следил за каждым движением «Бога».

Как же тяжело оторвать голову. Они достаточно близко к выходу. Цех разворочен, всюду кровь, тела и расстрелянные гильзы. Чуть поодаль лежали изломанные Вольк и Штрасс, не подававшие признаков жизни. Из всех групп в живых осталось человек восемь. И все они безвольно сидели на коленях, не в силах пошевелиться.

— Я не могу умереть, у меня есть сын, — шептал один из солдат.

— Сохраняй достоинство, — одёрнул его Крис.

— Чему вы сопротивляетесь, человечки? Кого защищаете? Зачем пришли сюда? Какой из Богов сказал вам сделать это? — звучало в голове у Лиамы. — Вы слепы и глухи. Вы ничего не знаете. Ваша вера наивна. Я не враг вам, я ваш спаситель. Идите за мной, и всё это кончится, вам не нужно будет страдать. Я остановлю колесо, — голос «Бога» стал ласковым и полным «любви».

— Пошёл ты... на хрен... выродок... .. слышал?.. — прохрипел один из штурмовиков и «Бог» навис над ним.

— Глупое животное. Может быть, в следующей жизни нам будет по пути.

Дэван опустил руку на голову солдата и одним движением отвернул голову. Раздался хруст, тело обмякло и скользнуло на пол.

— По своей же воле вы превращаете свою жизнь в борьбу. Во имя чего? Думаете, это имеет какой-то сакральный смысл? Думаете, вы созданы для этого?

«Бог» повернулся и встретился взглядом с Крисом. Крис спокойно смотрел ему прямо в глаза.

— И тебе с нами не по пути, человечек, — проскрипел «Бог», встретившись с его взглядом.

Тело Криса безвольно рухнуло на землю. Лиам выдохнул. Вместе с шеей Криса что-то сломалось и у него внутри.

— Не-е-е-ет! — заорал Йован и зашевелился, борясь с давлением силы, и собственным сломанным телом.

— Давай, ублюдок! ДАВАЙ! — исступленно закричал солдат, тот, что был с дробовиком. — Давай мразь! ДАВАЙ!

Потерявший интерес к происходящему, «Бог» встал над ним и готовился протянуть руку. Но солдат резким движением поднялся с колен, высвободил нож и двумя руками засадил его в голову врага. Дэван отшатнулся назад, взялся за торчащий нож и попытался его вытащить. Солдат упал на спину, судорожными движениями достал из кобуры пистолет и открыл огонь.

— Бегите! — завопил он.

Давление пропало. Йован уже был на ногах. Он повис на одержимом Дэване и вонзал в него лезвие. Их спаситель метнулся за дробовиком и вставлял в него огромный цилиндрический магазин.

Этот бой нельзя было выиграть. Лиам подошёл к Йовану, схватил за воротник жилета, оторвал, бросил на землю, развернулся спиной и потащил вырывающегося серба.

Спустя секунду тяжесть снова обрушилась на них. Ноги не слушались, не вдохнуть. Не Лиам не лёг. Ему нужно было вытащить Йована. Не мог он лечь. Стирая зубы друг об друга, задыхаясь и выплевывая свои лёгкие, Лиам совершал шаг за шагом. Вот он дошел до дверей, пересёк их и оказался в коридоре. Ещё шаг. И ещё шаг. Только бы не упасть. Спустя полсотни метров, давление стало слабеть. Дыхание стало ритмичным, сердце билось гулко, но уже не выскакивало из груди. Йован потерял сознание и уже не брыкался.

Они выбирались целую вечность. Резерв был оттянут. Никто не прикрывал отступление. Лиам успел оттащить напарника еще метров на сорок, и к ним на встречу выбежал человек без оружия.

— В здании остались наши? — покричал он на ухо Лиамы.

— Да, есть. Помоги, — ответил ему измождённый Лиам, показав на Йована.

— Не могу. Авиация в пути. Нужно навести удар. Уходи отсюда, сейчас же! Позиция в сотне метров отсюда.

— Там наши! — закричал ему Лиам.

— Они живы? Ты подтверждаешь?

— Подтверждаю! — после секундной задержки уверенно выкрикнул Лиам.

— Дерьмо! Какой силы там магическое напряжение?

— Не понял!

— Сильно вас прижало?

— Сильно, еле вышел.

— Ладно, — наводчик был бледен как мел, его глаза бегали. — Мне всего-то нужно навезти указатель. Убирайся отсюда, парень, быстрее!

— Там наши, — повторил Лиам.

— Я тебя слышал. Убирайся отсюда!

Лиам хотел вернуться, но усталился на Йована.

— Дерьмо! — выругался Лиам и потащил его прочь.

Впереди показалось оцепление, Лиам молился, чтобы ни у кого не дрогнула рука и по ним не дали очередь. Спустя еще секунды к нему подбежали и забрали Йована. А затем, над его головой раздался резкий звук и хлопок. Лиам отбросило, он не успел закрыть уши руками и открыть рот.

В рот попала земля, всё вокруг затянуло пылью. В ушах поселился мерзкий писк. Когда пыль немного осела, Лиам поднялся с земли и обернулся, ожидая увидеть груды обломков на месте могилы Криса и остальных ребят. Но старый цех выстоял. Здание покосилось, одна из стен была разворочена и бетон покрывал трещины. А вот соседнего цеха, как и не было. На его месте образовалась воронка, в которую падали несущие стены. Неужели промах.

— Накрыли! — из-за груды мусора показался покрытый с ног до головы белой пылью наводчик. — Хотел убежать! И твои парни, может, целы. Вакуумные бомбы, брат. От этого ублюдка и пылинки не осталось! Хорошо, нас не накрыло. Господи, благослови это высокоточное оружие!

Лиам устало опустил на колени и прокашлялся. Вот бы воды. И сигарету.

После бомбардировки ударные группы и магический отряд прочесали территорию завода. Следов противника обнаружено не было. Ублюдка разобрало на атомы.

Отсидевшись и напившись воды, Лиам побрёл разгрести завалы и искать выживших. Возвращаться на место бойни не хотелось. По пути назад он встретил двух уцелевших, оглушённых взрывной волной. Их шатало. Лиам хотел помочь, но его опередили десятки медиков и спасателей. Наконец, им разрешили работать.

Внутри цеха Лиам нашел Йована, прижимавшего к себе тело брата. На него было страшно смотреть. Лицо превратилось в распухшую кроваво-синюю маску. Йован сидел, не двигался и молчал. Лиам не знал, что сказать, постоял рядом и ушёл.

Всё внутри переворачивалось. Это было частью работы. Но такой частью, через которую каждый раз надо было прорываться, теряя куски себя и боясь сломаться. Надо помочь спасателям.

Франк был ещё жив. Его повреждения выглядели фатальными. Руки, ноги и грудь переломаны в нескольких местах, кровавая мешанина вместо лица, расколотый череп. Он дышал едва слышно и хрипел, пока шокированные медики думали, как спасти его жизнь.

Франк посмотрел в глаза Лиаму. Его взгляд был ясным. Франк дергал пальцами, Лиам встал рядом на колени.

— По...хоже...мне...конец... — еле слышно, задыхаясь, сказал он.

— Не говори, побереги силы, Франк, — тихо сказал Лиам.

— Мы... по... бедили?

— Да. Не разговаривай. Эта тварь мертва.

— П-п-п... роерь... Ш-ш-ш... ш-ш-ш... Ш-ш-штрассса...

— Проверю, — глаза Франка закатились, голова откинулась и он перестал дышать.

— Остановка сердца. Реанимируем! — закричал медик.

— Реанимируем? Что мы тут будем реанимировать?! — закричала на него напарница.

— Приказ реанимировать и доставить в институт в любом виде. Этот не человек. Давай, готовь дефибриллятор! Я ввожу консерваторы.

— Может, законсервируем агентов сначала?! — снова заорала спасательница.

Лиам отшатнулся от них, отвернулся, и чуть было не упал на солдата, стоящего на коленях.

— Эй, ты в норме? — спросил его Лиам.

Парень, прикрывший их отход, и спасший ему жизнь, не ответил. В его животе зияла огромная дыра. Так и не выпустил из рук свой дробовик.

Как же тошно. Лиам пошёл прочь, стараясь не смотреть на тела. В стене показалась брешь, он вышел сквозь неё и запнулся. На груди обломков лежала красивая молодая девушка с черными волосами. Он бы не узнал её, если бы шлем не раскололся. Её открытые голубые глаза смотрели в небо.

Лиам опустился на колени рядом. Маленькая капелька скользнула по его щеке. Это была Ями.

Медитация VIII. Страх

Резкий звук и капли воды. Открыть глаза.

Лиам мотнул головой. Какой яркий свет. Белые чистые стены, ряды коек. Госпиталь. Выжил. Датчик давил на палец, в вену закапывался раствор из капельницы. Голова раскалывается.

— Йован!

На его крик прибежали две женщины в медицинской форме.

— Вы в безопасности, — нечеловечески спокойным тоном произнесла та, что была в белом халате и смотрела сквозь него. — Вы в госпитале. Вам ничего не угрожает. Могу я Вас осмотреть?

Лиам кивнул. Доктор вела себя отрешённо, пока изучала его под ярким светом фонарика.

— Скажите, агент Йован жив? Агент Кристиан? Они братья. Видович фамилия или как-то так. Я не знаю, как пишется.

Доктор на секунду наклонилась к медсестре и что-то ей прошептала, медсестра удалилась.

— Вы получили незначительные повреждения. Сотрясение, ожог второй степени площадью десять сантиметров, ссадины и ушибы. Вы находитесь здесь уже тридцать шесть часов. Ваша капельница скоро закончится, Вы должны будете получить заключение психолога и следовать дальнейшим распоряжениям. Вы меня поняли?

— Я Вас понял. Что с агентами Йованом и Кристианом?

Доктор словно и услышала его, резко повернулась и начала уходить. Ну, кто же так делает? Глаза заволкла пелена, он вскочил и попытался выдрать капельницу. Словно тень доктор оказалась около него и положила ему твердую руку на плечо.

— Что Вы делаете, агент Гадот? Ваша капельница ещё не закончилась, — без эмоций произнесла доктор.

— Да что с Вами? Почему Вы мне ничего не отвечаете? Что с моей командой? — Лиам не любил кричать, но в этой шарашке, видимо, по-другому не понимали.

— Медсестра Миранда выясняет судьбу Вашей команды и готовит для Вас успокоительное. В Вашем деле написано, что Вы можете страдать от посттравматического расстройства, — так же безэмоционально ответила доктор.

— Да Вы, вообще, человек? — побледнел Лиам, что-то с той докторшей было не так.

— Да, агент Гадот, я человек. У меня диагностировано расстройство аутистического спектра. Если я Вас чем-то обидела или вела себя с Вами некорректно, я прошу прощения.

— Извините, — сразу заткнулся Лиам.

Медсестра уже бежала к ним, одна из её рук была заведена за спину.

— Доктор уже выдала ваш план. Я успокоился. Простите меня.

Только сейчас он заметил, что молодая невысокая медсестра была напугана его поведением и криками.

— Просто скажите, что с моей командой. Я волнуюсь.

— Агент Йован получил повреждения средней тяжести, ему была оказана необходимая помощь, но от госпитализации он отказался, — беспристрастно ответила ему врач, немного поговорив в стороне с медсестрой. — Агент Кристиан не выжил.

Лиам вернулся на кушетку и отвернулся к стене.

Снова влезать в броню было неприятно. Другой одежды с собой не было. Лиам не стал заморачиваться поисками. Хорошо, хоть почистили. Вещи и телефон остались в машине. От татуировки и памяти о Ями остался лишь ожог, и теперь он неприятно болел. Тошнота и слабость. Надо было что-то перекусить. Если в него что-то влезет.

Окон в помещении не было. Видимо, один из подземных этажей. Даже место для госпиталя нашлось. Пришлось изрядно погулять, пока он не наткнулся на рядку бесплатных автоматов с напитками и едой.

Еда не лезла. Нужно было на воздух. Лиам ещё поплутал и поднялся на первый уровень. В большом коридоре у самых дверей на улицу собралась толпа. На стене были закреплены листочки, на них крупным шрифтом были написаны имена. Рядом с листочками были развешаны фотографии и солдатские жетоны, внизу были расставлены свечи и возложены цветы. Стена плача.

Откуда-то из глубин здания быстрым шагом выдвигался вооруженный отряд в чёрной форме. Спешат на вызов. Один из солдат остановился около стены, дотронулся до неё рукой, постоял секунду и устремился на улицу. На стене было имя Кристиана. И висела фотография смеющейся и пьяной Ями, в тот день, когда они отмечали. Такой её и хотелось запомнить.

Снаружи светило солнце, но было прохладно. Тут ничего не напоминало о том, через что довелось пройти. Лиам уединился в маленьком и уютном зеленом дворике, расположенном между корпусов. Перевести дух, расслабиться и поесть — вот задачи на сейчас.

— О, здорово! — отвлек его от еды и содовой знакомый голос.

— Франк? — Лиам чуть не подавился, Франк выглядел нормально.

— Ну да. Как выяснилось, мне не конец. Кто бы мог подумать, что я настолько живучий. Соболезную на счёт Криса. А ты только из палаты вышел?

— Ага, — хмуро ответил Лиам, запихивая в себя печенье.

— Поделишься? — нагло спросил Франк. — Вообще не могу перестать жрать после этих ранений. Я, вероятно, мог себя и сам зашить. Прикинь?

— Налетай, — Лиам утратил остатки аппетита.

— Ага, спасибо, брат, — закуски стали с удивительной быстротой исчезать во рту у Франка. — На планёрку-то идёшь?

— Планёрку? — отрешёно спросил Лиам.

— Да, будет разбор инцидента. Много кого потеряли. И ты потерянный какой-то.

Франк с жуткой скоростью смёл все закуски, они ещё немного посидели и помолчали.

— Пойдём вместе. Ты еще новенький. Бывает и хуже. Жёстче. Нам нельзя останавливаться. Мне нельзя. И тебе нельзя.

— Твой командир жив? — хмуро спросил Лиам.

— Ага. Ещё более крепкий ублюдок вышел, чем я. Только вот не сильно помогло в этот раз. Это неприятно, знаешь ли. Мы вообще ничего не сделали. Пришлось рассчитывать на долбаный беспилотник. Снова.

— Да уж. Йована не видел?

— Ещё нет. Переживаешь за него? К такому не подготовишься, но это всегда висит в воздухе. Мы можем умереть. Держись, брат. Мы справимся.

Планерки пришлось ждать несколько часов. Около сотни человек набилось в большую аудиторию, их ждал разбор полётов. Когда все собрались, полковник начал.

— Итак, расследование ещё идет и инцидент, а точнее их цепочку, нельзя считать закрытой. Вот что известно на данный момент. Некоторое время назад представителями нашей расы и иноземцами был создан культ, поклонявшийся неустановленной сущности. Их деятельность и активность сущности продолжается, по крайней, мере, с конца девяностых годов. Всё началось не с больницы Святого Петра, — полковник странно посмотрел на Лиама. — Речь идёт не о демоне высшего уровня, а о божестве. Представители культа долгое время вынашивали план по перемещению своего божка в нашу реальность, что им, в конечном счете, и удалось. Мы проводим внутреннее расследование на предмет того, как это ускользнуло из нашего поля зрения. В самом крупном инциденте в госпитале Святого Петра и сопряженных с ним, погибли уже более пятисот человек. Вчера, как вы уже слышали, была предпринята операция по ликвидации физического носителя. Которая, закончилась не совсем удачно...

Ожог Лиама чесался и болел. Ещё долго полковник зачитывал данные расследования и указывал им на ошибки в исполнении обязанностей. Культ не был ликвидирован, и его деятельность всё ещё оставалась загадкой. Но Лиам и так это знал. Ценой были жизни Криса и Ями. И других людей...

— Да уж. Оконфузились, — Франк сплюнул на землю, когда они вышли в холл.

— И не говори. Я думал, тут всё лучше организовано.

— Думаю, это максимальный уровень, приятель. Доля бардака присутствует во всех нас и во всём, что мы делаем. Не расстраивайся, просто делай, что можешь. Так чтоб потом не жалеть.

По холлу пронёсся ропот, в дверь вошёл Йован. От него доносился запах какого-то страшного пойла. Пошатываясь, тяжёлой походкой он добрал до них и встал напротив Франка.

— Ой, не к добру это, — успел бросить Франк.

— Лиам. Франк, — как-то холодно поздоровался он, смотря в глаза Франку. — Где тело моего брата?

Франк хотел ответить, но Йован со всей силы ударил его в лицо. Человек раза в два больше Лиама вряд ли выдержал бы этот удар. Но Франк был крепче. Его голову лишь чуть-чуть мотнуло назад.

— Йован...

— Где тело моего брата? — Йован ещё раз ударил его.

На третьем ударе запястье Йована изогнулось под пугающим углом, и его рука повисла плетью. Он тяжело задыхался, прижал к себе руку и с ненавистью смотрел на Франка.

— Мне сказали, ты забрал тело моего брата. Где оно?

Лиам поёжился и невольно отшатнулся назад. Совсем не похоже на голос Йована.

— Я забрал тело твоего брата, — наконец ответил ему Франк, он говорил осторожно, с паузами.

— Так, — голова Йована начала немного покачиваться.

— И передал его научному отделу. Что было его волей. Так было написано в его анкете. «В случае смерти завещаю свое тело Научному Отделу». Поэтому я лично, со всеми почестями и со всем уважением, которое я испытывал к твоему брату, взял его тело из морга и передал в научный отдел.

— Что? — срываясь, сказал Йован.

Франк предусмотрительно сделал шаг назад.

— Что? — повторял Йован.

Он пытался согнуть свою руку в кулак, покачиваясь на широко расставленных ногах, но уже не смог. Рука не слушалась.

— Что?

— Так хотел твой брат, — спокойно сказал ему Франк. — Вот его письмо. Для тебя. На случай, если он умрет. Возьми его.

— Что? — повторил Йован.

Лиам не выдержал, взял из рук Франка записку и подхватил Йована. Глаза Йована были красными и слезились. Лиам аккуратно сложил письмо и спрятал его во внутренний карман куртки Йована.

— Пойдём со мной. Нужно посмотреть твою руку.

Лиам пытался увести Йована. На них все смотрели. Франк уставился в пол. Больше у него не было сил выдерживать взгляд Йована.

— Код... чёрный, — произнес вдруг из динамиков на стенах женский голос и затих почти на минуту, все замерли.

— Внимание. Говорит управляющий Локни. Получено подтверждение, что аватар не уничтожен, — продолжил речь другой, хриплый и не совсем разборчивый голос. — На данный момент его местоположение неизвестно. Приказываю: восстановить контроль над ситуацией. Оцепить город, эвакуировать население. Всем подразделениям перейти на усиленный режим работы. Подключить все отделы к поиску решения. Найти и уничтожить цель любым доступным способом. Приступить. Конец связи.

Не спалось. Стояло раннее утро, за окном привычно голосили чайки. Желудок был пуст и вынуждал готовить пищу. Простой выбор: смазать сковородку небольшим количеством оливкового масла, выбросить на её поверхность узор овощей и мяса, обильно залить его водой и поставить на мелкий огонь.

Отстранили на два дня. Но как можно отдыхать, пока эта тварь разгуливает по городу? Йован не хотел с ним говорить, ни с кем не хотел. Ему наложили гипс, и он, хлопнув дверью, вылетел из госпиталя и выключил телефон.

Делать было нечего. Лиам нацепил спортивный костюм и пошёл бегать. Всё тело ещё болело, но загруженная голова не позволяла обращать на это внимание. Далеко удаляться от убежища он не решился и просто нарезал круги по пустынной набережной, пока не столкнулся лицом к лицу с грязноватым низкорослым бродягой.

— Эй, брат! Ты в норме? — окликнул его Лиам, разглядывая огрубевшие босые ноги бомжа.

Бомж удивлённо обернулся на него и оглядел себя.

— Да, брат. А ты? — спросил незнакомец в ответ.

Лиам подбежал к нему и остановился. Бродяга озадаченно смотрел на него и дурковато улыбался.

— Воевал? — спросил Лиам.

— И такое бывало, — ответил ему бродяга тоном бывалого рассказчика.

На душе скребли кошки. Лиам снял свои кроссовки и протянул бродяге.

— Возьми. У меня ещё есть, — бродяга уставился на кроссовки и вдруг рассмеялся.

— От души тебя благодарю, брат, но не стоит! Не люблю я эту обувь. Жмёт она, мне так удобнее. И тебе советую, босиком приятнее.

Лиам пожал плечами и глуповато застыл с кроссовками в руке.

— У меня там еда готовится, может, зайдешь? Тут недалеко совсем.

— Да, не откажусь. Люблю приятную компанию, чего таить. Приятно знать, что добрые люди всё ещё не перевелись, — пожал плечами бродяга.

Спустя пару минут гость сосредоточенно дул на горячую еду и уплетал блюдо, наслаждаясь каждым кусочком.

— Где служил, брат? — Лиаму ковырял свою тарелку и с интересом оглядывал гостя.

— Да где только не служил. Не люблю я войну, но приходилось. Мир такой у нас, всякое бывает. А ты где служил, брат?

— В Сирии последняя командировка была. Да и сейчас служу, только тут.

— И как? Тяжёлая работа?

— Тяжёлая. Но кто-то должен делать.

— Кто-то должен, — согласился бродяга, набивая рот.

— Ты знаешь брат, у меня друзья есть, знакомые. Помогут тебе, если хочешь. Тяжело возвращаться, я знаю.

— Благодарю, но не стоит. Выгляжу я странно на твой вкус, а ты на мой. Нам с тобой друг друга не понять, у тебя свои заморочки, у меня свои. Я красоту люблю. Её так много. Хочу все её посмотреть когда-нибудь.

— Понимаю. Брат, ты бы уехал отсюда пока. Не всё в порядке с городом. Опасно тут пока.

— Знаю, — улыбнулся бродяга.

— Знаешь? — удивился Лиам.

— Да. Птицы улетели. Кошки и собаки ушли. Даже крысы ушли. Буря будет, — бродяга смотрел в пустоту, будто видел там что-то.

Лиам невольно поглядел в окно, на тяжелые свинцовые облака вдалеке.

— Да ты не волнуйся, воитель, — рассмеялся бродяга. — Бури приходят и уходят. А красота всегда остаётся. Только сильнее цепляется она за этот мир, если хотят её уничтожить... Красота всегда остаётся. И всегда будет. Береги себя. Пока такие, как ты есть — этот мир будет стоять. Ещё увидимся, брат. У тебя всё будет хорошо.

Близилась ночь. Странноватый бродяга покинул убежище Лиамы и продолжил свой путь. Недолго, может час или два, удалось подремать совершенно без снов.

Его разбудил душный запах. Первое, что он увидел — огромный горшок с каким-то совсем экзотичным распустившимся цветком, покоящийся на его столешнице. Нащупав под диваном пистолет, Лиам встал и осторожными шагами осмотрел дом.

Закутанная с ног до головы в саван невысокая фигура стояла и смотрела в окно. Его снова посетила странная гостья.

— Да что тебе от меня нужно? — прошипел Лиам.

— *Sunnrayan, Ira*, — ответила Уна, её голос больше не пронзал его словно осколки от бомб в пустыне.

— Я не понимаю тебя. Можешь по-английски? — попытался успокоиться Лиам.

— Доброй ночи, любимый, — ответила она, её голос был горек и ломался.

— Любимый? — подавился Лиам. — Я не понимаю. Хватит игр!

— Ты знаешь меня? — она вдруг повернулась и стрельнула на него своими карими глазами.

— Что? Нет, я не знаю тебя.

— Ты знаешь меня, — сказала твердо она и выдохнула. — Снова защитник. Но не мой, на этот раз. Я встретила тебя снова.

— Снова? — пробормотал Лиам.

— Снова, — сказала она необычайно грустно.

Что она несёт вообще? Ничего не понятно. Такая грустная...

— Я так долго ждала тебя.

Уна упала на колени и надолго замолчала, смотря сквозь Лиама. Лиам вздрогнул и дернулся, чтоб рефлекторно подхватить её в тот момент, но замер. Перед ним было чудовище. Живущее благодаря крови людей. Но почему-то её хотелось пожалеть. Может, она такая, как Кай? Кай говорил, что...

— Мы уже встречались, — глядя в пустоту перед собой, она нарушила молчание. — Много раз. Мы встречаемся снова и снова. Но не можем быть рядом, для нас всегда другой план. Я так люблю тебя.

Её лицо окрасили едва заметные струйки кровавых слез. Лиам отшатнулся и начал отступать вглубь квартиры. Ну, на фиг.

— Ты не помнишь.

Уна была уже у него за спиной и вытирала лицо.

— Ты не помнишь, — повторила она, Лиам выдохнул и аккуратно, без резких движений, сел на диван.

— Мы встречались в другом мире. Очень давно. Ты был юн и так же смел. Как и сейчас, ты был защитником. Ты защищал меня, — её голос стал очень теплым. — Тогда мы не могли быть вместе. Мир и другие люди не могли этого позволить. Мы умерли. А потом я родилась снова и ждала тебя. Ждала и ждала, но ты не приходил! Словно забыл про меня. Я искала тебя. А потом я стала этим... И снова искала тебя и ждала. Как же я хотела забыть о тебе! Вычеркнуть тебя из себя. Не могу... всё повторяется. Мы снова из разных миров.

Уна приспустила саван со своей головы.

— Посмотри на меня теперь! — вдруг со злобой закричала она, и из её глаз снова проступили слезы.

Мертвенно-серая кожа, очень худая, не осталось волос. Такими становились вампиры, после того, как откидывали все человеческое. Или почти всё.

В ней было нечто необычайно красивое. Он не испытывал страха и отвращения к ней. Красота всегда остаётся. Что-то внутри переворачивалось. Повинуясь импульсу, Лиам встал, подошёл к ней и обнял. На секунду Уна выставила руки в стороны и отпрянула, но так и замерла в его объятьях.

— Ты вспомнил? — спросила она с надеждой, через бесконечно долгое время.

— Нет, — честно ответил Лиам. — Ты что-то со мной сделала?

— Нет.

Лиам замолчал. Странное чувство, когда тебя тянет, ты это понимаешь, но не знаешь, почему так и ничего не можешь сделать. Даже как-то сильнее ломки. И её присутствие совсем не напрягает. Нет никакой опасности. Даже любопытства нет. Но так надо, это как инстинкт, что-то изнутри. В воздухе между ними натягивалась громоздкая и тяжелая цепь, практически ощутимая в воздухе. Связь.

— Скоро рассвет, — сказала Уна, голос её стал очень спокойным. — Мне нужно идти. Спасибо тебе. Мне спокойно теперь. Мы ещё встретимся. Береги себя. Береги себя, как самое ценное сокровище в мире.

— Хорошо, — ответил Лиам.

И расцепил объятия. Рядом с ним никого не было.

Всё-таки крыша поехала? Нет. Есть браслет и цветы. Это не сон. И совсем не кошмар.

Из раздумий его вырвала отчаянная вибрация телефона. Лиам очнулся и взял его. Под индикатором заряда и временем виделось лишь одно сообщение: «Код — чёрный. Немедленно вернуться в расположение отдела»

— Похоже, мне никогда не выспаться, — устало вздохнул Лиам.

Телефон снова завибрировал, Лиам поднял трубку.

— Не торопись, — голос Йована был жутко спокоен. — Возьми личные вещи и оружие. Заеду за тобой через час, может больше. Объявлено военное положение. Включи телевизор и загляни на Ютуб.

Раздались гудки, Лиам постоял и включил

«Основной удар стихии придёт на Восточное побережье. Ураган «Сейди», по всей видимости, получит пятую категорию и станет самым опасным», — беспристрастно заявила ведущая с экрана телевизора.

Хм, укрытие для эвакуации? Сколько же было ураганов, утечек газа, пожаров. Какое укрытие выбрали для смерти его родителей?

Лиам добрался до ноутбука, машинально вбил пароль и загрузил Ютуб. С экрана прямо в его душу смотрело лицо похожее на череп. «Я разрушу колесо. Мы все выйдем из круга.» — вещал искажённый голос на фоне серой стены, не глядя в камеру.

Двести тысяч просмотров. Лиам обновил страницу, но видео уже было удалено. Телефон снова зазвонил.

— Видел? — спокойно спросил Йован.

— Видел.

— Это повсюду. По всем соцсетям. Такого ещё не было. Этот хренов пророк захватил Интернет. Инстаграм, фейсбук, месенджеры. Видео и посты постоянно добавляются, не успеваем удалять. Мы все конкретно облажались. Наши думают уронить Сеть. Всё серьезно, Лиам. Не знаю пока, что мы будем делать. Но мы с тобой постараемся решить этот вопрос. Окончательно. Слышишь меня?

— Конечно, Йован, — Лиам чуть было не назвал его братом, но вовремя остановился. — Я с тобой до конца.

— Это я и хотел услышать. Собирайся. Скоро буду.

Медитация I. Мрак

Лиам снова стоял на чёрном песке посреди непроглядной пустоты. Тёмные барханы сливались с беззвёздным небом. Вдалеке мелькало белое пятно, форма его менялась то быстро, то медленно. Нужно идти вперёд.

Армейские ботинки утопали, шаги давались непросто. Скорее болото, чем пустыня. Пятно становилось всё чётче и постепенно принимало очертания человека. Молодая женщина в белом платье танцевала, разбрасывая в стороны чёрный песок.

Лиам подходил всё ближе. Она выполнила очередной пируэт, и их глаза встретились. Марта Вейл. Девушка из переулка. Её жизнь оборвалась так рано.

Танец становился всё более дёрганым, тревожным и отчаянным. Песок разлетался в разные стороны, но она не тонула в нём, словно была легкой и воздушной, как пёрышко.

В очередном движении девушку перевернуло вниз головой и оторвало от песка. Горло её разошлось в стороны, кровь хлынула вниз. Она так и смотрела Лиаму в глаза, пока мерзкие щупальца не затянули её в темноту.

— Мне не вернуться домой, — услышал он шёпот издалека.

Пространство вокруг замелькало красным...

Красные вспышки света и гулкий сигнал тревоги встретили Лиаму по ту сторону сна. Помещение казармы с тремя ярусами коек стало для него новым домом на время мобилизации и разрешения последнего инцидента.

— Да, блин, дайте поспать, — зарылся в подушку один из солдат на соседней койке.

Сирена вырубилась, но Лиам проснулся окончательно. Что-то было не так с проводкой, за последние дни сигнал тревоги срабатывал трижды. Лиам ещё немного полежал, похрустел плечами и шейей, и решил вставать.

Ожог и новая, не такая красивая, татуировка зудели и болели, и постоянно напоминали о своём существовании. Один из солдат сказал ему, что ранение, нанесённое магией, может и никогда не затянуться полностью. Значит нужно привыкнуть засыпать и жить с ним.

Лиам принял душ, растянулся, влез в броню и вышел из казармы, расположенной в недрах Первого Отделения. Тело ещё ломило, ушибы и трещины болели, но Лиам знал лекарство. Пробежка вместо сна.

Уже четвёртый день он пытался собрать в голове пазл, который стал его жизнью. Йован был потерян и почти не разговаривал. Идти сербу было некуда. Он слонялся по зданию, или напрашивался к кому-нибудь на выезд. И без психолога было ясно, что поручать ему какие-то задачи пока рано. Да и сам он это понимал, но сидеть на месте не мог. Начальство закрывало на это глаза.

Лиам был слишком неопытен для самостоятельной работы. Пока его перекинули на патрули и выполнение текущих задач вместе с солдатами.

Город, да и всё побережье, были охвачены паникой и готовились к шторму. К шторму, который был чем-то совсем иным, нежели каприз погоды. Началась эвакуация, машины встали в длинные пробки, воздух сотрясали автомобильные сигналы. Страх и недовольство пропитали атмосферу. Даже нелюди бежали из города, старались убраться подальше. Уже пару дней Лиам не видел птиц.

Их враг затаился где-то там. Орден искал его и жаждал крови. Отряды солдат выбивали двери и досматривали самые укромные уголки, где можно было спрятаться. Лиаму не

правила такая работа. Толку от неё было мало.

Жизнь в Отделении отдавала комфортом. Привычно и уютно было находиться рядом с братьями по оружию. Совсем другая публика. Им приказывали — и они делали. Всё просто и понятно. Братство и сестринство. Вместе они спали и просыпались, вместе ходили в тренажерный зал и тир, вместе ели и принимали душ, выпивали в баре, выезжали на задания и возвращались с них. Вместе жили и вместе умирали...

Криса не стало. У Йована не было возможности проститься с ним. И вчера последний из сербов получил ещё один удар. Прилюдно его обвинили в провале операции и жертвах. Как старший, он должен был сделать всё совершенно по-другому. Пока его разносили в пух и прах, Лиам не мог вмешаться. У него ещё не было голоса и веса в Организации. Йован спокойно выслушал все обвинения и согласился. Его отстранили до комиссии о наказании.

В чём-то его обвинение было справедливым. Но не только Йован совершил ошибку, это были просчёты многих людей. Йован не обладал достаточным опытом, не мог самостоятельно справиться с ситуацией и принять правильные решения. Это дело было слишком важным и ответственным для обычного агента. Жаль, Орден осознал это только после того, как появились жертвы.

Раньше Лиам много времени посвящал анализу боевых операций, в которых он участвовал. Изучал тактику, свои и чужие ошибки. И в следующий раз делал всё лучше. Но последний бой был совсем не таким, встречать такого противника ещё раз... не хотелось.

Много раз он прокручивал в голове схватку на старом автомобильном заводе. Шансов у них не было. Оружие было бесполезно. Не было никакой позиции, тактики или *модус операнди*, который бы смог повлиять на исход сражения. Нужно было сразу отступить и не вводить в бой резерв. Мясорубка. Лиам выжил чудом. И возможно, Кристиан погиб по вине своей гордости. Не стоило бросать вызов этой твари. Глупо.

Лиам вздохнул. Так плохо не было даже после возвращения со службы. Настроение — хуже некуда. И всё чаще, в тёмных углах и вдалеке Лиам замечал фигуру мальчика. Страх перед ним почти ушёл. В его нынешней повседневности были вещи и пострашнее. А вот сны превращались в нечто совсем уж мерзкое и тягучее, теперь после них трудно было приходиться к себе. Иногда мысли о виденьях лезли в голову посреди рабочего дня.

Франк получил какое-то особо важное задание, и специальный агент «Штопаный», как его называли за глаза, почти не попадался в коридорах. Полковник был вечно занят. Несколько раз они столкнулись в коридоре, смерили друг друга тяжёлыми взглядами и разошлись.

Браслет стал частью руки и иногда мелькал в поле зрения. Хотелось снова увидеть Уну и снова ощутить нечто, происходящее с ними. Смерть была так близко. Что на самом деле ждёт его после? И что было до того момента, как он родился? То, что она сказала — правда? Чувствуется, что да. В конце концов, наверное, в мире случались и более странные истории. Когда всё закончится, он обязательно разберётся со всем этим...

На несколько рядов покорив уже знакомые лестничные пролёты, Лиам побежал на улицу. В холле его ждал Йован. Он перестал хмуриться и выглядел спокойным. Какой-то плохой знак.

— Чарли на парковке, у него нечто срочное. Прогуляемся, — бросил он, поприветствовав Лиаму кивком.

Лиам кивнул в ответ и пошёл за ним. Ничего не говорить, держаться рядом и не давать сербу создать себе ещё проблем.

Чарли был взволнован, растрёпан и нарезал круги вокруг своего раритетного *плимута*.

— С чем пожаловал? — спросил его Йован.

Чарли нарезал ещё несколько кругов, собрался с мыслями и подошёл к ним.

— Парни, я не знал, что делать. Неделю назад вернулся Иниго, племянник Рамона. Сказал, что соскучился по молодняку и побудет в городе какое-то время. Он нормальный малый. Умный, жил в городе, учился, никогда не было проблем... Со своей старой компанией он так и не встретился, пропадал целыми днями. В нём что-то изменилось. Поведение, запах. Я подумал, он куда-то вляпался. Проблемы с бандитами или бросила девушка. Пока его не было, ходил до его тетки, у которой он гостил. Посмотрел его вещи. У него в сумках ноутбуки, винтовки, какие-то книги, похоже, даже взрывчатка.

— Где он сейчас? — спокойно изрёк Йован.

— Я пытался с ним поговорить. Он накинулся на меня.

Чарли открыл багажник и показал им связанного парня с кляпом во рту. Иниго начал брыкаться, и Чарли спешно закрыл багажник.

— Ты привез его сюда? — поднял бровь Йован.

— А что мне было делать? Когда в прошлый раз я пытался решить вопрос тихо, всё закончилось неприятно. Поэтому и позвонил.

— Понимаешь, что будет, если я достану этого парня из багажника? — странно спросил Йован.

— Понимаю, — опустил глаза Чарли.

— Итак, — мягко начал Йован и вытащил кляп изо рта пленника. — Как твои дела, приятель?

Иниго огляделся, прищурил глаза от света и попытался вырвать хомуты, которыми был привязан к стулу.

— Какого хрена?! — заорал он.

Йован отвечал ему звонкую пощечину.

— Лучше бы тебе этого не делать, — проговорил сквозь зубы парень.

— А то что? — спокойно спросил Йован. — Потеряешь контроль?

Йован отвернулся, выдвинул пару ящиков, достал оттуда внушительную сумку и выложил её содержимое на металлический стол. «Морозильник» был полностью укомплектован для ведения допроса.

— И не смотри на меня так, — не поворачиваясь, кинул он Лиаму. — Это часть работы, привыкай, Мистер Добряк.

Йован достал из кучи инструментов и бутылочек массивную блестящую цепь, переплетённую с острыми шипами, и набросил парню на шею.

— Не советовал бы я тебе превращаться. Слышал, вы чувствительны к серебру. Во-первых, ты не успеешь — я пушу тебе пулю промеж глаз. Во-вторых, как только твоя шея начнет увеличиваться в размере, шипы войдут в горло, сожгут твою трахею и разорвут сонную артерию. Не самая приятная смерть. Поверь мне на слово, я уже видел такую.

Иниго испуганно смотрел на серба, тот ухмыльнулся.

— Обычно, я весёлый парень и совсем не злой. Но последние пару недель дались мне непросто. Твои приятели два раза хотели сожрать меня, в городе беснуются культисты, а какой-то ублюдок из ада убил моего брата. Так что я в плохом настроении. Мне не хочется вредить тебе. Может быть, ты попал в плохую компанию, оступился. Это я могу понять, ты в

большей степени человек, ещё совсем мальчишка. Если ты всё расскажешь, а я уверен, что тебе есть что рассказывать — я отпущу тебя и даже сам довезу до дома, сдам тебя родителям. Знаешь, кто мы?

— Знаю, — процедил сквозь зубы паренёк, цепь нервировала его и он мотал головой.

— Итак. Чарли ни за что в жизни не привез бы мне в морозильник одного из своих, не будь на то ОЧЕНЬ веской причины. Ты во что-то вляпался. И дай подумать — я знаю во что.

— Я ничего не знаю, — неуверенно прошептал Иниго.

— Знаешь... Есть такие ответы на вопросы, которые изначально не могут быть верными. Например, твоя девушка спрашивает тебя — я похудела? Если ты скажешь «нет», она на тебя обидится, ведь ты намекнул ей, что она жирная. А если согласишься, значит, она была жирной. Здесь такой же принцип. Видя человека, раскладывающего на столе инструменты для пыток, человека, совершенно не связанного никакими законами, принципами и моралью, ты должен был начать рассказывать всё, что ты натворил, начиная с возраста, когда ты только начал что-либо запоминать. Итак, во что ты вляпался?

— Пошёл ты, фашист! — Иниго побелел от злости, поднял глаза и плюнул в Йована, Йован лишь грустно вздохнул и вытер лицо.

— Вечно одна и та же история. Бунт подростков против родителей. Огонь в глазах и желание пожертвовать собой ради идей, у которых нет смысла. Что с тобой не так парень? Почему ты не режешься в онлайн-игры и не реставрируешь дядин крутой мотоцикл в гараже? Неужели в целом мире для тебя не нашлось более достойных занятий?

Йован ещё раз перерыл инструменты, вытащил оттуда короткий блестящий тридцать восьмой, проверил барабан, подошел к парню и прострелил ему колено. Парень дёрнулся, закричал, задрожал и задышал очень тяжело.

— Йован! — закричал Лиам.

— Не волнуйся, это обычная пуля, — отмахнулся Йован и повернулся к пленнику. — Я слышал, что молодые особи не могут обращаться в случае болевого шока или кровопотери. Как, например, если их коленную чашечку и весь пучок тамошних нервов разворотило пулей. Теперь ты знаешь, что я не шучу, и, учитывая, насколько ты крепкий, это всё может продолжаться очень и очень долго. Мы, конечно, можем растянуть процесс на недели и применять более гуманные методы. Но у меня нет на это настроения. Я собираюсь вырывать из тебя куски, пока ты не сломаешься. И если ты и правда, готовился ко всему этому, ты должен знать — ломаются все. Единственный вопрос, в каком виде ты выйдешь отсюда — в пластиковом мешке, ещё живой, но по частям, или с маленькой травмой, которая заживет на тебе, как на собаке, за пару недель.

— Йован! — закричал Лиам и силой выволок серба из морозильника. — Какого хрена ты делаешь?

— А ты как думаешь? — в голосе серба не было никаких эмоций. — Ты решил, что на Кризе закончится? Думаешь, аватар собирается открыть тут кафе-мороженное для демонов? Ты бы почитал историю. Войны начинались и с меньшего. А у нас в городе — личность, способная решать судьбу всей нашей планеты, и совсем не в лучшую сторону. Способная убивать силой мысли, подчинять силу воли и останавливать пули. И это, возможно, только вершина айсберга, который на нас движется. Этот парень замешан, он покрывает то, что может вызвать вымирание нашего вида. Понимаешь меня?

— Это просто подросток. Будешь пытать ребёнка? Ты с ума сошел? — Лиам не выдержал и толкнул его в грудь.

— Я порежу на куски всю их резервацию, если это спасёт мир или хотя бы поможет нам выиграть время, — спокойно ответил серб. — Очнись, Лиам, тебе придётся делать вещи и похуже. Нет никакой Женевской Конвенции для оборотней и других выродков. А если бы и была — я бы на неё помочился.

— Я не буду в этом участвовать.

— А тебя и никто не заставляет. Не мешай мне, можешь даже уйти. И молись, чтоб тебе никогда не пришлось делать то же самое. Если парень расскажет мне всё, я его отпущу.

Лиам померился с ним взглядом с минуту, сдался, выдохнул и они вернулись. Иниго был бледен как мел и дрожал. Под его ногами скопилась лужа крови.

— Ну что? Продолжим? Я вижу, у нас есть ещё одно прекрасное колено.

— Не надо, — прошептал парень. — Пожалуйста! Я всё скажу.

Йован широко улыбнулся, убрал пистолет в стол и дал парню попить из бутылки.

— Во-о-от. Видишь, когда мы общаемся вежливо и как цивилизованные люди, всё происходит значительно приятнее. Говори.

— Есть один чувак... Настас. Он нашёл способ снять проклятие.

— Проклятие? — удивился Йован.

— Да. Наше проклятие. Ты не знаешь... Я не могу познакомиться с девушкой. Не могу выучиться и найти работу. Подраться на улице. Мои дети почти стопроцентно будут проклятыми.

— Так. Тебе не нравится быть собакой. Это понятно.

— Настас, сказал, что есть способ. Что у него есть друг на той стороне, который знает расклады и может их поменять для нас.

— Хм. Это многое объясняет, — Йован внимательно слушал и уселся на стол. — Вы вызвали эту тварь, чтобы она исполнила ваши желания. Это логично. Сколько вас?

— Мы её не вызывали, — через боль ухмыльнулся Иниго.

— Не вызывали, значит? У меня другая информация, — Йован немного помрачнел.

— Ты ничего не знаешь, — парень улыбался всё шире, его дыхание успокаивалось.

— Ну, так просвети меня. Сколько вас? Кто притащил сюда эту тварь?

— Нам нужно только помочь. Ради всех нас. И не только нас. Ради вообще всех. Даже ради тебя. Мы все прокляты, так или иначе. Настас говорил, это потребует жертв. Теперь я понимаю.

— Зато я перестаю понимать тебя парень... — протянул Йован.

— Это последнее, что ты от меня услышишь, ублюдох, — прохрипел парень.

Тело его выгнулось. Сквозь его плоть прорывался Зверь. Хомут, удерживающий руку на стуле, разорвался. Ещё не обратившись и наполовину, он прыгнул на Йована. Но сил чтобы разорвать путы не хватило. Тяжелый стул опрокинулся вместе с привязанным парнем, его когти порвали Йовану только штанину. Так он и барахтался под холодным взглядом Йована.

— Какое разочарование, — произнес Йован, глядя на барахтающегося и превращающегося парня.

Очень спокойно он достал пистолет, прицелился и выстрелил оборотню между глаз.

— Стой! — слишком поздно пришёл в себя Лиам.

«Допрос» был закончен. Йован быстрым шагом устремился к выходу. Лиам рванул его за рукав и силой повернул к себе.

— Ну что?! — на лице Йована застыли мелкие брызги крови, глаза его были пустыми, голос спокойным и безжизненным. — У меня нет настроения читать тебе лекции. Твоё

обучение закончено. Делай что хочешь, ты сам за себя отвечаешь.

Йован отвернулся и зашагал прочь. Минуту или две Лиам тяжело дышал, пытался унять мелкую дрожь и всматривался в грязно-белый рисунок бетона на стене. Его кулаки сжались, и он вылетел в коридор.

Последний из братьев показался в его конце, он стоял, чуть наклонив голову и слушал. Лиам быстро преодолел расстояние и уже готов был проломить сербу челюсть, но неожиданно понял, что компанией Йована был полковник.

— Всё в порядке? — «ласково» спросил его полковник.

— Нет, — дёргано ответил Лиам, пытаясь разжать кулак.

— Понимаю. И так бывает. Выдохни и соберись. Не имеешь права, — холодно отчеканил полковник. — Это всё в твоей голове. Знакомся — это Тара Джонс. Старший агент.

Только после этих слов Лиам обратил внимание на ещё одного участника дискуссии. Юную, хрупкую девушку с пышными волосами. Она стояла совершенно неподвижно и была поглощена изучением фонтанчика и стен.

— Тара пока побудет старшей в вашей ячейке. Настоятельно советую принять её и слушаться. Отказов я не принимаю, как и жалоб, — полковник жестко посмотрел на Лиаму. — Хочешь мне что-то сказать, сынок?

Лиам молчал, играл скулами и смотрел то на полковника, то на Йована.

— Он хочет сказать, что беспокоится за агента Видовича, — не отвлекаясь от изучения стен произнесла Тара.

— Хотите пожаловаться агент Гадот? — одного взгляда полковника хватило, Лиам невольно выпрямился, завел руки за спину и опустил голову.

— Мне абсолютно насрать, — вставил в беседу безучастный Йован.

Нью-Йорк менялся слишком быстро. В первый и последний раз Настасья была здесь ещё во времена Великой Депрессии. С тех пор город вырос и стал еще более безумным. Настасья никогда не понимала, как можно чувствовать себя комфортно в таких условиях. Огромное количество людей, постоянный шум и свет, запах, смешение культур, бешеный ритм. Все это разрывало энергетику в клочья.

Но выбора не было. В это неприятное место её привели дела, нужно будет потерпеть какое-то время.

Больше всего Настасья любила лес. Пока люди умирали и рождались, пока они строили новые дома и сносили старые, а музыка менялась со скоростью гаснущего пламени — деревья оставались на своем месте. Их тела покрывались шрамами, корни и ветки крепили и разрастались. Тайга менялась медленно, жила другим ритмом. Её формы и запах узнавались спустя десятки и сотни лет.

Она прибыла слишком рано. Непереносимость солнечного света делала путешествия достаточно сложным делом, даже в современном мире. В запасе у неё были две ночи.

Её ещё тянуло в питейные заведения. Бары, как они теперь назывались. Атмосфера побега от жизни, вечного веселья или траура. Одурманивающий запах алкоголя, возбуждения, ослабленного контроля, похоти и болезней. Эти места — словно картины, которые пишет художник и постоянно исправляет.

Её привлекла горящая в темноте вывеска. «Назарет». Как много в этом слове, и как слабо название соответствует тому, что происходит внутри. Горящий неоном красный крест

вдруг возник перед ней из темноты, как знак, который нельзя было проигнорировать.

Несколько прожитых жизней научили Настасью многим удивительным вещам. Скрываться у всех на виду, например. Ускользать от взглядов даже в таком тесном пространстве. Словно тень, она спустилась вниз, проскользнула сквозь толпу у барной стойки, проплыла мимо столиков и слилась с темнотой в укромном уголке с самыми пьяными завсегдатаями.

Долгое время она изучала людей и слушала их разговоры, словно наблюдая течение величественной и красивой реки. Но, все же, её заметили. Это было неудивительно. Такую красоту и грацию скрыть было невозможно.

Почти не поворачивая головы Настасья нашла обладателя внимательного взгляда в её сторону.

Отчётливый и медленный стук тренированного могучего сердца. Приятный запах здорового организма, почти не отравленного алкоголем, сигаретами, наркотиками. Здоровое питание и воздух с самого детства где-то в глубинке.

Красивый высокий молодой парень играл в бильярд, окружённый своими друзьями. Университетская синяя куртка с трудом скрывала его мускулистое тело. Он был расслаблен, весел и самоуверен. Ещё совсем дитя, но уже мужчина. Такой аппетитный.

Сквозь толпу, мимо неё прошёл человек и устремился к барной стойке. Секунду она рассматривала его. Он был одет в военную форму, от которой почти ничего не осталось — всё его тело было сожжено. Он держал между пальцев короткую сигару, затягивался ей, выпускал дым из дырявой челюсти и горла, и качал головой, смотря на кого-то в районе бара. Плохой знак, встретить призрака, но Настасья проигнорировала виденье, надеясь, что сгоревший не заметил её.

Быть счастливым и уметь наслаждаться моментом — это очень важный навык, особенно если впереди у тебя потенциально бесконечное количество времени. Ещё при жизни Настасья владела им в совершенстве, так уж сложилось.

Ей не пришлось думать. Всё важное подождёт. Нужно познать этого мальчика, ощутить и понять саму природу притяжения, возникшего между ними. Почувствовать его вкус.

Нет, она не была голодна и не хотела причинить вред. Уже достаточно долго голод был не властен над ней. Но она часто скучала по тому интересу, что мог возникнуть между мужчиной и женщиной, от которого внутри всё замирало, и весь мир казался густым и таким ярким.

Ещё долго он кидал на неё короткие или же протяжные, полные интереса взгляды. Не подавая вида и разглядывая его украдкой в ответ, медленно она смещалась всё ближе и ближе. Словно паук, крадущийся к мухе, застрявшей посреди паутины. Друзья и не заметили, как она завладела всем его вниманием, отбила от стаи и увлекла в самый укромный уголок бара.

Они не говорили. Это было не нужно. Пьянящие поцелуи, дыхание, касания и объятия. Не так-то просто потерять голову когда тебе уже три века. Но когда такое случилось, Настасья с радостью ныряла так глубоко, как могла.

Их вытолкнуло на прохладную улицу, в тёмный переулок, где они ещё долго грелись друг другом. Но настал момент попробовать это аппетитное и изысканное блюдо на вкус.

Настасья стянула с атлета куртку, прижала к стене, оттянула майку и прошлась языком по его накачанной и будоражащей шее. Клыки её показались на свет, пальцы впились в тело юноши так крепко, что причинили легкую, но приятную боль. Страстно и грубо Настасья

готовилась подарить юноше самый незабываемый и волнующий поцелуй в его жизни.

Но клыки словно натолкнулись на бетонную стену. В недоумении она отпрянула. Из-под пелены волнующего запаха молодого тела потянуло чем-то неприятным и тягучим. Сверхъестественный запах.

Черты юноши исказились, лицо его утратило всякое выражение. Ледяные руки сжали её горло и вдавили в стену. Кирпич крошился и трескался, пока она пыталась бороться за свою жизнь. Впервые за века Настасья ощутила настоящий ужас и беспомощность. Существо было значительно сильнее её.

— Где он? — хриплым и уже совсем неприятным голосом произнёс её противник.

— Кто ты такой? Что тебе нужно? — прошептала Настасья, пытаясь вырваться.

— Реверди. Где он? — глаза создания горели безумием.

— Пошёл ты. На тебя будут охотиться...

— На меня уже охотятся. Скажи мне, где он! Я не убью тебя. Я сделаю с тобой вещи, куда более страшные, чем смерть. Где он? Отвечай.

— Я не знаю, — прошептала Настасья, её взгляд выхватил в глубине переулка тело молодого парня с оторванной головой.

— Так и я думал.

Челюсть создания раскрылась, обнажив ряды острых надломанных клыков, и обрушилась на её шею и плечо. Кости треснули, тело пронзила резкая рвущая боль. Настасья тихо вскрикнула и попытался вырваться. Но без толку.

Охотник опустошал её, быстро отнимая жизнь и кровь, текущую в её венах. Она боролась до самой последней секунды, кричала и плакала, пока не ослабела, и тьма не поглотила её, на этот раз навсегда.

Медитация II. Колесо

Йован как-то слишком легко принял перемены. Может, не осознал ещё. Просто плыл по течению. Очень спокойно и детально он рассказал Таре события последних недель. Тара внимательно слушала его, сверяла его показания с отчётами и ритмично покачивалась. Ничего не оставалось, как пить отвратительный кофе и ждать. Отпуску с солдатами конец.

В кафетерии было шумновато, из-за нервов и стресса люди искали отдушину в разговорах или пытались узнать последние новости. После того как Йован договорил, Тара погрузилась в состояние на грани кататонии. Смотрела в одну точку и не реагировала на происходящее. Кофе сделало Лиам бодрым, сидеть и ждать стало сложно. Йован вскоре ушёл по своим делам. Спустя полчаса Тара неожиданно вернулась в мир.

— Где агент Видович? — осмотрелась она.

— Понятия не имею. Называй его Йован. А меня Лиам.

— Принято, — безразлично ответила она и резко встала. — За мной.

Из кафетерия они поднялись на второй этаж, где Лиам ещё не был. Какие-то офисные помещения.

— Здравствуйте, — вежливо обратилась Тара к администратору архива, — мне нужны все материалы по инцидентам с богами, внетелесными демонами, колдунами высшего уровня и их аватарами.

— Как это все? — глаза сотрудника архива поползли вверх.

— Всё, что есть, — отстранённо проговорила Тара, не встречаясь взглядом с администратором архива. — Я займу самый последний стол. Начинайте таскать.

— Уровень... доступа?.. — пробормотал шокированный администратор.

— Высший. Старший агент Тара Джонс. И ещё. Старые документы в оригинале. Не оцифрованные.

— Но... зачем? — глаза администратора всё больше округлялись.

— Что-то могло потеряться при оцифровке, — уклончиво ответила Тара.

Администратор архива и два помощника начали заваливать стол и всё помещение читального зала стопками книг, записок, дел, отчётов и древних манускриптов, постранично заключённых в оболочку из твердого прозрачного пластика.

Тара вела себя ещё более странно, чем при встрече. словно искала, какую-то забытую вещь среди сотен тысяч страниц. Определённую и совершенно конкретную вещь. Она брала книгу, пролистывала её и, в большинстве случаев, откладывала в стопку, которую сразу же уносили два запыхавшихся помощника. К манускриптам она относилась с великой осторожностью, всматриваясь в них дольше, изучала саму текстуру материалов. Это очень сберегло нервы администратора. Он не хотел передавать такие ценности в чужие руки даже на мгновение и не спускал с неё глаз.

— А мне что делать? — потрясённо спросил Лиам, наблюдая за их работой.

— Два сникерса. Двойной американо с двойным сахаром, яблоко, четыре маленьких редбула.

— Эм. Ты хочешь, чтобы я принес тебе еды? — удивился Лиам.

— По списку, — уточнила Тара.

Ну ладно. Лиам побежал потрошить торговые автоматы и буфет. Яблоко пришлось выпрашивать у ребят в казармах. И почему ему попадают только странные женщины? Уна,

где ты сейчас?

Спустя полчаса Лиам вернулся и выставил угощение на стол, по списку. Ему показалось, что так будет правильно. Тара лишь кивнула и снова погрузилась в изучение литературы. Очевидно, полковник знал, кого ставит к ним в команду. Она что-то вроде гения. «Савант» вспомнилось Лиаму слово.

Тара решила обосноваться в архиве надолго. На всякий случай Лиам остался, занялся гимнастикой и бегом. Когда сил не осталось, он удалился на противоположный конец зала, лёг на живот и расставил ноги врозь, будто бы собирался стрелять. Это успокаивало, ведь раньше в подобных позах он мог провести часы и один раз даже сутки. Лиам следил за Тарой и не выпускал её из поля зрения. Но сон подкрадывался и хотел забрать его себе.

— Ты! Ко мне, — вдруг позвала Тара.

Лиам с трудом поднялся и на затёкших конечностях приковылял к ней. Судя по запаху от Лиамы и внешнему виду Тары, они провели в архиве часов двадцать.

— Плотность, — заявила Тара.

— Плотность? — не выдержал Лиам почти минутной паузы.

— Плотность. Выше плотность. Плотность поля, которое организует материю. Поэтому оружие практически бесполезно, — Тара задумалась на минуту. — Но, в то же самое время, напряжённость непостоянна. Вероятно, требует контроля и концентрации. Защита носителя телекинетическим полем. Его сознание близко к человеческому, потому что находится в теле человека, и часть ограничений нашего мозга распространяются и на него. Вероятно.

— Ты говоришь загадками.

— Если необходима защита носителя, значит, носитель уязвим. Значит, можно уничтожить. Нужны лишь достаточные усилия и условия.

— Я не понимаю тебя. Говори нормально.

— А хочешь? — Тара внезапно улыбнулась и почти посмотрела ему в глаза, но тут же опустила голову.

— Ну, было бы не плохо, — зевнул Лиам, растирая окаменевшую шею.

— Аватар — это воздушный шарик. Красный и забавный. Пока оболочка шарика цела, он может летать. Но если её повредить, всё содержимое уйдёт в атмосферу, потеряет свойства и форму. Но аватар не глупый воздушный шарик. Он не хочет терять свою форму. Ему не удалось сделать поверхность прочнее, чем разрешено физикой его тела, но он может постоянно восстанавливать её. Нужно лишь проделать в нем такую дырку, которую он не сможет восстановить. Теперь понятно?

— Все еще нет...

— То, во что ты стрелял тогда — это лишь тень, которую отбрасывает настоящий враг. И ты стрелял по нему пластиковыми шариками из детского пистолетика. Тень — лишь отражение состояния его более тонкого тела, до которого нам надо добраться.

Лиам грустно вздохнул и непонимающе покачал головой.

— Иди спать, Лиам. Мне ещё нужно выяснить смысл его посланий, — мягко сказала Тара. — Ты должен быть сильным. Аватар может и не быть главной угрозой. Он лишь ярко-красный воздушный шарик. Сколько детей успело увидеть его и возжелать?

— Ну как ты, кэп? Устал заниматься хернёй?

Йован вломился в один из кабинетов офицерского состава Военного Отдела и нашёл чудом выжившего после бойни капитана.

— Что у тебя? Тебя разве допустили до работы? — капитан был не очень рад видеть Йована.

— Всё со мной нормально. Есть одна зацепочка. Телефончик у меня тут в руке, похоже, имеет отношение к последнему... бедламу. Предлагаю дойти до связистов, выследить все контакты и покататься по ним с группой твоих ребят. Ты командуешь.

Руки хватили Тару, её тащили по земле, она вырывалась, её били и пытались сорвать одежду. Она слышала мерзкий смех и комментарии. Тара сопротивлялась. Но она была слишком маленькой и слабой. Её били ещё сильнее.

Это было лишь мгновенным отголоском чего-то далекого, но Лиаму стало не по себе. Как и Таре.

Он стоял посреди больничной палаты на чёрном песке. Тара была явно моложе, ещё совсем подросток. Она была вся переломана. Её тело покрывал гипс и бинты, сквозь которые ещё сочилась кровь.

Над ней стояла молодая медсестра и сжимала в руках, клубок с нитью, старательно вытягивая ярко-красную нить откуда-то из пустоты. Затем она пропала и оставила Тару одну.

Не отрываясь, Тара смотрела на стену, покрытую странными надписями и карту большого города.

Шёпоты. Дирк Шёпот. Слайс Шёпот. Липз Шёпот. Трейн Шёпот. Дом. Спенсер Драйв Рид Плейс. Дуайт Плейс. Старая церковь. Планетарий. Дирой Джонсон. Тобби Джонсон Даниель Джонсон. Джошуа Джонсон. Даррен Джонсон.

Тара Джонсон.

На своем имени она споткнулась, по её щеке скатилась слеза, и она начала читать список заново. Очень плавно комната начала заполняться красными сполохами и зудящим протяжным звуком, становящимся всё громче и громче.

Сон Лиамы снова был прерван протяжным и повторяющимся писком. Снова это тревога. Иногда же нужно поспать, ну хоть немного. Три последовательных хлопка в коридоре и осыпавшаяся на лицо штукатурка в мгновение ока подняли его на ноги. Стреляют.

Так, броня на нём. Он так устал, что не стал снимать. Винтовка осталась в патрульной машине, при себе только пистолет. Раздалось ещё несколько хлопков. Лиам услышал женский крик, освободил оружие и осторожно выглянул в коридор.

Господи Иисусе, неужели этот псих решил нанести ответный удар и устроил бойню в здании? Как же крепко надо было спать, чтоб не услышать начало всего этого дерьма.

На этаже было тихо. Осторожно, стараясь не смотреть вниз, Лиам переступил окровавленное тело. Навстречу ему из боковой двери вылетел человек с ружьем и сразу же получил пулю в шею. Хрипя и только начиная пугаться, он упал на пол. Эти пули, и правда, делали с человеческим телом страшные вещи. От его шеи и ключицы практически ничего не осталось. Грязная одежда, неопрятность, оружие и «взгляд террориста» выдали в нем врага. Похож на оборотня из школы.

Это не аватар устроил резню. Хорошие новости. Людей убивать значительно проще. С практической точки зрения.

Ускорив темп, он стал продвигаться по коридору. Этот человек не мог пройти с оружием внутрь здания и спуститься на лифте. Значит, он был не один, и охрана здания

мертва, или же её хорошенько прижали. Нападавших много, и они неплохо вооружены — по той же причине. Вот только как быть с этой информацией? Поехать наверх и вступить в основной бой, или спасать людей, которых убивают на этажах? Подкрепление наверняка в пути и уничтожит всех агрессоров. Но пока они будут возиться, бойня внизу будет продолжаться. Спасать людей. Ниже только второстепенные помещения, склады, администрация, они почти не используются. Значит наверх.

Двери лифта открылись. Лиам не успел подготовиться. Его встретили и застали врасплох. На секунду он застыл, стискивая пистолет перед собой, ожидая, что его голова сейчас взорвется. Но тройка солдат по ту сторону двери также осталась спокойной и не нажала на спуск.

— Здесь всё, — прокомментировал один из них. — Ты с двенадцатого?

— Да. Там тоже всё, — отрапортовал Лиам.

— Поехали дальше.

На следующем этаже солдаты пошли направо, а Лиам налево. Было бы здорово, если бы кто-то прикрывал Лиама. Но, судя по их виду, им с трудом удалось выбраться с одиннадцатого. Они вряд ли были настроены разделяться.

В одном из коридоров он столкнулся с молодым пареньком, стоящим на коленях и сосредоточенно сующим патроны в помповый дробовик.

— Брось! — крикнул ему Лиам и взял его на мушку.

Паренёк на секунду застыл, но продолжил заряжать оружие.

— Брось! — повторил Лиам.

Паренёк дернулся, и его голова разлетелась от выстрела.

— Дерьмо, — процедил Лиам и переступил через тело.

Свет замерцал и погас, оставив гореть только красное аварийное освещение и люминесцентные вывески. Впереди тихо. Нет. Из глубины полутёмного коридора донеслись скребущиеся звуки. Что-то гулко упало на пол.

Из-за угла выплыла огромная знакомая фигура. Мышцы и шерсть вервольфа были покрыты кровью. Из раскрытой пасти свисала струйка красноватой слюны. Хищник упивался охотой. Голова его повернулась и смерила Лиама презрительным и даже весёлым взглядом. В глазах читался интеллект и осознание происходящего. Стоп. Так же не должно быть.

Лиам оцепенел. Вот и всё, приехали. Девять пистолетных патронов против полутонны мышц, когтей и клыков. Не убежать. Лиам — следующий.

Далее все развивалось очень быстро. Звериная эйфория сыграла с его врагом злую шутку. Пока он красовался перед Лиамом, тот уже принял решение. Щёлкнул рычажок переключателя на автоматический огонь. Время почти остановилось. Лиам прицелился и дал очередь в правое колено зверя. Не оценивая результат атаки, он выпустил пистолет из рук и бросился назад. Судя по низкому рыку за спиной, хотя бы одна пуля попала в цель. Лиам смог пробежать коридор и скрыться за угол — подвижность противника была снижена.

Ему удалось запрыгнуть в ближайший кабинет и захлопнуть дверь. Повезло. Учебный класс. Лиам перевернул первую в ряду парту и пнул её к двери. Затем он взялся за следующую. Спустя несколько секунд, под ударом когтистой лапы дверь лопнула, словно была сделана из бумаги. Но зверь не смог прорваться в класс. Учебные столы уже держали дверь. Узкий проход, хлипкая система листов переработанного дерева и алюминиевых

трубок, упёртых друг в друга и затем в стену.

Достаточно, чтоб задержать огромного монстра всего на несколько мгновений, которые Лиам не упустил. Сумел воткнуть нож три или четыре раза в его морду и отскочить. Лиам метился в глаза, но не попал. Лезвие лишь продырявило огромную голову и прижгло раны. Вся надежда на яд. Застрявший зверь заметался, парты не выдерживали, и зажатый в угол Лиам приготовился к последней схватке.

Автоматные очереди пронзили ноги и торс зверя, торчавшие со стороны коридора, и превратили его грузную тушу в фарш. Оборотень зарычал, заскулил и замер. Из его пасти обильно пошла тёмная кровь. На этот раз — его собственная. Солдаты с трудом вытащили тело оборотня из прохода и Лиам смог вылезти наружу.

— Ты кто такой? — спросил его улыбающийся солдат.

— Агент Гадот. Лиам, — перевёл дух Лиам.

— Похоже у тебя самые огромные яйца на этом этаже. Если я переживу этот день, с меня лучший стейк в этом городе. И башку этой твари я заберу с собой. Ей место в моем подвале на стене.

Больше с солдатами Лиам не расставался. Лишь только вернулся до тела паренька и подобрал дробовик. В сумке у него было с сотню патронов и пластиковая взрывчатка. Похоже, они собирались взорвать здание.

Солдаты хранили в своих спальнях и привычных местах внушительный боезапас. Это дало им шанс перевернуть ситуацию на нижних этажах. Но Лиам всё равно рвался на шестой. В оружейную. Если противник её захватит — им конец.

С девятого по шестой было не особо жарко. Девятый вообще оказался не тронут. Тут спряталось много персонала. Про него, похоже, забыли. На восьмом они застрелили ещё двух нападавших. На седьмом всё было кончено не в пользу Ордена.

Шестой же этаж напоминал ад. Арсенал стал основной целью. Но Кейб, его ребята и гарнизон охраны были не просто готовы к нападению. Они его ждали. Жаль только, им запрещено было покидать этаж и участвовать в основном сражении.

Пока нападавшие раскидывали и отстреливали охрану, Кейб и его команда успели перетащить к грузовым лифтам и лестницам автоматические турели и поставить растяжки.

Как только створки открылись, турели открыли огонь. Оба лифта в мгновение ока превратились в решето. Почти все, кто там был, погибли мгновенно. Те, кто смог сделать несколько шагов, подорвались и были добиты плотным огнём гарнизона охраны. Пара трупов была зажата в страшных капканах. Этаж под контролем.

Кейб сразу же кинул Лиаму штурмовую винтовку и разгрузку, набитую магазинами и гранатами. Пора наверх.

Верхние этажи пострадали сильнее. Нападавших были десятки. Люди, оборотни, демоны. Ни у кого из группы Лиамы не было причин брать пленных. Все, кто отличались от посвящённых, получали град свинца и контрольные выстрелы. Когда всё заканчивалось, из кабинетов выходили перепуганные выжившие. Чем выше поднимался Лиам, тем больше вокруг него становилось выживших солдат. Они уже делились на группы, определяли командующих, выстраивали цепочку снабжения из арсенала, пытались выйти на связь и разобраться с ситуацией, требовали подкрепления и шли на помощь.

Архив был разворочен и пуст. Как и помещение штаба. Следов Тары нигде не было. Лиам забеспокоился. Они почувствовали, что Орден уязвим и напали? Или же кто-то из Ордена приблизился к решению вопроса с их «лидером», и они не могли этого допустить?

Наконец, они оказались на первом этаже. Больше часа здесь шел ожесточённый бой. Коридоры заполнились телами, кровью и гильзами. Но всё было кончено.

На улице Лиам вдохнул свежий воздух и оказался в разорённом муравейнике. Медики и спасатели оказывали помощь. Группы солдат прочёсывали здание и убивали последних выродков. Нескольких удалось взять в плен, и теперь они стояли на коленях с руками за головой. Фанатики. Безумцы. Убийцы. Террористы.

Полковник был легко ранен, и наряду с другими старшими офицерами и руководителями, теперь разбирался с последствиями атаки. Подкрепление прибыло со Второго и Третьего Отделения.

В тени Лиам увидел странного заторможенного человека с оружием наперевес, затаенного в серую военную, почти что зимнюю форму с маской, и чуть было не застрелил его.

— Ты чего? — остановил его любитель трофеев. — Спокойней. Всё закончилось. Это Серая Гвардия. Даже кровососы отправили помощь. Ну и бардак... И на что они рассчитывали...

Спустя ещё несколько минут прибыл и Йован. В подъехавших джипах зияли отверстия от пуль. От одной из машин была оторвана дверь, на остальных были следы когтей. Его перекосило от злости, он отмахнулся от Лиам и попытался застрелить пленников. Это вовремя заметили и скрутили кричащего серба.

Лиам оглядел позиции на улице, заваленную гильзами парковку, взорванную будку охранников у центральных ворот и горящие машины. Нападение было продуманным и организованным. Застали врасплох. Большая часть солдат, агентов и экспертов уехала: кто-то на расследование инцидента, кто-то патрулировать, кто-то в разведку. Остался лишь персонал, гарнизон охраны, агенты и солдаты с ночной смены.

Здоровенные пикапы и микроавтобусы проломил забор с четырех сторон и высадили десант. Всех, кто был на улице, перебили за секунды.

Группы быстрого реагирования, занимавшие посты в соседних зданиях, не успели помешать им. Завязался бой за первый этаж. Часть нападавших прорвалась в лифты и лестницы. Еще немного и Отделение бы пало. Чудом выстояли. Ценой многих жизней.

Рук не хватало, машины скорой помощи всё прибывали. Лиам хотел броситься назад, зачищать здание, но в этом уже не было необходимости. Он стал искать выживших и выносить их на улицу к медикам, или же, как мог, оказывал первую помощь прямо на месте. Много огнестрела и страшных рваных ран.

Скоро к нему присоединился рослый спокойный сержант с сединой в волосах. Он действовал уверенно и подбадривал Лиам, вдвоем работать было легче.

— С этой всё. Идем дальше, — тихо сказал он.

Лиам смотрел на лицо ещё живой, перепуганной женщины с разорванным горлом. Её глаза молили о помощи. Но крови было столько, что они бы не успели донести её даже до лифта. Лиам опустился на колени, пытаясь найти место, где можно было бы пережать артерию. Спустя секунды её взгляд стал стеклянным, и она выдохнула последний раз.

— Пойдем, брат. Ещё есть кого спасать. Как дела с аптечкой?

— Больше ничего нет, — мрачно отозвался Лиам, поднялся на ноги и заспешил вперед.

Вместе они вынесли ещё человек десять раненых с верхнего этажа. Пока они несли очередного, старый сержант совсем выдохся и осел на пол около лифта.

— Эй, ты в норме? — спросил его Лиам.

Сержант тяжело дышал и пытался снять бронежилет. Лиам помог. Сержант разорвал на себе рубашку, его грудь была иссиня-чёрной и вмятой.

— Так и знал, — тяжело дыша, сказал сержант. — Чёртова псина помяла меня. Есть игла побольше?

— Нет. Я быстро вниз. Сейчас вернусь.

Лиам спустился, помог вытащить парня с простреленным животом и почти силой затащил одного из медиков в лифт.

Сержант так и сидел около лифта. Его глаза смотрели прямо перед собой, он уже не дышал. Медик посмотрел на его грудь и только покачал головой.

— Он только что был жив! — закричал на него Лиам. — Делай свою работу!

— С ним все, прости. Даже если начну качать, он не доедет. Мне нужно идти, — медик бросился обратно в лифт и оставил Лиам одного.

Лиам выволок с верхнего этажа парня с пробитой головой. Внизу его встретила уже знакомая, отчуждённая женщина-доктор. Внешне она была спокойна, но глаза выдавали панику и ужас. Лиам осторожно положил на землю парня, доктор осмотрела его, заметила расширенный зрачок, поставила ему на лбу крест маркером и пошла к следующему. Не жилец.

Рослый сержант с седыми висками вышел из здания и хмуро посмотрел на Лиам. Он что-то говорил, но его не было слышно, как будто у телевизора выключили звук. Лиам только покачал головой. Прости, брат.

Хорошо, что город эвакуирован. Скрыть такие события было бы сложновато. Лиам снова таскал мешки. Пытался считать их, просто так, для себя. Чтоб убедиться, что всё не так плохо, как в прошлый раз. Хотя бы не сотни. После горячки с эвакуацией раненых он немного успокоился, но такая работа настроения не поднимала.

Когда силы кончились, Лиам поднялся на второй этаж, подальше от людей. Он зашел в ближайший кабинет хотя бы на минутку, отдышаться. На этаже было тихо, Лиам подумал, что он один. В глубине кабинета мелькнуло движение, и пистолет вылетел из кобуры.

— Ты жива! — чуть не выкрикнул Лиам.

Он думал, что хрупкая Тара в одном из мешков. Но она сидела на первой парте учебной аудитории, вся обложенная книгами.

— Верно. Меня отвлекли, — не отрываясь, заявила она.

— Отвлекли? Я волновался! Люди погибли.

— Верно, — безучастно ответила она.

— Там всё разворочено. В архиве. Я думал, тебя нет.

— Я могу за себя постоять, — спокойно ответила она. — Не мешай.

Лиам снова принёс Таре продуктов по списку. На вид она была спокойна, но её выдавала мелкая дрожь. Или это усталость. Тара заметила на одежде капельку крови, расстроилась и долго боролась с ней при помощи моющего средства, воды из раковины и тряпки. На её одежде было достаточно много розовых пятен. Одна из её штанин была разорвана. Но она молчала и не рассказывала.

Лиам немного полежал на полу, перевёл дух, посидел, попил водички и, когда ему стало лучше, встал. Его внимание привлек странный плакат. На нём был изображен силуэт человека. По вертикальной линии внутри него располагались семь разноцветных точек. Над силуэтом располагался ещё один более широкий, с нечеткими контурами, за ним еще один и

ещё один. Последний напоминал сферу.

— Что это за хрень? — вырвалось у Лиама.

— Человек с точки зрения биоэнергетики, — посмотрев на плакат, ответила Тара.

Она встала, сделала несколько наклонов и, разминая шею, подошла к плакату.

— Разноцветные точки — это чакры. Ты о них слышал. То, что выходит за рамки силуэта — его тела. Астральное, эфирное, ментальное, кармическое и так далее. Аура или биополе. То, что мы из себя представляем, на самом деле.

— И как это все работает? — Лиам понял — ей надо отвлечься.

— Чакры — это центры, отвечающие за энергетический и информационный обмен внутри тела и снаружи. Влияют на работу органов и психику.

— А. Вспомнил, мне уже это говорили. Хрень.

— Почему хрень? Это уже научный факт. Вот, например, шестой центр, Аджна. Расположен между бровей. Ответственен за ясновидение. Человек с развитой шестой чакрой способен видеть призраков, прошлое и будущее. А это — вторая чakra, Свадхисата. Отвечает за половое влечение и выражение чувств. Неплоадки с ней приводят к наркомании и алкоголизму. Ничего не напоминает?

Лиам заткнулся.

— Давно у тебя была женщина? Ты постоянно тревожишься. Прячешь свои чувства, отрицаешь их. Так ведь? — со сталью в голосе произнесла Тара.

— Эм, прекрати. Откуда ты все это знаешь? — Лиам поёжился и снова указал на плакат.

— Я не знаю. У меня мнемоническая память. Когда-то попало на глаза, — спокойно ответила Тара. — Пятая отвечает за голос и способность выразить мысль. Седьмая — связь с космосом. И так далее. Я запоминаю всё, в том числе и этот разговор. Навсегда.

— Ого. И как ты с этим живёшь?

— Некоторые вещи бы не хотелось запоминать, — странно сказала Тара.

В её голосе послышалась боль и сожаление. Тара ещё немного размялась и вернулась изучать материалы.

Убедившись, что ей больше ничего не нужно, Лиам спустился и вышел во двор. Работы было ещё много.

«Код — чёрный», — в первый раз за время службы голос в динамиках ломался и дрожал.

Медитация III. Песок

— Второе и Седьмое Отделения потеряны. Бойцы Второго и Третьего Отделения немедленно вернуться! Ожидается продолжение атак. Связь с базой Ордена-II потеряна. Бойцы Первого Отделения! Немедленно прибыть к подножью горы Геф, оказать поддержку. Если можете...

Послышались ругательства. Лиам протёр глаза, поплёлся к джипу и забрался на заднее сиденье. Вести машину он был не в состоянии. Кто-то из солдат занял место водителя. К ним в машину прыгнул один из майоров. Он не был ранен, но с трудом держал себя в руках.

Пока они неслись по опустевшему городу, Лиам набивал магазины патронами из ящиков и готовился. Вот он и снова на войне. Как быстро всё поменялось! Полковник не шутил, когда говорил, что тут будет горячее, чем на Востоке.

Серпантин предательски извивался, джип кренило на поворотах. Ещё немного и они перевернутся.

— Готовность! — прокричал водитель, и Лиам увидел очертания базы.

Часть заборов была снесена, КПП подорван, несколько тел на дороге. Водитель не стал их объезжать, вжал газ до упора и проехал прямо по ним. Скулы Лиама сжались, когда колёса подпрыгнули.

Важно дышать правильно. Не давать всему этому давлению выводить тебя из равновесия. Дыхание — это один из ключей к выживанию в любой тяжёлой ситуации. Нельзя расходовать воздух на панику, сбивать ритм. Воздуха может не хватить, когда тебе надо будет бежать, прыгать так высоко, как ты можешь, или терпеть боль. Дыханье — это ключ к холодной голове, когда ты будешь полностью сосредоточен, готов ко всему и заметишь всё, что может убить тебя. Твои руки будут твёрдыми, и ты сможешь отреагировать вовремя.

Визг тормозов. Голова Лиама ушла в переднее сиденье и тут же откинулась назад. Не разгибаясь и выставив вперёд винтовку, он покинул транспорт.

— Контакт! — что есть силы закричал он.

В таком хаосе важно слушать и оперативно передавать информацию своим товарищам. Человек в гражданской одежде бежал на машину. Короткая очередь попала ему в грудь и бедра, он сделал ещё пару шагов и зарылся в землю.

Лиам повернулся, его внимание привлек шаркающий звук. Ещё один гражданский пробежал рядом, не обращая на Лиама никакого внимания. Он пытался уйти в противоположную от горы сторону. Лиам вскинул винтовку и пустил ему пулю между лопаток. Человек замедлил шаг, сложился вдвое, прошел ещё немного и упал на живот.

У него не было оружия или сумки со взрывчаткой. Лиам выстрелил, потому что за забором военной базы не должно быть посторонних.

— Чисто! — крикнул Лиам.

Больше никто не двигался и не стрелял. Они опоздали. Всё было кончено. Но не в пользу их врагов.

Гарнизон, дежуривший на улице, не был основным средством защиты подземной базы. Он существовал для отвлечения внимания и легенды. Разведка противника не знала, насколько хорошо была защищена база.

После прорыва периметра большая часть внешнего гарнизона успела отступить к

укреплениям. Нападавшие устремились к горе, на штурм. Под огнём орудий их отчаянная атака захлебнулась в секунды. Тела лежали почти ровной цепочкой на расстоянии метров ста от входа в гору. Они просто не смогли подойти ближе.

Гора извергла разгневанный личный состав и технику, которые уже шли навстречу ненужному подкреплению. Вперемешку с ругательствами раздавались команды, джипы и БТРы на всей скорости покидали базу. Прочесать окрестности и не дать уйти ни одному из наглецов.

Лиам опустил винтовку, вернулся к машине за майором и вызывался его сопровождать.

— Что это за фанатики? — бросил один из офицеров гарнизона майору после того, как они пожали руки.

— Пока не знаем. Нападения по всему городу. Я с Первого Отделения. Много погибших, — отрапортовал майор.

— Увольте своего начальника охраны. Моих ребят тоже положили! Чем вы там вообще занимаетесь?! Ваша задача контролировать город, — отчитал его начальник гарнизона.

— Пока обойдусь без комментариев, — в голосе майора проступили ледяные нотки.

— Мой руководитель в ярости! Если ситуация не изменится, военная группировка будет усилена в этом регионе. Значительно! Наведите у себя порядок.

— Не сомневайтесь, — заверил майор.

Вдруг начальник гарнизона заулыбался и ткнул в бок одного из своих сержантов.

— Ты это чувствуешь? Эту вибрацию. «Арэс» заработал. Чёрт, мы даже посмотреть не успеем! Какие же они тупые. Первый раз в этом году пытаются.

— Что там у вас? — напрягся майор.

— Попытка прорыва нижнего периметра со стороны Врат или подземного города. Не волнуйтесь, там сами справятся. Осталось самое страшное, — начальник гарнизона драматически замолчал и засмеялся. — Принести главному снабженцу список расстрелянных «Арэсом» боеприпасов. Так его и инфаркт хватит однажды.

— Ну и денёк, — буркнул майор, посверлил взглядом смеющегося начальника гарнизона и пошёл к машинам.

Лиам осмотрел ещё раз место боя и устремился за майором.

— Сэр, — обратился он к майору. — У них такое часто бывает?

— Нет, но они были готовы, в отличие от нас, — зубы майора так и скрежетали.

Пока отряд возвращался в город, Лиам слушал переговоры майора и начальства. Система дала сбой, и к людям вроде майора появилось очень много неприятных вопросов. Лучше бы их подкрепление отправили во Второе Отделение. Его удалось подорвать. Седьмое почти пало. В Третьем такая же обстановка, как и у них. Несколько сотен погибших, тысячи раненных. Военный Отдел округа пока не вмешивался, но отправил в Нью-Геф три полевых госпиталя и несколько сотен спасателей и медиков. Авианосец «Джеральд Р. Форд» в сопровождении тяжелых ракетных крейсеров начал движение в сторону акватории города.

Лиам вернулся в расположение своего Отделения, ещё долго наводил порядок и помогал превратить его в крепость. Погибло около пятидесяти человек, в пять раз больше получили ранения, в том числе и тяжелые. И это только в Первом.

Усталого Лиам оторвали от работы и повели на допросы, учиться действовать «по-Йовански». Впервые за время службы он отказался. Его отчитали и снова отправили на уборку.

Проходя по первому этажу с ведром и тряпкой в руках, Лиам застыл у входа в

«морозильник». Что-то нашептало ему открыть дверь. Иниго был ещё там, о нём забыли.

Лиам взял из стопки на улице один из черных мешков, освободил парня от оков и долго пытался поместить его в полиэтилен. Тело окоченело и Лиаму пришлось взять мешок самого большого размера. Один из солдат помог перенести тело в морг. Лиам вернулся и ещё час отскребал свернувшуюся кровь в морозильнике.

Пережившие бойню нервничали и говорили только по делу. Спустя пару часов в коридорах начали появляться первые слухи с допросов.

В плен сдались немногие, нападавшие осознанно шли на смерть. Их готовили в лагерях по всей стране. Они давно изучали город и работу Ордена. Их силы не были замечены по абсолютно дурацкой причине. Разведчики прибывали в город медленно, по одному, устраивались здесь на работу и спокойно жили, ожидая своего часа годами, собирали данные и разрабатывали планы. Основные же силы противника не пользовались ни машинами, ни автобусами, ни поездами, ни самолетами, ни кораблями. Они не попали в поле зрения системы наблюдения. В паре десятков километров от города, под прикрытием леса, они построили свой лагерь. В день атаки, прикрываясь лесной полосой, они пришли в город пешком, маленькими группами, и смогли ударить неожиданно. Времена, когда кто-то открыто противостоял Ордену, казалось давно прошли. До этого момента.

С ещё неясными целями они попытались захватить подземный город. Вероятно, хотели пройти по нему и нанести удар по горе снизу. Плохая идея.

— Что видишь, Нова? — Франк присел рядом и посмотрел ей в глаза.

— Много чего. Ещё бы понять, как это описать, — устало ответила Нова.

— Посмотри на меня, — Франк снова попытался привлечь её внимание.

— И?

— Что видишь?

— Придурка, если честно, — начала сердиться Нова, в такие моменты её носик смешно сморщивался.

— А я вот вижу нашу свадьбу и деток, — улыбнулся ей Франк своей жутковатой улыбкой.

— Ой, отвали, Франк, — отмахнулась она.

— Вредина. Мне тут сидеть с тобой, а там хрен пойми что творится.

— Со мной можешь не сидеть. Твоя задача охранять Тайный Архив и его содержимое.

Словно бывалый уличный кот, покрытый шрамами, Франк разлёгся на столе и уставился в потолок.

— Твой колдунский отряд — полные мудаки. Чем они вообще занимаются? Сколько мне тут торчать?

— Всё бы ты понимал! Отвали, Франк. Не мешай работать.

— Работает она, — заворчал Франк. — Мне бы так работать.

Нова надулась и отвернулась. Франк улыбнулся и ещё раз окинул взглядом своеобразную, почти седую девушку. Обычно он флиртовал, чтобы повеселить себя. С такой-то внешностью шанс на романтические отношения был ничтожен. Но он ещё не встречал фриков-женщин на этой работе.

Нова владела ясновиденьем и могла смотреть вариации будущего. По её признанию этот дар никак не помог ей в жизни. Она не смогла разглядеть даже то, что сошлась не с тем человеком несколько лет назад. Побои и преследование, тяжёлый развод, судебный запрет,

срыв, психушка и прямой билет в Орден.

Этот жалкий городишка принёс много сюрпризов. Франк и не надеялся, что тут будет весело. Всё указывало на несколько скучных и размеренных месяцев в глубинке, он послоняется по окрестностям, выполнит пару мелких поручений и отправится дальше. Поможет со строительством подводной базы в Океании, посмотрит, что по другую сторону смертельно опасных Врат в Тибете, вытащит из глубокой дыры огромную тушу демона и протащит её до точки эвакуации к радости всего Отдела, как тогда, в Сахаре.

Но в этом захолустье, похоже, начинался Апокалипсис. Кто бы мог подумать. Никакого падения Эйфелевой Башни, никаких заполненных кровью каналов в Венеции или жуткой пустынной бури с тучами саранчи на фоне Египетских пирамид. Древний бог пробудился в сраном портовом городишке. О чём он вообще думал? С этого ли стоит начинать историю покорённого мира? Никакого вкуса.

Вот бы ещё раз с ним схватиться. Шансы совсем неравные, но это же только подстёгивает. Нужно взять лезвие побольше и решить проблему с его магическими читами. Посмотрим тогда, чего он стоит.

Но вместо этого нужно сидеть на этом чёртовом, воняющим рыбой, складе. А в городе полноценная заварушка, он бы там пригодился.

Штрасс отнёсся к их новому заданию очень серьезно. Задрот. Ему-то явно нравится сидеть и ничего не делать. Приказ, мать его.

Вот бы одним глазком увидеть, что в опечатанных ящиках. Все жуткие и опасные артефакты хранились в Тайном Архиве, в ведении Отдела Магической Защиты. Там должно найтись, что-то годное для окончательного решения вопроса. Для этого колдунцы и прибыли в город. Но почему медлят?

«Тайный Архив»... красивое название. Артефакты постоянно перевозили с места на место и пытались держать подальше от мест скопления иноземцев и других потенциальных халявщиков. Штрасс не выходил из подвала ни на секунду. Даже в туалет. Что само по себе, порождало весьма забавные теории о его руководителе.

Франк заулыбался, но быстро опомнился. Штрассу тоже досталось по жизни.

Мало кто знает, как его железный командир "потерял" лицо. Штрасс пережил встречу с йорогумо — чудовищным пауком, принимавшим обличие миловидной женщины. Штрасс никогда не делился подробностями, но, судя по слухам в Научном Отделе, история была не из приятных. Паучиха то ли пыталась сожрать его голову, то ли раздавить. После его собирали по кусочкам около полугода.

К семье он вернулся ещё года через полтора, пытался принять своё новое обличие. Вернулся и сразу же ушёл. Не вынес лица дочери. Когда они встретились, она испугалась и спросила, где папа.

Традиционно для уродцев, Штрасс попытался утопить горе в алкоголе. Но алкоголь на них не действовал, нужно было пить больше своего веса. Крепкий ублюдок не сломался. Вернулся на работу, стал бичом и ужасом для тварей, что сами обычно внушали ужас. Посылал на три буквы начальство, отказывался от стабилизирующих психику и обезболивающих препаратов и шёл в бой, как только была возможность. Брал по всему миру самые трудные дела и шёлкал их, как орехи. Рвался пройти сквозь Третьи Врата, тамошних приключений хватило бы надолго. Начальство было довольным и не ожидало получить настолько мощное средство в свой арсенал.

Франк присоединился к нему чуть погодя. И даже Вольк не испортил их статистику и

результаты. Странная удача — всё должно было привести к очередной трагедии. Но нет, программа продолжится, и скоро их семья пополнится новыми уродливыми членами. Хоть будет с кем поболтать. Штрасс вряд ли перестанет быть таким одержимым букой, но со временем может и примет новый дом.

Франк снова пошатался по территории, проверил улицу, посмотрел последние новости, повздыхал и снова поднял себе настроение, разглядывая Нову. Видя его излишне заинтересованный взгляд, скользящий по телу, Нова разозлилась и заперлась в своей части офиса. Скучно без неё. И пиццу никак не заказать. Консервы уже не лезут.

Сам «Колдунский Отряд», как его прозвал Франк, был сборищем фриков. Ещё хуже, чем Научный Отдел. Люди, за очень-очень редким исключением, не обладали никакими значительными способностями. Основной ударной силой были уродцы, согласившиеся работать на Орден. Зачастую преступники и беглецы из своих миров. Осознавать, что ты не самый страшенький в здании, было приятно и поднимало настроение.

И эта Нова. Ух, давненько в нем не просыпались такие смертные чувства. Она ещё морозится, но это осадок от её предыдущей жизни.

Скорей бы убить эту тварь, и взять недельку отпуска. Свозить Нову подальше от города, где никто не будет на них смотреть.

Франк страдальчески вздохнул и потянулся.

Этот взгляд Йована... Жалко Криса, хороший был парень. От новичка выйдет толк, если доживёт до достаточного количества опыта. Сколько их ещё заруют в землю и кремируют. Или порежут на части во имя науки. Не зря ему Йован дал в морду. Но хер бы он отдал тело.

Когда ты уже умираешь, всё это кажется не таким значительным. Да, привет, так всё устроено. Но раньше это не так задерживалось в голове. Лучше было остаться в том гнезде с трупоедами в Индии. Тогда было так пофиг на всё.

Франк вздрогнул, услышал шорох и бесшумно перемахнул через перила. Гостей они не ждали. Молодой парень внизу испугался и выронил сумки, из одной выкатилась бутылка вина, и показался краешек белой упаковки от пиццы.

— Я люблю тебя! — Франк заключил парня в стальные объятия, вытащил язык и оставил ему на щеке мокрый след.

Новобранец был близок к обмороку, но вырвался из его объятий.

— Ну ты и свинья! — закричал он, вытирая лицо.

— Ты мой мускулистый, отважный спаситель! Я навечно у тебя в долгу и могу расплатиться лишь натурой, — парень пулей вылетел через ворота и не услышал смех Франка.

Агент Штопаный, как его называли за глаза, окончательно растрогался, достал телефон и засыпал чат Отдела Снабжения смайликами и признаниями в любви.

— Нова! Открой. Ты не поверишь, что у меня есть! — постучался он в дверь.

— Простите, господин. Мы проиграли, — Настас опустился на колени у тела Дэвана.

— Не имеет смысла. Ты так и не понял, носитель Зверя, несмотря на то, что я показал тебе. Сражения в этом Плане бессмысленны, война ведётся в умах. Здесь её не выиграть.

— Да, господин, я понимаю... Мы можем ещё снять видео и привлечь сторонников, — молил Настас.

— Нет, — жуткое дыхание, исходящее из уничтоженных пневмонией лёгких Дэвана, разносилось по подземному бункеру. — Я уже понял этот язык и эти энергии. Скоро все

услышат меня. Каждый смертный узнает. Но сначала я встречу со своими настоящими противниками.

— Позвольте хотя бы сменить Вам одежды, — упал на колени Настас.

— Ты думаешь не о том, проклятый. Скоро ни одежда, ни тело не будут тебе нужны.

Там, куда мы отправимся, всё по-другому. Скажи мне, ты открыл мое имя?

— Нет, господин. История его не сохранила. И имён ваших родителей тоже. Это было слишком давно.

— Хорошо. Имена тоже не нужны. Это тело требует их, без слов языка оно не может существовать. Глупость.

Настас поклонился и вышел. Чёртов Баал. Чёртов Орден. Так или иначе он покинет эту тюрьму. Может быть, стоит ускорить этот процесс. Не важно, останется ли он тут на время триумфа или нет.

Его друг из темноты изменил его жизнь, и он навсегда в долгу. Как жаль, что тебя уже нет, Лилуай. Ты тоже узнаешь правду, ты найдешь, сколько бы миров не пришлось пройти. Ты снова будешь на расстоянии руки, но на этот раз ничто не сможет помешать.

Семьдесят шесть лет после его второго рождения. Как же сложно было пронести через всю эту жизнь благодарность за ту дождливую ночь. Искать по всему свету таких же.... тех, кто услышал хотя бы один раз. Тех, кто бы понял.

Духи леса, камней, земли, воды и ветра больше не говорили с ним. Словно обиделись на то, что он перестал считать их значимыми. Их место занял голос, знающий всё истины, единственный, который понимал его и был ему равным.

Тот, что пришёл из бездны, вынес куда больше. Века в месте, которое было значительно хуже темноты, где оказывался Настас, когда выпускал Зверя. Не знавший любви, он любил их всех, словно родных детей. Он был готов перестать существовать, лишь бы устранить ошибку, на которой был построен весь огромный мир.

Как было не пойти за ним? Не повести других к этой цели? Столько лет потрачено, только бы не впустую. В следующий раз он всё забудет, и снова будет страдать. Сможет ли он ещё раз рыть могилу для своего сына, опускать в неё маленький сверток, кидать сверху землю, и врать его матери, что они справятся? Нет... только не это.

Враг так силён и защищает свой вид, будто он уникален и не является примитивной цепочкой превращений элементов. Глупцы. Пускай они рождаются в этих телах ещё по тысяче раз, прежде чем Всевышний решит, что они достойны чего-то большего. Может, в другой форме и лучшем мире им хватит сознания, чтобы понять. Но до этого не дойдёт. Колесо остановится для людей и затем для всех остальных. Тот, что пришёл из бездны, будет только набирать силу. Всё получится.

Настас поднялся и вышел к молчаливому лесу за городом. Скоро их найдут. Патруль почти подобрался к ним, и его не удалось остановить. Но это ничего не изменит. Господин слишком силён.

Зверь внутри боялся Настаса и его мыслей. Никогда еще Зверь не был таким жалким. Где-то в глубине он забился в самый тёмный угол и не выходил, даже если Настас звал его. Глупый щенок. Его братья были удачливее и нашли общий язык с Духами Волка. Найдёт и он, если эта шавка не желает, чтобы они снова стали камнем, в следующий раз.

Медитация IV. Цель

В какой-то момент сон все-таки настиг Лиам. Он слишком устал, чтобы запомнить его полностью. Теплые руки тянулись к нему и хотели зарыть его в рыжих волосах. Закрыть от всего этого. Мама.

Лиам проснулся и ещё крепче стиснул винтовку, которая покоилась у него на груди. На этаже было тихо. Он поднялся, размял затёкшее тело и оглядел свое спальное место — баррикады из мебели в углу подземного коридора. Лучше бы он добрёл до кровати.

В телефоне пусто. Никаких указаний. Центральной было непросто разобраться в произошедшем хаосе. Сейчас не до планирования смен.

На вызов Йован не отвечал. Где он сейчас? Всё ещё думает о мести? Нельзя потерять последнего из братьев. Вряд ли бойня дала ему остыть и что-то поменяла. Несколько минут Лиам разбирался в поисковой системе Ордекса.

Нужно было найти серба, пока он не натворил дел. Разобравшись с картой и нарыв личный идентификатор Йована, Лиам усмехнулся...

Серб выломал двери бара для военных, где они напились в прошлый раз. Он знал, что будет компания. Лиам отпустил патрульных, подбросивших его, и вошёл.

— Когда началась война, Крис был совсем мелкий, — прихлебывая из стакана, тихо сказал серб. — Да и я тоже. Отец до последнего не хотел оставлять дом. Всё не мог поверить. А потом стало поздно. Мы уже не смогли уехать. Ты бы знал, в каких тварей превратились боснийцы. Ещё вчера были соседями, а теперь врываются в дома, убивали нас и забирали всё ценное. Город можно было покинуть только пешком, бандиты были на всех дорогах. Мы прятались и сидели тихо. Постоянно кто-то стрелял, что-то гремело. Мы молились, чтоб случайная бомба не попала в наш дом. И чтобы никто не вломился. Отец не знал, что делать. Утром он оделся, взял с собой мать и сказал, что они вернутся через пару часов. Они пошли то ли искать продукты, то ли договариваться со знакомыми, чтоб нас вывезли. Я не знаю. Так они и не вернулись. Отец сказал мне напоследок: «Йован, ты за старшего, присмотри за братом, пока меня не будет». Крис был совсем мелкий...

Йован вздохнул и залпом осушил бокал. Бутылка была пустой, он перекинулся через стойку за новой, и налил себе до краёв. Лиам сел через пару мест и слушал.

— На третий день я понял, что родителей можно не ждать, и что мы умрём с голода. На улице шёл бой, где-то совсем рядом. Я чувствовал запах гари. Мы прятались в подполе. Несколько раз в дом заходил кто-то. Один раз даже спал на диване. Взять у нас уже было нечего, всё разнесли. А потом нашего дома не стало, и мы пошли искать еду по соседним домам. Я разбивал окна, прыгал внутрь и открывал брату дверь. Там мы спали. Много домов сожгли, на улицах лежали трупы и я старался, чтобы Крис их не видел. Мы уходили всё дальше и дальше. Я не знал, что делать. А потом я понял, что мы не одни. Я никого не видел, только слышал по ночам. Кто-то открывал двери домов. Двигал предметы. Ходил вокруг. Что-то искал, может нас.

Йован достал из кармана старую смятую фотографию, аккуратно развернул её и поставил на стойку. Братья в детстве. Йован налил ещё один стакан и поставил рядом с фотографией.

— И вот однажды пришёл полковник. Видел бы ты его, покруче тебя, перец. Молодой, глаза горят ещё. Человечище, — Йован закурил. — Война притягивает разных тварей. Хаос.

кровь, страх, смерть. Возможность делать то, что в их природе безнаказанно. Как я узнал потом, полковник охотился на кровососа. Что-то с тем бледным было не так, он совсем озверел. Убил всех местных вампиров и принялся за людей. Шерифов там у них не было. Чуть и до нас не добрался. Вот тебе и личная история. Его завалили по итогу, а полковник вывез нас в Штаты. Уж не знаю, что у него перемкнуло в голове. Разглядел что-то или совесть не позволили нас там бросить. Так было не принято. Нас хотели забрать и передать в службу опеки. Но передумали. Мы так кричали на них и дрались, не хотели уходить от полковника. Они нашли у меня под кроватью тайник с пистолетом, водой и шоколадками из кучи торговых автоматов, которые я выпотрошил по всей округе. Я был готов, на случай если бы что-то пошло не так. Они поняли, что мне уже не быть обычным ребёнком. И Крису тоже. Мы ещё пожили у полковника, а потом нас отдали в кадетский корпус. Вот было время-то! Я, наконец-то, отъелся, жрал от пуза. А Крис быстро стал таким, как сейчас. Я должен был приглядывать за ним... И на что я надеялся?

— Ты не виноват, — нарушил молчание Лиам.

— Виноват. Я знал, что этим кончится. Только я думал, что это я умру, но всегда смогу прикрыть брата. Какой же я дурак! Пуци ми курац! — выругался он.

В баре надолго воцарилась тишина. Лиам достал из бара бутылку пива, открыл её и выпил за брата.

— Ты знал, что Крис был настоящим засранцем? — рассмеялся Йован. — Ух, сколько крови он мне выпил! Созреть он начал поздно. Когда стукнуло восемнадцать, он начал исполнять на все бабки. Выпивка, сигареты, драки, женщины. Я чуть не поседел, разгребая за этим Ромео, все эти мрачные и страстные истории. Такой ранимый. Ты бы знал... А потом мы начали работать. Честно говоря, брату всегда было лучше меня в этих штуках. По первости я наделал много глупостей и принял много неверных решений. Но Крис всегда был рядом и присматривал за мной. Я не знаю, сколько раз обязан ему своей жизнью.

Йован потёр рваный шрам над ухом, в этом месте не было волос.

— Как-то раз... Гворх ударил меня по башке. Не знаю, как я выжил. Всё равно что кувалдой со всей дури огрели. Как моя черепушка не рассыпалась — загадка. Крис убил их всех и вынес меня оттуда на руках. Ему самому крепко досталось. На сломанной ноге тащил мою тушу до машины. Я очухался в госпитале через пару недель. Крис не дал отключить меня от аппаратов, они думали, что я уже овощ. Кормил меня с ложечки ещё полгода и учил заново ходить. Но это не самое смешное. Помнишь, я тогда изрядно осадил в резиденции у кровососов? Я парень не из трусливых, ты в курсе. Один раз я загнался и чуть не сделал в присутствии Криса нечто неправильное и, как я потом понял, постыдное. Не слушал, что он мне говорил и решил поступить по-своему. Он мне врезал, и я тебе клянусь, удар был покруче гворкха. Я чуть кони не двинул прямо там, Крис перепугался и чуть в штаны не напрудил. Опять очнулся в больничке, в этот раз только челюсть сломалась. Вот он здоровый был громила, а по нему и не скажешь, да?

Что-то мелькнуло в проходе, и пистолет выскочил из кобуры Лиама. Не глядя на их компанию, Тара прошла и села рядом с Йованом.

— О, а вот и ты, — поприветствовал её Йован. — У нас тут поминки, ты уж прости. Не знаю, как у тебя с алкоголем, но мы собираемся пить всё ночь. Не стесняйся, будь как дома.

Тара села рядом с ним, придвинулась ближе, неуверенно положила руку ему на плечо, крепко сжала и впервые посмотрела в глаза.

— Ты потерял близкого человека. Говорят, время лечит. Это не так. Рана затянется, но

шрам будет болеть и напоминать о себе. Так будет всегда. Тебе придется научиться жить с этой болью. Вставать с ней по утрам. Дышать с ней. Делать вместе с ней свою работу. Даже радоваться придётся с ней. Ты должен попрощаться и оплакать. И двигаться дальше. Такова жизнь. Со временем боль станет частью тебя, и ты начнешь забывать о ней. И когда ты забудешь о ней, ты снова почувствуешь жизнь.

— Я не хочу забывать, — на лице Йована выступили слезы.

— Ты и не забудешь его. Ты всегда будешь помнить. Но не то, как тебя сворачивало в комок, и душили эти чувства. Не то, что ты хотел с собой сделать, чтобы хоть на мгновение перестать это чувствовать. А то хорошее, что было между вами. Прими боль и пропусти её через себя, вдохни её. Смирись и прими. Она сильнее, чем всё, что ты чувствовал до этого момента. Но она очищает. Позволяет понять многое. Ценность каждого момента. Ценность другой жизни. Ценность страданий другого человека и ценность слов, которые ты можешь сказать ему.

Тара знала, о чем говорила. Лиам отвернулся и отсел от них. Слишком уж честно она делилась своей раной, и это открывало раны Лиаму.

— Тебе нужно занять себя чем-нибудь. И у нас сейчас как раз есть такое дело. Дело к убийце твоего брата. Он не остановится. Люди будут гибнуть, а живые будут страдать дальше так же, как и ты.

— Что ты узнала? — Йован вытер свои слезы, Тара резко убрала руку, встала, отошла и, успокоившись, продолжила.

— Немногое. Но все выглядит просто. Злой бог. Но я с такими ещё не сталкивалась.

— Что ему нужно? Зачем он пришёл? — встрял в разговор Лиам.

— А зачем ты пришёл? — Тара поставила его в тупик. — Смысл его посланий не особо ясен. Не было времени вникать и расшифровывать. Думаю, ему не нравится жизнь, сама её идея, и он хочет её уничтожить. Это вся необходимая информация. И как мы уже узнали, он нашел сторонников. Нужно его остановить. Это самое интересное.

— Прости, самое интересное? — Йован тоже не привык говорить с ней.

— Верно. Очень интересно, как человек сможет убить бога.

— Есть идеи? — Йован снова осушил стакан.

— Пока только одна. Нельзя пластиковой вилкой поцарапать стекло, нужен алмаз.

— И как нам это понимать? — Лиам подошёл к ней ближе.

— Никак. У меня алмаза нет. Может, есть у Магического Отдела.

— То есть, мы ничего не сможем ему сделать? — расстроился Йован.

— Верно, — ответила Тара.

— Убожище звонило. Франк. Чародеи в городе, говорит, со всеми своими волшебными палочками и боевыми единорогами. Он в охране, какой-то там архив ему поручили. Сказал, чтобы я не рыпался, и что они завалят ублюдка. Думает, что в городе станет жарко. Предложил нам свалить. Чёрта с два! Я хочу сам отвернуть ему голову. Пусть это будет последнее, что я сделаю.

— Так, стоп, — Лиам прервал ход его мыслей. — У него вообще есть слабые места какие-то?

— Верно.

— Так может озвучишь? — общаться с Тарой было тем ещё занятием.

— Могу. Моя аналитика может быть неверна. Он вынужден сохранять тело-носитель близко к первоначальному виду, по крайней мере, сейчас. Возможности ограничены

соответственно. Тело выступает проводником энергии. Слабая конструкция. Речь и мышление близки к нашим. Не может в полной мере контролировать свою силу из-за ограничений человеческого интеллекта. Тело может быть разрушено, но захватчик может бесконечно его восстанавливать. Если исходить из теории энергетического строения человека, главный энергетический узел, позволяющий накачивать ему тело-носитель — в районе затылка, чуть выше глаз. Если разрушить этот узел, аватар не сможет больше накачивать своё тело энергией.

— То есть нам необходимо отрубить ему голову? Так получается? Универсальное средство, — рассмеялся Йован.

— Верно. Если он даст это сделать. Есть шанс, что он способен перемещать свои энергетические узлы внутри своего тела. А если не способен, то скоро поймёт как это сделать. Поможет только полное уничтожение.

— Сбросить на него ядерную боеголовку? — хмуро спросил Лиам.

— Если у него окажется достаточно энергии, и это не поможет. Когда до этого дойдёт, будут сбрасывать бомбы, пока его энергия не кончится. И это сработает только в том случае, если самолеты или ракеты вообще смогут к нему подобраться. Теоретически он может поменять законы физики так, что бомбы не будут взрываться, сломав своим полем их защиту, как сломал защиту на людях во время операции на заводе.

— Мы можем проиграть, — опустил голову Лиам.

— Верно. Мы всегда можем проиграть. Жизнь очень хрупкая. Будем надеяться, у Ордена есть ещё средства для того, чтобы урегулировать этот вопрос. Магический Отдел владеет очень широким спектром инструментов, которые мне неизвестны.

Тара замолчала, отказалась от алкоголя и вскоре покинула их. Когда она выходила, в поле зрения Лиама попала знакомая тень в глубине бара. Мальчик погрозил ему рукой сжатой в пистолет.

— Мы можем встретиться, или Вы не в городе? — Лиам вышел на улицу и спешно набрал номер психолога.

— Секунду. А. Парень с призраками. Лиам. Конечно, можем! Но я не в городе. Тебя башкой приложили, что ли? Покажись-ка нейрохирургу. Я на Гавайях. *Пина колада* сама себя не выпьет. Что там у тебя? — донёсся с помехами голос.

— Всё становится хуже. И в городе, и виденья, — мрачно ответил Лиам.

— А что ты хотел? Ты живешь в кошмаре, — рассмеялась Мадалин в трубку.

— Простите.

— Я тебе уже всё разжевала. Мальчик не хочет причинять тебе вреда, сны тебя не изнасилуют. А в городе, да — жопа, похуже семейства Кардашьян. Работа у вас такая. А вот то, как ты ко всему этому относишься, уже в твоей тупой и непонятливой башке. Хочешь плачь, хочешь смейся. Твоё же дело. Сейчас не весело, понимаю, но и для сеансов разгрузки не время. Убей всех этих страшных ублюдков и засунь их туда, откуда они к нам приперлись. Потом приходи ко мне и плачься, как тебе было тяжело и страшно. Ты посмотри на себя со стороны. Кто был в пустыне под пулями? Кто в тёмном лесу перевёртыша завалил? Ты. Вот, кто есть. **СОБЕРИСЬ ТРЯПКА! ДЕЛАЙ СВОЮ РАБОТУ!** — завопила Мадиллин в трубку и завершила звонок.

Уже стемнело. Куда делся Йован, сознание Лиама не зафиксировало. Слишком много алкоголя. Переход на воду в разгаре вечера не дал особенного результата и не смог

нивелировать попытки залить кошмарность ситуации алкоголем.

Соображалось плохо. На всякий случай Лиам достал телефон, указал голосовому помощнику адрес Первого Отделения и попросил построить маршрут. Путь не близкий. Такси не вызвать, а у Военного Отдела есть задачи поважнее транспортировки пьяного агента. Значит, пешком.

Первого человека он убил в Афганистане в 2014. Мелкое бандформирование, что-то связанное с наркотрафиком. При обнаружении четыре боевика открыли огонь. Лиам стрелял в ответ. Триста пятьдесят метров, только неясный силуэт где-то там, далеко. Видеть лицо в перекрестье прицела было бы слишком.

Когда бой кончился, его отряд осмотрел пикап и импровизированное укрытие боевиков. У его жертвы было несколько ранений, попал не только Лиам. После смерти тело и лицо человека что-то утрачивают. Становятся каким-то искусственными и больше не ассоциируются с живыми. Но если они что-то теряют, то куда эта штука уходит? Закон сохранения энергии. Курс физики. Энергию нельзя создать или разрушить. Вся она уже была создана с момента образования Вселенной и теперь лишь переходит из одной формы в другую. Может быть, это относится и к сознанию?

Уна говорила — они уже встречались. Так и ощущается.

Первая цель совсем Лиама не беспокоила. Впереди были куда более страшные картины и испытания.

Воспоминания прервала нужда и он, удалившись от философии на приличное расстояние, справлял её в темном переулке. Район был не из приличных. То ли гетто, то ли промзона, серые стены, ржавые заборы. Вдалеке был слышен далекий гул грузового поезда. Оставалось идти километра три.

— Эй, амиго, ты заблудился? — окликнул его грубый голос.

Отлично. Этого ещё не хватало. Путь из подворотни заблокировали трое. Лиам собрался, застегнул ширинку и, пытаясь не шататься, пошёл к выходу из переулка.

— Эй, ты оглох?

Интересно, это тот случай, когда хотят поговорить, или же просто нужна причина, чтобы ударить? Вопрос о том, что эти парни делают в городе, и почему не уехали, останется риторическим.

Как только Лиам приблизился вплотную, первый громила замахнулся.

Это плохо. Может, кому-то и нравится помахать кулаками и получить пару раз по морде. Может, кто-то считает это плёвым делом, мужским занятием, игрой. Но это совсем не игра. Лиам понял это рано, ещё в интернате. Да, его били и всегда обходилось. Но одному из задир не повезло. Во время очередной драки за лидерство, или за что там они дрались, он упал затылком об бетонный пол и больше не поднялся. Тот, кто его ударил, даже не умел толком бить. Не обошлось.

Нет никакой разницы, каким образом на тебя нападает человек. С друзьями, с ножом, с пистолетом, с голыми руками, трезвый или под кайфом. Это всегда может закончиться плохо. Может быть, эти парни собираются всего пару раз ударить его и забрать бумажник. Или Лиам умрёт от первого удара, пробив свою голову о бетон. А может, они будут пинать его ещё полчаса, пока он весь не посинеет от побоев и не умрет от кровоизлияния в мозг, спустя несколько часов борьбы в больнице. Нет никакой разницы между этой дракой и боем в пустыне.

Доктрина крепости. Никто не имеет право посягать на его жизнь или здоровье. Всё

происходит медленно. Препараты или адреналин?

Лиам отступил и откинул голову назад. Разрыва дистанции оказалось достаточно, напавший не ожидал сопротивления и не был готов продолжать атаку. Лиам отрывисто шагнул вперёд и его кулак воткнулся в боковую часть шеи нападавшего.

Можно было ударить в челюсть. Но это не бокс, а уличная драка. Здесь нет бинтов и перчаток, удерживающих руку от перелома, нет шершавого мягкого пола. Можно поскользнуться, промазать или же ублюдок окажется слишком крепким. И достанет нож.

Поэтому бить надо наверняка, чтоб не встал. Глаза, горло, пах. Никаких волшебных приёмов из фильмов. В этом случае — горло. Опасный удар, способный вызывать отёк или повреждение гортани. Без своевременной и квалифицированной помощи — смерть. Поэтому Лиам ударил не в центр, а сбоку. Как правило, в такой ситуации люди перестают проявлять агрессию и сосредотачиваются на дыхании.

Второй парень попытался схватить Лиама, чем спровоцировал целый блок условных рефлексов. Лиам пригнулся, обхватил его за ноги, собрал их в кучу, оторвал от земли, выпрямил спину, вырвался вверх и вместе с ним упал на асфальт.

Ошибка. Не стоит ввязываться в борьбу на улице. Пока борешься с одним, второй может сделать что угодно. К счастью Лиама, его «тейкдаун» был отточен и отработан. Чуть больше секунды, даже с таким уровнем алкоголя в крови. Бросок может и выглядеть смешно по сравнению с эффектной вертушкой. Но только когда речь идет о контролируемом падении на мягкий мат. Когда ты умеешь распределять энергию и падать правильно. Когда же тебя швыряют с высоты полутора метров о твердый асфальт, ещё и прибавляя свой вес — это совсем другое дело. Вторым нападавшим словно сломался, сразу же перестал двигаться. Ударился головой и потерял сознание. Плохо, надо быть аккуратнее.

Неловко и слишком медленно Лиам поднялся и вспомнил о третьем. Он уже копался, заведя руки за спину. Значит, всё-таки нож. Сколько бы он успел нанести ударов в спину, пока Лиам лежал на прошлом противнике, если бы тот был пошустрее и начал бороться?

Нападавший и не думал защищаться или вставать в стойку. Просто пытался что-то выхватить из-за спины. Лиам широко шагнул и вложил весь вес тела и всю скорость в почти идеальный удар ногой. Прямо в пах.

Этого парня можно было пожалеть, но Лиам побежал. Нелепо, медленно и шатаясь. Глупо было переоценивать свои силы, несмотря на все тренировки. Нападавших было трое, и пока они лежали, Лиам мог убить их голыми руками или тем, что найдет в переулке. Но это было неправильно со всех точек зрения. Он не станет этого делать, и оставаться с ними тоже плохая идея. Слишком мало контроля и слишком много переменных. Он бы побежал ещё до драки, если бы в переулке был другой выход.

Сердце неприятно билось. Физическая нагрузка и алкоголь плохое сочетание. Лиам пробежал пару кварталов, перемахнул за мелкий забор и застыл в кустах и мусоре. Погони не было.

Немного переведя дух, Лиам встал и пошёл на базу. Мышцы спины неприятно пульсировали. Алкоголь всё ещё накатывал волнами, мешал дышать, сохранять равновесие и быстрый шаг. Не стоило так напиваться. Никогда это не кончается ничем хорошим. Почему он всегда забывает, снова и снова повторяет эту ошибку?

Медитация V. Свет

... Было уже четыре утра, когда управляющий Адар вернулся в своё поместье за городом. День был не из простых. Адар поднялся на второй этаж и зашёл в свой огромный кабинет. У лакированного деревянного стола он остановился и налил себе большой бокал холодной водки.

Лабиринт мыслей выстраивался в его голове. Телефон зазвонил. Он сел два часа назад и до этого момента не подавал признаков жизни. На экране не было ничего кроме заставки и значка зеленой трубки. Нельзя отменить такой вызов.

— Да, Учитель, я слушаю. Нет, всё ещё разбираемся. Не думаю, что будут затруднения, просто давно не сталкивались с угрозой такого уровня, не волнуйтесь. Да. Сурийское направление развивается удачно, через четыре года будут доставлены первые образцы, и мы сможем начать производство. Мы планируем наладить каналы снабжения в течение года и сделать их регулярными. Нет. Почему такая срочность? Поддержание транспортных порталов слишком затратно. Лучше наладить авиалинии. Нужно время на корректировку конструкций самолетов под другие условия. У меня не хватает людей, говорю же. Нет. Вы от меня что-то скрываете? Не будете отвечать? Собираете Ковен? Что, ожидаете Третью мировую?

Разговор пришлось прервать. В воздухе запахло озоном и серой, стены, потолок и пол его кабинета начал покрывать узор из магических символов. Они наливались красным и выгорали. Чуть запрокинув голову вверх, Адар наблюдал, как магическая защита его кабинета истончается и сходит на нет.

Свет на секунду моргнул и неожиданно явил шесть демонических фигур, окруживших одного из руководителей Ордена. Далмиты? И чем он их прогневал?

— Уту Шага-а-а! — закричал их предводитель.

Шесть предметов, отдаленно напоминающих мечи, с искривлёнными лезвиями понеслись в сторону Адара со всех сторон. Но как только лезвия коснулись недешёвого костюма, они разлетелись на мелкие осколки. В тягучем молчании Адар сделал солидный глоток из стакана, который ещё держал в согнутой руке. Движения агрессоров замедлились, капельки пота застыли на их сероватых мускулистых телах. Из причудливых голов демонов струйками и затем ручьями потекла тёмно-синяя кровь. Медленно они осели на пол. Как только последний из них замел, старые часы в кабинете снова пошли как обычно. Адар перешагнул через вожака, уставился на белую стену и вернулся к неприятному телефонному разговору.

«Утро» застало Лиама болью в растянутой спине.

Последствия резких движений без разогрева. Хорошо, хоть он дошёл, и ноги не ноют. Он был в панцире, не стоило реагировать так жестоко. Кто-то извчерашних парней мог и кони двинуть. Никакой скорой и полиции, никакой помощи и никаких свидетелей. Сами виноваты.

Лиам поднялся, умылся и выглянул в коридор. Не лучшее состояние для пробежки. Ещё тошнит.

Усталый уборщик со шваброй и ведром, полным красной воды, проплыл мимо. Всё ещё не закончили. Картинка со скрюченным Иниго в мешке снова встала перед глазами.

Два дня прошло, морг был забит телами, но похорон не будет. Приказ. Прощались прямо там.

Поднимаясь по лестнице, он столкнулся с парой солдат. Судя по их взгляду выглядит он не очень. Надо было разобраться с похмельем, залить его водой, расхотиться и поделаться что-нибудь полезное. Забить чем-нибудь голову, только чуть привести себя в порядок.

В оперативном штабе он столкнулся с делегацией. Много военных мундиров и деловых костюмов. Будут решать, что делать.

Полковник на секунду отвлёкся, кивнул ему и проводил строгим взглядом. Лиам кивнул в ответ.

Недалеко послышались женские истеричные голоса и шум ссоры. Сестры и Амврос были чем-то озабочены и спорили в своём прозрачном кабинете. Чем они заняты? Лиам прошёл мимо и заинтересовался стеной внутри кабинета. Она была увешана непонятными материалами под заголовком «Носфератос?». Лиам смог разглядеть названия отдельных листов бумаги «Культ Азоя», «Бойня в Анкоридже», Инцидент 487-1977 НЮ «Блэкаут» и жуткие фотографии трупов.

У них другое дело. Неужели у них в расписании есть что-то посерьёзнее аватара?

Лиам доплелся до офицерской и поприветствовал знакомого капитана. После вторых приключений с Йованом его лицо и рука было покрыта бинтами.

— Опять ты. Я с вами больше никуда не поеду, других проси, — поморщась, бросил ему капитан с порога.

— Нет-нет, сэр. Я не за этим. Есть работа для меня? — извиняющимся тоном спросил Лиам.

— А, — капитан смягчился. — Постой на периметре, там людей не хватает. Ствол есть?

— Да, сэр! — вытянулся по струнке Лиам.

— Свободен.

Подъезды к зданию теперь контролировались круглые сутки. Предстояло несколько часов стоять у границы парковки и смотреть по сторонам. Он занял место в цепочке солдат, стоявших через каждые двадцать метров. Мало кому нравится такая работа. Терпеть жару и жажду, концерттировать внимание и сопротивляться усталости. То, что нужно. Солнце ползло вверх, Лиам нацепил тёмные очки, расправил спину и зорко уставился в даль.

В полдень над опустевшим городом разгорелось зарево. Птицы покинули небо, чувствуя приближение шторма, подул сильный ветер. Небо затянулось тяжёлыми тучами, и облака сформировали непроглядный столб, тянущийся до земли. Внутри плотного облака что-то происходило, сверкали молнии, слышался протяжный и низкий гул. Вспышки света загорались всё новыми цветами и ускорялись.

Раздался оглушающий гром и облачный столб разметало в стороны. На месте зеленого сквера образовалась неглубокая горящая воронка, растянувшаяся на сотни метров. Асфальт выгнуло, разорвало и разбросало, деревья полегли в стороны. На землю смертных ступили три божественных создания.

Их форма стремилась к истинной, но была ограничена грубой физической реальностью. Первая фигура была женственной, ростом около четырех метров. Её массивные крылья и доспехи сияли, как отполированный до состояния зеркала металл, но не могли затмить её красивый и величественный лик.

Вторая фигура была более массивной и непроглядно-чёрной с головы до ног, кроме

ярко-синих глаз и белых заточенных клыков, торчащих из безгубова рта.

Третий был исполином и уже совсем не напоминал человека. Воздух вокруг него кипел и клубился. Нечёткий силуэт состоял из сгустков чёрного-красного огня и дыма, скрывающих его как балахон. За спиной у исполина разместились шесть пар конечностей, отдалённо напоминающих крылья.

Послышались крики. Смельчаки, не испугавшиеся шторма и не давшие себя эвакуировать, теперь жалели о своём решении. На их глазах ткань реальности сломалась и явила то, что нельзя было уместить в голову смертного. Давление и энергия, прошедшие через них, превратили их личности в фарш. И теперь они, ещё живые, кричали в припадках и сумасшествии, нестерпимой любви и ненависти.

Тело Дэвана уже ждало карателей. Тот первый, кого он поглотил, Сераф, знал, что пришлют других, если он потерпит неудачу. И они пришли. Чтобы убить тело, когда-то принадлежащее Дэвану.

Земля задрожала так сильно, что Лиам не удержался на ногах. Звук тревоги, исходящий из глубин Первого Отделения, был слышан даже на парковке. Уже полчаса Лиам и оцепление с тревогой наблюдали тревожное атмосферное явление.

— Код — черный, — послышалось у него в наушнике.

— Господи Иисусе! — закричал один из солдат и замахал руками в сторону центра, залитого заревом.

— Гадот, оставить позицию! В штаб, живо, — прокричал ему в наушник голос полковника.

Лиам рванул к зданию. Вслед за ним оцепление покинуло свои посты. Внутри царил хаос, даже паника. И их причина выводилась в прямом эфире на все экраны.

— Что за черт? — прошептал Лиам, разглядывая огромные фигуры.

— Беспилотники и дроны туда. Наблюдателей. Ближе не подходить, — чеканил в рацию полковник.

— Они разнесут город! — вскрикнул кто-то.

— Блокировать выходы в Сеть!

Йован впился глазами в экран, на нём не было лица.

— Курва, — прошептал он и достал из-под одежды крестик.

— Что происходит? Что это за твари? — потормошил его Лиам, но Йован не отвечал и не сводил взгляд с экрана.

Руки серба извлекли телефон и набрали номер.

— Тань, если ты ещё не уехала, сейчас же уезжай и подальше, — быстро сказал он и повешал трубку.

— Это ангелы, — сказал он Лиаму, снова уставившись в экран. — они прорвались...

Тело Дэвана было готово. Битвы не избежать. Хозяин его противников не терпел конкурентов.

— На колени, — раздался подобный грому и хаотичному оркестру голос Накира, чёрного ангела.

Тело Дэвана не двинулось с места и ожидало.

— Аборминация! Всевышний оскорбится твоим видом и твоей сутью, демон, — разнёсся на километры вокруг ещё более страшный голос исполина. — Обрати его в прах,

Накир.

Земля взлетела комьями, когда чёрный ангел взмыл вверх и устремился на врага. Огромный меч занёсся над телом Дэвана, и вот-вот должен был разнести всё вокруг и сжечь в невообразимом пламени. Но тело Дэвана и меч не встретились. В сравнении с божеством, пусть и в смертном теле, небесный великан был слишком медлителен и небрежен.

— На колени, — прохрипело тело Дэвана, и этот хрип пронёсся по городу, словно стон, заставив небесные создания поморщиться.

Накир не мог простить такой дерзости и обезумел. Борясь с надоедливym насекомым, он развернулся и со всей прытью, на которую был способен, вновь бросился в атаку.

Рука Дэвана встретило небесное оружие и тело его издало крик, полный боли и ненависти. Ответный удар отбросил тёмного ангела на небоскреб. По зданию прошла волна, разбились стекла, перегородки лопнули и под неустойчивой, по его фундаменту пошла трещина.

Кальмия бросилась в атаку. Её копьё оставило на теле Дэвана трещину, но для бога это была лишь царапина. Небесное оружие могло ранить подобное создание, даже убить, но бог не хотел умирать. Бог хотел жить. По крайней мере, пока не исполнит задуманное. Извращённое тело Дэвана и поглощённое им крыло Серафа ударило в ответ. Блистающие доспехи рассыпались, и Кальмия камнем рухнула вниз, ударилась о землю, тяжёло поднялась и снова атаковала.

Исполин молча наблюдал за казнью, его меньше собратья пока справлялись и рвали нечестивого на части. Ни сила тяжести, ни другие физические законы, ни логика уже не были властны над этой битвой. Чудовищные по силе удары заставляли землю дрожать и ходить ходуном. Взрывные волны проносились сквозь здания, рушили их и поднимали в воздух тонны пыли. Реальность ломалась, менялась и искажалась.

Ангелы сражались отчаянно. Они разили врага небесным металлом, царапали его крыльями, били руками и ногами, захватывали в магические ловушки и выдыхали на него сокрушающий огонь. Аватар отвечал им, отбрасывал, рвал силой мысли и пытался поглотить их своей чудовищной пастью.

Первым пал голубоглазый Накир. В пылу боя он занёс свой меч, но вдруг перед ним возник Сераф. Накир замешкался лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы вся сила безымянного бога обрушилась на него, словно океан. Накир был раздавлен, доспехи его покрылись трещинами, сквозь них его кровь вылилась наружу и сожгла всё вокруг, словно лава.

Кальмия пала второй. Прежде чем аватар пробил её крылом Серафа насквозь и поглотил часть её тела своей пастью, она успела наполовину обезглавить его страшным ударом небесного копья. Подбитая птица рухнула с небес, ударилась о землю и затихла.

Земля и воздух завибрировали сильнее. Кезеф пришёл в движение и решил положить конец возне.

— Всеобщая мобилизация. Подождём конца дуэли и добьём выжившего. Поднимайте бомбардировщик. Есть разрешение на удар, — полковник был бледен, Лиам решил не отходить от него.

Брови Йована натянулись от удивления и страха, он курил прямо в штабе, одну за другой.

Техника выходила из строя, картинку удавалось получать, всё больше и больше

увеличивая дистанцию от места сражения. Кадры беспилотников иногда захватывали людей, оказавшихся слишком близко. Жуткое зрелище.

Кезеф сдерживал свою силу до последнего момента. Стоило ему сделать шаг, и небеса окрасились в красный. Вся влага в радиусе километра мгновенно испарилась, всё вокруг начало гореть.

Тело Дэвана было слишком слабым, чтобы выдержать мощь тысячи солнц. В отчаянной попытке закрыться и не истлеть, он потянулся в самое холодное место, которое он знал. В темноту. Бездна, так долго пытавшаяся сожрать его, как будто только и ждала этого момента. Всё это время она находилась поблизости и была связана с ним невидимой нитью.

Крылья Кезефа уже почти обняли противника. Но вдруг пространство вокруг них окончательно разорвалось и расцвело тёмным хищным цветком. Опалённая почва под ногами исполина размякла, и он стал тонуть в бесконечной холодной реке. Его пламя стало угасать, и на мгновенье он забыл о противнике.

Из последних сил рука Дэвана врезалась в тело исполина, отбросила его ещё немного в темноту и оттолкнулась назад в чудесный и тёплый мир. Цветок схлопнулся и поглотил великана.

Глаза Дэвана увидели в небесах яркие светящиеся точки, оставляющие шлейф. Они приближались, словно хищные птицы...

Когда земля закончила дрожать, у Нью-Гефа больше не было центра.

— На связи Орден II. Они смогли выделить сигнатуру пришельца. Он все ещё в нашей реальности! Двигается! — отрапортовал один из связистов.

— Дерьмо, — прошептал полковник и заиграл скулами.

— Сэр? — нарушил молчание агент Рэтбоун, один из немногих людей, сохранивших абсолютное спокойствие. — Какие приказы, сэр?

Все взгляды упёрлись в полковника, но он не отвечал.

— Карл! — Лиам вышел из толпы, встал перед ним и схватил за плечо. — Что нам делать?

— Все... — выдохнул он и пришёл в себя, — Всеобщая эвакуация! Все по машинам!

— Сэр, мы потеряем город, — спокойно сказал ему Рэтбоун.

— Ты не понимаешь! Они уже поднимают бомбардировщики, и готовы сбрасывать ядерные заряды, здесь вообще ничего не останется. Не один и не два, а сколько понадобится. У нас не больше часа, чтобы покинуть зону поражения! — закричал ему в лицо полковник.

— Четвертое и Седьмое Отделение готовят атаку, просят помощи! — перебил его связист.

— Что?! — удивился полковник.

— Они считают, что аватар ослаблен и поэтому не смог отвести ракеты. Его нужно добить, пока он не восстановился, — выслушав сообщение, сказал связист.

— Черта с два я уеду, Карл, — холодно сказал полковнику Йован. — Отец, ты не понимаешь. Это моя последняя остановка.

— Мы не можем потерять город, сэр, — встрял в их беседу Рэтбоун. — Это наш город, сэр.

— Так, — он говорил громко, как мог, — сейчас я постараюсь выиграть нам время и попрошу остальных руководителей поддержать меня. Остаются только добровольцы, всем

остальным покинуть город немедленно!

Никто не шелохнулся.

— Хорошо, — уже тише полковник, лицо его превратилось в маску, но глаза горели то ли безумием, то ли решимостью, — подготовиться к атаке!

Пока шла дуэль, шайка Кейба успела вытащить добрую половину арсенала на улицу. Лиам сходил в казарму, достал припрятанную Айду, отстоял очередь и получил всё боеприпасы к ней, которые только были в закромах арсенала. Выбрав минутку, Кейб передал ему обещанный шлем. «Серьезно?» — спросил его Лиам и нервно рассмеялся, Кейб лишь пожал плечами и ухмыльнулся в ответ.

Водители подгоняли микроавтобусы, джипы, БТРы. Оружейники поправляли амуницию, снаряжали обоймы, медики осматривали бойцов и давали препараты. На глазах Лиам под боевой клич отряд штурмовиков одновременно вколол себе «черноту».

Да, это тот самый день. Лиам достал аптечку из кармана на плече, вынул из футляра чёрный инъектор и вколол себе в шею. Гулять, так гулять. Хура-а-а! Спустя минуту, сердце забилось, как бешеное, попрыгало в груди и успокоилось. Звуки и движения вокруг стали медленными и размытыми. Лиам увидел в толпе перепуганного, но решительного Кейба, сжимающего винтовку и надевающего броню. А Лиаму... вдруг стало совсем не страшно.

Из здания напротив, придерживаясь тени, вышли два десятка бойцов подкрепления в лице Серой Гвардии, всё это время они были поблизости.

Лиам уселся на асфальт подальше от входа, потрошил коробки с патронами, выбирал хотя бы по пять пуль каждого типа и набивал ими рюкзак. Кейб не соврал, только для Айды их был за пару десятков. Лучше всего подбирать амуницию под определенные задачи... Эх, операция в Сирии была не такой уж и плохой. Он займёт позицию повыше и подальше, будет стрелять всем, что есть...

Взгляд его уперся в ботинки большого размера, Лиам поднял глаза и прищурился. Мертвый сержант с иссиня-чёрной промятой грудной клеткой отдал ему честь, отвернулся и пошел к массовке готовящихся к бою солдат. Между их фигур вдалеке Лиам увидел Ями. Она вытянулась по струнке, улыбнулась и отдала ему честь.

Что-то с ним было не так. Голова работает странно. Не страшно же, а слезы сами стекают из глаз. Как он, интересно, сейчас выглядит со стороны? Да не так уж и плохо, учитывая, что все готовятся к самоубийству, и не только он пытается держать дерьмо в заднице. «Чернота» виновата. Просто привычки нет к этой наркоте.

Лиам постарался сосредоточиться на подготовке боеприпасов, но мертвых среди толпы живых становилось всё больше. Обожженные руки Бенисио подносили к тому, что было его головой, привычный короткий обрубок сигары. Кажется, он ухмылялся и мотал головой. Не смотри туда, не смотри. Отведи глаза.

Полковник спас его снова. Выбежал на улицу и начал орать, Лиам подошел ближе.

— Аватар двигается в сторону завода. Очень медленно. Или он уже никуда не спешит или ранен. Там осталась наша разведка, и они фиксируют активность. Члены культа вооружаются и возводят баррикады. У нас есть два, может три часа, прежде чем город перестанет существовать. Но у нас есть шанс. Все Отделения уже собираются в километре от завода. План следующий. Боевые группы — уничтожить сопротивление, обеспечить огневое прикрытие, соблюдать дистанцию и не подходить близко к основному противнику. Штурмовая группа — прорвать оборону, уничтожить или подавить физический носитель сущности, обеспечить прикрытие отряду контрмагии. Отряд контрмагии должен снизить

атакующий и защитный потенциал основного противника и не дать сущности сбежать. Все ограничения на применение силы и специальных средств снимаются до окончания операции. Добровольцы, спасатели и медики! Не подходить ближе двух километров. Так, стоп. Новая информация. В операции принимает участие Орден-II. Хм, тоже не хотят потерять базу. Минутку. Штурмовая группа Ордена II также будет атаковать основную цель. В составе группы пятеро иноземцев. Рост под три метра, серая кожа, внешне похожи на ящериц или птиц. Огонь по ним не открывать. Один из иноземцев — важное политическое лицо. Если... ничего не будет получаться, бросайте всё и покидайте город любым способом. Удачи!

Полковник спешно скрылся в здании. Начались последние приготовления, люди стали спешно занимать транспорт и выдвигаться в сторону их последней миссии.

— Будешь действовать с расстояния? — окликнул его знакомый голос.

Тара не собиралась отсиживаться. На ней не было брони, только лёгкий пистолет в кобуре.

— Да, займу позицию повыше, а там как пойдет. Хочешь со мной?

— Да, — странно ответила она.

— Тебе страшно? — Лиам попытался сделать свой голос максимально ласковым.

— Нет, — её голос был спокоен. — Мне нужно видеть, что происходит. Прикроешь меня. У меня... уже был самый страшный момент.

Не прощаясь, Тара развернулась и ушла. Ну, хорошо, Лиам найдет её там. Осталось забрать сумку, бросить туда бутылку воды — не хочется умирать, ещё и мучаясь от жажды, может ещё пистолет прихватить и пару гранат? И шлем? Как будто он может чем-то помочь... И он готов. Где же Йован?

Лиам дошёл до сумки, подобрал её, побежал к машинам и понял, что все взгляды направлены на него. В стороне, в тени здания, вжимаясь друг в друга, Серая гвардия синхронно опустилась на колени.

Лиам повернулся. Посреди опаляемой солнцем парковки стояла тонкая и изящная фигура в темно-фиолетовом саване. Уна.

Медитация VI. Цепь

Ветер развивал её саван, и от его поверхности поднимался едва уловимый дымок. Гордая и величественная осанка. В воцарившейся тишине она остановилась рядом. Как же приятно видеть эти глаза.

— *Na-bhayam, Ipa. Tvacitamtra. Adva samayan punar. Aprah...* — прошептала она, впившись в его глаза и проведя рукой по щеке.

Уна растворилась в воздухе, словно одно из его видений. Только её запах оседал вокруг. Лиам вдохнул полной грудью. Она была здесь. Словно отголосок дальнего воспоминания из глубины донесли её слова: «Не бойся, любимый. Твоя душа бессмертна. Мы встретимся снова. Прощай...»

Лиам почувствовал на себе взгляд удивлённых людей, опустил голову, схватил сумку и сел в джип. В редущей толпе Ями дурачилась и показывала ему язык.

Пока они ехали, Лиам поменял тепловизор на обычный прицел, проверил все механизмы Айды и зарядил её разрывными патронами. Обоймы всего четыре, когда они опустеют, придется искать укрытие и снова снаряжать их. Двадцать выстрелов. Да, Айда? Сегодня промахиваться мы не будем....

Первое Отделение сконцентрировалось за руинами одного из старых цехов и готовилось к штурму. Лиам покинул транспорт, поправил ремешок винтовки, закинул рюкзак за спину и начал искать глазами Йована.

— Лиам! — услышал он откуда-то из далека знакомый голос.

Из толпы выбежала молодая женщина в белом халате и очках и кинулась ему на руку.

— Ни фиги! Какая у тебя крутая игрушка! Ну, вы тут и замутили сходняк! Неужто я сглазила? — проверещала Бекки.

— Ты почему тут? — заругался на неё Лиам.

— Ой, остынь, кексик горячий. В горе вся моя жизнь. Одиннадцать лет работы. Лучше бы тебе спасти всё это, котик, — с натянутым смехом ответила она.

Страшно ей. Зря не уехала.

— Да и потом, Винни хочет принять участие в вашей разборке. Не верит он в существование богов и невозможность начистить им рыло. А я хочу посмотреть достаточно ли в нем того забавного минерала, и насколько из него выйдет перспективное оружие. И буду всё это дьявольски записывать! Жаль только платью не успела натянуть красивое. Но с другой стороны умру, как жила! — Бекки через силу улыбнулся.

— Не бойся, Бек. Мы завалим этого ублюдка, — улыбнулся ей Лиам.

— Вот. Наконец-то нормальный мужик, который знает, что сказать женщине, — серьезно сказала Бэки. — Я пойду готовить Винни. Надеюсь, он не сдохнет, и мне не придется разбираться с дипломатическим скандалом и сворачивать исследования. И ты, пожалуйста, не сдохни. Не хочу видеть тебя мертвым, слышишь?

Лиам кивнул, и Бекки унеслась по своим делам. Вдалеке, у одного из фургонов мелькала огромная голова Винни и его свиты, из более мелких сородичей. Ну и уродцы. Где же Йован? Нельзя отпускать серба одного. Начинаем минут через десять, не позже.

Сквозь шум толпы Лиам услышал нечто странное. Йован смеялся так, что не мог выпрямиться. Сошел с ума?

Лиам пробрался сквозь ряды, подошёл ближе и тоже не смог сдержать улыбку.

— Простите, сэр, — искренне сказал он капитану, чудом пережившему последние операции в их компании.

— По... по... — сквозь смех пытался сказать серб, — полковник... поставил вместе.

— Да пошли вы в жопу! — на капитане не было лица, и он уже сжимал кулаки, чтобы как следует вломить сербу.

— Простите, сэр, — ещё раз извинился Лиам. — С Вашего разрешения я заберу агента Видовича и займу позицию на высоте.

Капитан разжал кулаки и выдохнул.

— Ладно, можете идти со мной, — сказал он уже спокойно. — Не думаю, что сегодня есть смысл полагаться на удачу и приметы. Выступаем через пять минут. Гадот, сам разберешься куда идти и с кем. Голова вроде есть у тебя. Разрешаю.

— Да, сэр! — вытянулся по струнке Лиам.

Лиаму не хватало этих моментов. Всей этой субординации: «Есть, сэр!». Что-то есть в этом прекрасное, как в каком-то искусстве. Жаль, строго это всё исполняется лишь в учебке.

Пора выступать. Лиам ещё раз проверил оружие, броню и патроны. Твою мать! Шлем давит. Ну ладно, это ничего, и так сойдет.

— Ну что, малой? Хочешь утащить меня подальше от самого веселья? — с вызовом бросил Йован.

— Мне нужно прикрытие, — спокойно объяснил ему Лиам.

— А хер тебе. Хочешь, подерёмся? Я пойду туда, сам знаешь, зачем. Можешь мне колено прострелить, я поползу. Тебя Тара прикроет.

— Тебе самому не смешно? Она даже броник не надела, — на всякий случай Лиам огляделся, Тары рядом не было.

— Глупый ты румын, Лиам. И нарколога. Неужели ты ещё не понял, что нельзя по внешности людей судить? — улыбнулся серб.

— В смысле?

— В том смысле, что у тебя на счету полторы собаки, а у неё две, и только за тот день, когда эти выродки напали на Отделение. Я был не против, что её выше поставили, потому что она реально крутая, и для меня было честью с ней поработать. И...

Йован вдруг замолк. Один из громил в чёрном гермошлеме покинул толпу, подошёл к сербу, стиснул его плечо и застыл.

— Что? — спросил его серб, но громила не ответил.

— Что? — повторил серб, мгновенно потерял терпение и захватил его за шиворот.

Какого хрена? Один из «приятелей» серба? Сейчас не время выяснять отношения. Лиам передвинул винтовку за спину и приблизился к громиле. Тот снял свой шлем, скинул его на землю и уставился на Йована мутным взглядом.

Лиам отшатнулся. На заплывшем и отёчном лице амбала не было волос, на черепе розовела сетка совсем свежих хирургических швов. Это был Кристиан, и выглядел он так, будто только что покинул морг.

Рука Йована побелела, вырывая ворот рубашки, рука же, сжимавшая винтовку, разжалась, ему перестало хватать воздуха. Он оттолкнул Крису и быстрым шагом ушёл вперёд. Серб пошарился по развалинам, вытянул из кучи ржавую арматуру, стиснул её в руках и вернулся.

Лиам соображал слишком долго. Он и не заметил, что Франк идёт мимо них, отвлечённый разговором с каким-то ботаником с Научного Отдела.

Йован со всей силы навернул его арматурой в голову. Ботаник, сопровождающий специального агента, едва успел в ужасе отпрыгнуть от разъярённого серба. Голова Франка мотнулась, кожа лопнула, кровь обильно брызнула, его качнуло в сторону, но он устоял. Йован замахнулся второй раз, но Франк выставил вперёд руку и перехватил арматуру. Йован попытался вырвать её, но вдруг опустился на колени и застыл, тяжело дыша.

— Хитрожопый... ублюдок, — задыхаясь, хрипел серб. — Завещал он науке... сучий сын... Давно ты договорился с этим отродьем?.. Не поговорив со мной... В программу записался, сученыш. До инфаркта меня хотел довести, да?

Арматура выпала из руки Франка и неожиданно спокойно, без своей обычной садистской улыбки, он сел рядом с сербом.

— Он не может ответить. Речевой центр поврежден, отёк не спал, — сказал Франк, пытаясь рукой остановить кровь из скулы.

— Ты знал? — с безумными глазами бросил Йован Лиаму, Лиам только покачал головой.

— А Вы знали, полковник? Как же я вас всё-таки ненавижу, американских ублюдков, — сказал он в микрофон.

— Да, знал, — услышал Лиам в наушнике спокойный голос. — Твой брат умер. Его мозг получил значительные повреждения. Я поместил его в программу, используя свои связи. Никто никаких гарантий не давал, это всё индивидуально. Это не твой брат, сынок. Крис умер. Тебе нужно отпустить его и идти дальше. Никакого чуда не было, то, что случилось, нельзя назвать твоим братом. Но такова была его воля, эта правда. Франк узнал обо всём, когда они уже ехали сюда. Виноват только я.

— Сойдёт, — тяжело дыша, ответил Йован после долгой паузы. — Сойдёт... Это он. Я знаю, это мой брат.

Йован встал с колен и, шатаясь, подошел к Крису, разглядывая его.

— Здоровый какой. Да и всегда был не особо разговорчивый. Чем вы его накачали? Будет вообще говорить? — спросил он Франка.

— Не могу сказать. Никто не может. Это второе поколение. Более совершенная технология. Но что получится, никто не знает еще. Он в сознании, навыки сохранились. Память — не знаю. Но не зря он тебя остановил, думаю. Может, что-то от твоего брата там и осталось. Может быть, хорошо восстановится. Но я бы не надеялся.

— Это он. Это мой брат, — на ватных ногах Йован вернулся к Франку. — Посмотри на меня, ублюдок. Я не забуду. Слышишь? Не забуду.

— Ага, не благодари, — ответил Франк, его вырвало, кровь ещё не остановилась. — Хорошо хоть стрелять не начал.

— Вам пора. У нас нет на это времени, — сухо произнес полковник.

— Да. Выдвигаемся, — улыбнулся Йован, подобрал винтовку и энергично зашагал вперед.

Вдалеке уже стреляли. Лиам поднял голову вверх. Высоких зданий в округе не было, старый проржавевший кран не внушал доверия. Значит, он пойдёт по крышам прямо отсюда и будет менять позицию. Вперёд.

Лиам сорвался с места, пробежал метров двести и попал в самую гущу событий. Противник выбрал самую отвратительную тактику. Они не стали собираться в одном месте, которое можно было бы накрыть тяжелым вооружением. Вместо этого они рассредоточили по всей территории завода небольшими группами и поодиночке.

Шесть лестничных пролетов и первая дверь рухнула под ударом его ботинка. Движение в углу. Айда совсем не рассчитана на близкий бой...

Тара стояла в полный рост и наблюдала в бинокль за ходом боя. Как она поняла, что это именно та самая крыша? Не важно.

— Меняем позицию, — прокомментировала она.

Лиам огляделся. Край крыши, и правда, обзор перекрыт соседними зданиями. Он собрался было идти вниз, но короткое «нет» в спину остановило его. Лиам обернулся и с недоумением посмотрел на Тару.

Хрупкая девушка легко оторвала от земли толстенную шестиметровую доску, распрямила её в полный рост, словно флаг и обрушила вниз. Между их крышей и соседней образовался мост. Не дожидаясь комментария Лиам о ненадежности такого решения, Тара оказалась на другом конце. Лиам подошёл к краю, осмотрел выдавшую виды и, чёрт знает сколько пролежавшую здесь деревяшку, прикинул в уме свой вес со снаряжением и шагнул вперёд. Нет времени на спуски и подъёмы.

Порывом ветра его качнуло так, что он чуть не сорвался, одна из шальных пуль пролетела рядом. Но это было уже неважно, позиция найдена. Время делать свою работу.

Пока вокруг происходило чёрт знает что, в чём он совершенно не мог разобраться, не успевал, не понимал и десятой части, пока он был бесполезен... ему было плохо. Но здесь и он, наконец-то, может быть полезен. Важно занимать своё место в этом сложном механизме, который мы называем жизнью.

Сошки отлетели от винтовки, тугой затвор загнал на место тяжеленную пулю, Лиам сел на колено, упёр винтовку в бортик крыши, сделал поправки, задержал дыхание и... От отдачи сошки сдвинулись на сантиметр, оставив царапины на бетоне, он почувствовал давление и силу Айды всем телом. От цели за укрытием ничего не осталось. Лиам даже не смотрел туда — он точно знал, какой будет результат. Тяжёлый затвор выбросил гильзу и поместил на её место новую капсулу смерти. Сменить ствол на длинный? Нет, не такие дистанции.

— На одиннадцать часов, — коротко сказал Тара.

Да. Вот этого и не хватало. Откуда она знает, как действовать? Уродливая голова перевёртыша, собиравшегося броситься в атаку, раскрылась словно цветок. Кто дальше? Так, этот собирается менять позицию. Бежит, что есть силы, может километров двадцать в час. Далеко до мирового рекорда.

Когда бегун превратился в дождь из крови и внутренностей, Лиам заметили. Пришлось чуть пригнуться, очередь скользнула по бортику крыши и выбросила вверх штукатурку. Лиам сместился на четыре метра в сторону, поднялся и выстрелил. Затем ещё раз. У стрелка и его приятеля не было шансов — их учили ещё хуже, чем игиловцев.

Тара дёрнула его за плечо и протянула пулю с чёрной меткой.

— Восемь часов.

Лиам повернулся к левому краю крыши, сунул патрон в патронник. Ясно. Какой огромный «парень». Что это за вид такой? Бронированный... винтовочные пули отскакивают от него, словно из воздушки стреляют. Сменить обойму. Пули с закалённым стальным сердечником.

— Лучше в сердце. Левая нижняя половина, — предупредила Тара.

Бронированные чешуйки мускулистого и рогатого демона не выдержали столкновение с куском закалённого металла на такой скорости. Маленькая дырочка для его размеров.

Гигант протоптал ещё несколько метров в направлении зажатых в угол штурмовиков и упал лицом вниз. Последним, что он увидел, была струя крови из груди.

Ситуация менялась. Культисты несли большие потери и отступали к центру.

Доска уже вела к следующей крыше. Молодец Тара. Они быстро пересекут ещё три ангара, потом два квартала и будут на месте. Вперёд.

Он почти перебрался на другую сторону и застыл на этой глупой доске. Путь ему преградил человек, со сквозной дырой в черепе.

— Нет, только не сейчас. Оставь меня в покое, чёрт тебя дери! — прошипел на него Лиам.

Мальчик лишь покачал головой и указал в сторону их цели. Лиам выругался, одним прыжком оказался на крыше и, стискивая винтовку, пошёл к краю. Но путь ему снова преградили. Лиам упрямо обошёл преграду, упёр винтовку в край, посмотрел в прицел и не смог выстрелить. Рядом с целью он снова увидел мальчика, качающего головой.

— Ну что? Что тебе нужно?! — закричал на него Лиам.

Мальчик снова был на крыше и указывал вперёд. Вот упорный, гад.

— Что? — спросила Тара.

— Ничего! — отрезал Лиам.

— Прекрати игнорировать это! — прокричала Тара. — Что он тебе показывает?!

— Он показывает вперёд, — немного оторопел Лиам.

— Так иди за ним. Я буду держаться следом, — холодно приказала Тара.

Лиам выдохнул. Спокойнее. Тара старшая, просто делай. Не бойся. Не смотри на него. «Чего ты хочешь? Нам нужно торопиться?» — подумал Лиам.

Мальчик впервые улыбнулся ему. Он больше не исчезал и неуклюже побежал по крыше в направлении лестницы. Вперёд. Быстрее.

На выходе из здания Лиам пригнулся — тут ещё стреляли. Мальчик был впереди, и Лиам старался не выпускать его из поля зрения. Его правая детская ручонка, навсегда покрытая кровью и пылью, вдруг сложилась кулак, указательный и большой пальцы вытянулись. Мальчик направил свой «пистолет» в одну из дверей сбоку, и спустя секунду там возник силуэт. Старый байкер с Калашниковым вылетел на Лиам, они оба замешкались, но Лиам был быстрее. Отдачей его снесло с ног, в плечо словно бы ударили кувалдой, но его противнику было хуже.

С трудом он поднялся и посмотрел на мальчика. Омар приложил палец к губам. «Тише». И вдруг зажал уши.

Лиам замер, стараясь не производить ни звука. В квартале впереди послышался протяжный звук, отдаленно напоминающий вой, только значительно более низкий и мощный. Такой же звук послышался слева, справа, сзади и объединился в общий, страшный и давящий шум.

И вдруг он оборвался. Со всех сторон послышался тяжелый топот когтистых лап. Перевертыши пошли врукопашную.

Омар смотрел на Лиам и зажимал уши. Лиам не двигался, пока скрежет когтей о бетон не унёсся далеко вперед. Мальчик опустил руки, снова достал «свой» пистолет, перезарядил его и отважно кивнул Лиаму. Гильза из винтовки Лиам упала на бетон, он кивнул мальчику в ответ.

За следующим поворотом призрак присел, Лиам тут же повторил, и пуля разбила кирпич в десятке сантиметров от места, где была голова Лиам. В этот раз ему удалось

упереть винтовку, его плечо не выдержало бы следующего удара. Еще две обоймы. Мальчик выпрямился в полный рост и устремился вперед.

Враги появлялись один за другим, но всякий раз Омар опережал их и указывал. Когда надо было укрыться, Лиам укрывался. Через всё это поле боя его вели за руку. Последняя обойма. Впереди слышалась возня, стрельба и страшные крики — оборотни ударили штурмовикам в спину.

Теперь в спину им бил Лиам. Лиам чувствовал их удивление и последние вопросы в их звериных головах, почему этот запах и звук его шагов появились так резко. Винтовка крепко зацепилась за низкий забор.

«Отец!» — тихо вырвалось у Лиама. Позвоночник первого чудовища лопнул, оно ещё пыталось карабкаться, но быстро затихло. Лиам передернул затвор.

«Мама!» Вторая псина не успела повернуться, её голова подпрыгнула высоко.

«Бенисио!». Третий был слишком занят, пытаясь вскарабкаться на третьей этаж по отвесной стене и вытащить оттуда одного из зажатых в угол ребят. Так и упал оттуда.

«Айда!» Четвёртый уже повернулся и бросился вбок, хотел избежать выстрела. Какой же он быстрый... Ещё немного и угла поворота бы не хватило.

«Ями!» Последний из оборотней, какой-то старый и даже седой, не двинулся с места, пока Лиам переводил на него винтовку и посылал в патронник последний заряд. Понял, наверное, что не успеет. Встал и застыл, во весь рост, смотрел Лиаму в глаза. На всякий случай Лиам выстрелил в центр, чтоб эта тварь точно уже не уклонилась. Но его цель и не пыталась. Дернулась, ещё раз встретилась с ним глазами и сползла вниз.

Через секунду на месте седого оказался шестой из их стаи. Вот и всё. Даже не успеть выхватить пистолет. Он сделал достаточно. Спас ребят. Может, они победят...

Всё медленнее и медленнее этот поезд приближался, чтобы сбить Лиама. Он видел его странные, почти человеческие, большие глаза, острые надломанные зубы, слюну, пот, проступавший из его воронёной шерсти. Лиам почувствовал, как кто-то прильнул к его спине. Изящная рука, затянута в плотную ткань с обломанными ногтями, вытянулась навстречу зверю и сжимала пистолет. Лиам видел, как с нечеловеческой плавностью изящный пальчик равномерно вдавливая курок. Несущаяся на них пасть осталась без глаз, пули ложились одна к одной и делали своё дело, изящная рука была твердой...

Уже мёртвый перевёртыш ударился тем, что осталось от его головы, с другой стороны разделявшего их заборчика. Лиам почувствовал это.

Тара убрала пистолет, словно бы ничего не произошло. Секунду назад она встала с ним плечом к плечу и спасла жизнь. Даже дыхание не сбילה. Не оглядываясь Тара пошла вперёд.

Фух. Дыши. Значит, ещё не всё, не расслабляйся. Потом придумаешь, что ей сказать. Сейчас всё равно даже рот не сможешь раскрыть. Дыши. Двигайся. Пошёл, морпех! Вперёд вперед!

Лиам увидел движение в переулке справа и нажал на спуск. «Щёлк» сказала винтовка. Нет патронов. Руки Лиама застыли. О пистолете он даже не подумал. Он вообще ни о чем не смог подумать.

На него смотрела половина исполинского женского лица. Там, где из ран должны были проступить мышцы и кости, капать кровь, не было ничего, кроме темноты. В животе женщины-ангела зияла сквозная дыра, крылья её исчезли, доспехи поблекли.

Втыкая своё оружие в землю, отталкиваясь рукой и ногой, словно паук, она ползла туда же, куда шёл и Лиам. Лиам не смог выдержать это взгляд, вздрогнул и миновал переулок.

Медитация VII. Связь

Показался старый цех, и Лиам активировал на рации общий канал. В наушнике был хаос, как и везде в точке их назначения.

Лиам достал пистолет и, прижав его ближе к груди, продвигался в кучах мусора и руинах тесных коридоров. Тяжёлая Айда и рюкзак были у него за спиной. Лучше было их выбросить и подобрать более подходящее оружие, но что-то его остановило. Хотя бы раз он выстрелит в эту тварь из нормальной пушки.

Мальчик испарился. Лиам почувствовал жжение в области груди. Да. Это оно. Аватар близко... Лучше найти место поукромнее, снарядить обоймы разными боеприпасами и опробовать их все издалека на этом ублюдке. Если он только опять не засел в здании. Насрать, тогда он будет стрелять в упор.

Мне надо видеть, что там, — из-за спины сказала Тара и бесшумно покинула его.

— Гадот, — раздался спустя секунду спокойный голос полковника.

— Да, сэр!

— Видишь серое здание, пять этажей? — Лиам выглянул на улицу.

— Так точно, сэр.

— Сможешь занять позицию наверху? Нужно прикрыть отряд контрмагов, они уже на подходе, — на фоне голоса полковника, стоял целый хор криков и команд.

— Смогу, сэр, — Лиам ещё раз выглянул и оценил обстановку. — Дайте мне две минуты.

Полковник не ответил. Слишком занят. Эх, им бы такие системы в армии. Полковник словно стоял рядом и видел то, что видит Лиам.

Слишком открытое пространство между зданиями. Ползком? Нет времени. Бежать во весь опор.

Вход в здание уже был перед ним, но свет померк. Вдруг ничего не стало, и его в том числе. В голову ударили молотком, точно и со всей силы. Лиам почувствовал свой хрип и конвульсии. Он на земле, не может пошевелиться. Шея не гнётся, так больно, что он не понимает ничего, даже мыслей своих уловить не может. Голова мокрая, всё трясется, и он, вроде бы он, не дышит уже минуту или две.

А всё потому, что ему выстрелили в голову. Ошибка. Там был стрелок с винтовкой. Он бы мог его заметить, если бы не торопился. Глупо.

Так он и умрет в середине этого переулка. Он лежит на боку, вытянув руку вперед, тело не слушается, очень больно. Ещё выстрел. Что-то внутри сжалось. Но еще одна пуля не вошла в его тело. Стрелок думает, что он мертв. Чистый выстрел, упал и растелился.

Лиам осторожно согнул палец. Да. Хорошо, вот так. Пускай всё болит, но он ещё в сознании. Шлем распался на две половины, висит на ремешке. Спасибо, Кейб. Крови должно быть больше, может шлем спас или она не вошла глубоко. И этот неудобный воротник... шея должна была сломаться от такой нагрузки, но не сломалась. Хотя позвоночник вряд ли такой же, как и раньше. Понятно, почему всё болит и сковано.

Айда была с ним, лежала в обнимку, связанная ремнем. Вот бы со всеми женщинами было так просто и надежно. Есть ли в тебе патрон, Айда? Как же тяжело думается, будто тело где-то далеко и связь плохая.

Не дергайся, не дрожи. Не дай Бог, он увидит и добьёт. В разгрузке есть патрон,

фосфорный. На всякий случай, чтобы был под рукой, подсветить цель. Осторожно дотянись до кармана. Рука опухла и болит, ударился об асфальт. Ничего, ты не хирург, с курком справишься. Достань его, молодец, Лиам. У тебя хорошо получается. Нет, не двигай ногами, держи их ровно, и головой не двигай. Скоро дышать станет легче, судороги и слабость уйдут.

Ещё выстрел. Сменил позицию. Глушитель. Отблесков нет, тонировал прицел. Где ты?

В грудь ударили. словно он провинился перед самым их злым сержантом Мосли и тот, не сдержавшись, выпрямил ему натренированную ногу в солнечное сплетение. Лениво и почти не контролируя тело, Лиам перекатился вбок, сел на колени, справился с затвором и замер.

Сержант Мосли был очень недоволен. Его вывели из себя. Он ещё раз ударил Лиаму в плечо, но уже слабее, по касательной... Вот и движение, ты выдал себя. Да, парень, ты не ожидал увидеть в свой прицел ещё одну винтовку с прицелом на этой улице, ты не готовился к дуэли. Ты застыл, ты ошибся.

С крыши, которую должен был занять Лиам, выпорхнуло горящее тело. Даже покричать не успел, слишком большой калибр. Обычно люди долго горят, если в них попадает такая пуля, они всё чувствуют.

— Эй, малой, ты в норме? — склонился над ним и кричал в ухо Франк.

Лиам лежал на земле, куда его отбросило отдачей, из головы текла кровь, он отключился на какое-то время

— Не очень выглядишь, бро, — прокомментировал Франк. — У тебя есть что-нибудь пожрать? Да ладно, не смотри на меня так, шучу. Мы тут собираемся главного валить, могу тебя подтащить поближе, посмотришь хоть.

Пока Лиам поднимался, у него, словно у бешеного пса, шла изо рта пена.

— Не, крыша больше не нужна, мы прошли, я расчистил путь, — увидел Франк направление его взгляда. — Я тебе сейчас укольчик сделаю, и ты посидишь тут... ну до исхода, в общем.

Лиам помотал головой и старался снова не упасть.

— Не хочешь? Ну ладно, мы вперёд пойдем, а ты посиди просто.

Мимо Лиаму прошла процессия, похожая на трупку цирка уродцев, они несли на себе ящики и оружие. Лиам тяжело опустился на землю и осел у стены. Татуировка раскалялась всё сильнее и сильнее.

Мальчик снова был рядом и смотрел на Лиаму с осуждением. Уйди, и так тошно. Да-да, твоей голове больше досталось. Знаю.

Лиам слышал равномерный скребущий звук из глубины переулка. Ужасное создание, которое язык не поворачивался назвать ангелом, проползло мимо. Лиам отвернулся, пока оно не скрылось из виду. Нехорошо тут отсиживаться. Вставай. Может, ты уже мёртв и держишься только благодаря «черноте». Давай, супермен. Не такой уж ты и тяжёлый. Вставай, морпех. Младший сержант Гадот, оторвать свою задницу от асфальта! Немедленно! Да, сэр. Есть, сэр!

Айда стала тяжелее, чем все морпехи, которых он вытащил из пекла. Он оперся на неё, как на костыль, и брёл за мальчиком. Ничего невидно, всё так спутано.

Впереди показались знакомые очертания. На этот раз у обычной пехоты не хватило духу подойти так близко. Да и культисты не горели желанием попасть под горячую руку своего хозяина. Тут остались только трупы тех, кто защищал тирана, и тех, кто хотел его свергнуть. Всё, кто имел хоть толику разума, убрались подальше, когда внутри старого цеха снова

пошла в ход магическая сила.

Лиам уставился на кучу обломков вдалеке, где он нашел Ями. Вот и лестница, с помощью которой Вольк попал на второй этаж, в техническую зону. Слабые руки не слушались и не хотели держаться за хлипкие, ржавые поручни, целую вечность он карабкался вверх. Там, наверху, он уже не мог стоять и проник через дыру ползком.

То, что было Дэваном, теперь напоминало мельтешащий кусок мяса. Всё внимание бога было занято пятью сурийцами, на которых никакие чары не действовали. На лице Лиамы появилась злорадная усмешка. Какой же ты бог, если бежишь от туземцев с дубинками. Какой же ты бог, если с тебя свисают лоскуты мяса, и ты истекаешь кровью. Страшно тебе, бог?

Богу не было страшно, он всё ещё не понимал того, что происходит в его смертном теле. Он не мог сосредоточиться и не успевал следить за всем. Сурийцы бились как машины, их боевые искусства создавались и оттачивались на протяжении сотен тысяч лет. Их единый организм, центром которого являлся их вождь, с разных углов выкидывал тяжелые посохи, увенчанные короной из сломанных алмазов. Их острые грани ломали и рвали тело Дэвана, даже его силы не хватало, чтобы уворачиваться в этом невероятном и стремительном танце. И поэтому он постоянно рвал дистанцию, убегал. Это особо не помогало, сурийцы читали всего его движения, меняли свой строй, блокировали варианты побега и снова зажимали его в ловушку.

Ослабшие от бесконечной борьбы руки Дэвана били по ним, но сурийцы были настолько крепки, что могли держать даже такие удары. Более того, пропустив несколько оплеух, их строй начал выставлять на пути безудержной силы бога свое острое оружие, или же сбивать его с ног, когда бог пытался ударить. Тело Дэвана извергало в этот мир свою страшную пасть, но словно чувствуя её приближение, сурийцы прыгали в стороны и разили его в спину. Единственное, что доставляло им неудобство, было стремительное крыло, украденное у Серафа. И бог, и эти сверхорганизмы могли провести в такой схватке много часов.

Но времени у безымянного бога не было. Пока он отбивался от стаи назойливых ос, остальные смертные что-то готовили для него. Он чувствовал — они пронесли в его укрытие нечто, ещё более холодное, чем тюрьма из которой он сбежал. Неизвестное чувство заполняло сознание Дэвана, мешая богу мыслить ясно. Гнев.

Вокруг становилось всё теплее. Хищная бездна, которую он всегда ощущал где-то рядом, теперь теплела и рвалась по швам. Ей не удалось поглотить огнекрылого Кезефа, и он тоже пытался сбежать.

Тех пятерых, что пытали его, он не видел. Они были скрыты, словно дымкой и мелькали перед смертными глазами Дэвана. Его сила не действовала, эти создания были отлиты из очень твердого камня. Кто создал их такими, что они могут указывать Богу?

Он ощутил спиной что-то совсем неприятное, даже по его меркам и на мгновение обернулся. Тело Дэвана было занято движением, и он не смог протянуть свою мысль и раздавить человека без лица, выпустившего в него чёрную стрелу из сияющего ярче солнца лука. Чёрная стрела неглубоко вошла в его кожу, и бог почувствовал в теле Дэвана кого-то ещё. Стрела оказалось червём, который быстро прогрыз себе путь и теперь впитывал его силу. Очень далеко, на горизонте, он почувствовал металлических птиц, как те, что больно ужалили его с неба. Они приближались.

Лиам не мог уследить за тем, что происходило, слишком быстро двигались нелюди.

Сегодня он чувствовал себя совсем другим, бесстрашным, веселым и ни о чем не жалеющим. Отличное время и место для нового рекорда. Распухшая рука достала из рюкзака горсть того, что он хотел сказать этому «богу», зарядила Айду и замерла, готовясь спустить курок. Только бы у него появился шанс.

И он появился. Уродливый, покалеченный паук, забрался через дыру в крыше, выждал момент и рухнул вниз. Это был последний прыжок Кальмии, оставшейся рукой она направила копьё вниз и рухнула на нечестивого. Её оружие вошло в тело Дэвана под ключицей, пробило его насквозь и пригвоздило на месте. Уродливое крыло Дэвана тут же снесло её голову и отбросило в стену.

Удары обрушились на попавшее в ловушку тело Дэвана. В груди у него образовалась дыра — ещё один враг, вступил в битву и бил его издалека. Его тепло казалось знакомым, будто бы бог уже прикасался к нему.

Следующий удар почти оторвал голову Дэвана от тела. Богу ничего не оставалось кроме как вцепиться руками в копьё ангела и вырвать его из своего тела. Он бы мог разить им врагов, но смертные научили его многому. Копьё раскалилось, покрылось трещинами, засияло и...

Вспышка. Оружие ангела взорвалось на тысячи осколков. Здесь и так было от чего умирать, но осколки? Он даже моргнуть не успел толком. Чёрт.

Лиам обнаружил себя в самом низу, на улице, в куче мусора и стекла. Больно не было, только странное ощущение холода. В груди, под сердцем, в руке и в бедре. Пробило жилёт. Вот теперь много крови, плохо дело. Судя по тому, что звуки боя почти прекратились — не только у него.

Пули и близко не забирали столько жизней, сколько забирали осколки. Персональная броня рассчитана скорее на них, чем на пули. Пули редко в тебя попадают, да и с ними тяжело сладить. Саму пулю остановить не проблема, но вот остановить её энергию, которая передалась в тело.... Ему сегодня чудом не раскроило череп, и то не факт, вполне возможно, без нейрохирурга в операционной, он умрёт чуть погодя.

Интересно, а этому парню сейчас тяжело останавливать пули? Он устал? Или только размялся. Вот бы была пуля, которую он бы не смог остановить.

Дышать стало тяжелее. Лёгкое задело. Куда там попала пуля с точки зрения чакр? Смешная какая теория... какая разница, какие чакры у него плохо работают, если он сейчас захлебнется своей кровью...

— Гадот вызывает Тару Джонс, — прокашлялся он в рацию. — Ты жива, Тара?

— Да... Да. Лиам, — услышал он среди помех голос.

— Тара. У меня вопрос.

— Я слушаю, — вокруг Тары было тихо.

— Почему у ангелов нет пушек? — с хрипами рассмеялся Лиам.

— Ты в порядке? — чуть забеспокоилась Тара.

— Нет, — честно ответил Лиам. — Я умираю. Есть идеи?

— Нет, Лиам. Нужно было эвакуироваться, — с задержкой ответила Тара.

Хм. Ангелам, и правда, удалось помять этого парня сильнее всего. Дикари с палками и мечами. Вот бы у них были пушки. Как же холодит этот осколок у него в груди, словно забирает из него жизнь. И бедро немеет так быстро.

Хуже не будет, долго он так не протянет. Вот и нож пригодится, хотя бы один достать.

Лиам, кряхтя, приподнялся, сел, достал нож, разрезал лезвием штанину и увидел

струйку крови. Ну, хотя бы артерия цела. Совсем неглубоко сидит, только подковырнуть его немного.

Кусочек метала вперемешку со сгустками крови прыгнул к нему в ладонь. Какой холодный и острый. Крохотный совсем, как пуля. Стоп. Пуля. Для каждого найдётся своя пуля.

— Тара, ты тут? — говорить и дышать становилась всё тяжелее.

— Я тут, Лиам. — странные интонации Тары всё-таки содержали в себе нотку беспокойства.

— Ты что-то там говорила про связь с космосом. Где точно находится эта точка, можешь мне сказать?

— В темени, чуть выше глаз, — ответила Тара.

— Отлично.

Лиам сбросил с себя тяжёлый рюкзак и высыпал содержимое у своих ног. Вот они, мои подарочки. Какой из вас самый лучший?

— Вызываю Кейба, — захлебываясь кашлем, обратился Лиам в рацию.

— Сейчас не самый лучший момент, — его голос дрожал, на заднем фоне гремели выстрелы.

— Какая пуля двенадцать и семь самая тяжёлая?

— Та, которая с самым длинным носиком, притупленная, — Кейб растворился в помехах и выстрелах.

Вот и она. Правда, тяжёлая. Руки уже не жалко. Левой он взял осколок между пальцев, и с размаху ударил сверху пулей. Только бы не рванула. Больно. Как и ожидалось, мягкий свинец обнял осколок небесного копья — оно было несоизмеримо твёрже. Почти по центру. Повлияет на траекторию, поэтому нужно подойти поближе, в упор. Сотрясение всего тела вызывало в нём новый приступ кашля.

Трясущимися руками Лиам зарядил Айду. Наверх он уже не взберётся. Мучительно долго он полз вдоль здания к той дыре, которую проделало тело Ями, к тем камням, на которых до сих пор осталась её кровь. Надеюсь, ничего не почувствовала. Может, у неё был такой же первый раз, как и у Лиамы. Не была страха и понимания, только азарт и желание себя проявить. Адреналин и бравада. Хорошая смерть, если так, лёгкая.

Он не пешка, которой нужно лежать на доске, он дойдёт до края доски. За те несколько минут, что Лиамы не было, многое изменилось. Аватар обрел второе дыхание, перестал напоминать разделанную тушу и перестал мельтешить. Упивается собой, мерзкий ублюдок.

Сурийский принц стоял ближе всех ко взрыву. Его гвардия среагировала вовремя и приняла на себя основной удар. Винни лишился только руки, но не силы духа.

Он поднялся и снова бросился в неравный бой. Символ его власти обрушивался на то, что было Дэваном, и с каждым ударом этот «бог» приближался к тому моменту, когда он упадёт на колени перед смертным.

Осколки копья Кальмии были и в Дэване, жгли холодом его изнутри, всё больше напоминая о месте, откуда он смог сбежать. Он не может проиграть смертным, они лишь оттягивают неизбежное. Муравьи, кусающие руку, которая не причинит им зла, а накормит и перенесет в безопасное место. Глупцы.

Сурийский принц дрался за свой титул больше десяти тысяч раз. Из костей поверженных им иноземцев в его честь сложили храм, самый большой в их мире. И теперь, в далеком краю должна была пролиться последняя капля его крови. Он умрёт так же, как и

жил — бросив вызов всему, что желает убить его род. Но первым земли должен коснуться его враг.

Сурийский принц выдохнул и замер. «Кха-а-а». На их языке это означает «смерть». А «смерть» означает, что он был слишком слаб, но тот, кто будет после него, обязательно окажется сильнее. Таков цикл, слабые падут, сильные возвысятся.

Крыло Серафа пробило сурийца насквозь и потащило к богу, чтобы он мог взглянуть в глаза отважного воина и прервать его бессмысленную борьбу.

Этой развязки ждал отряд контрмагии. Они не могли применить свое оружие, пока принц был жив или не покинул бой. Много чего они приготовили для бессмертной сущности. Жуткий паразит-демон Найгелия, при захвате которого погибло раз в десять больше людей, делал свое тёмное дело. Ему предали форму стрелы и Штрасс, никогда да этого не стрелявший, смог поразить цель из лука, которой когда-то принадлежал самому великану Индре. Но паразита надолго не хватит, он напитается жизненной силой до краев, не сможет остановиться, ослепнув от жадности и взорвётся.

В Секретном Архиве таилось множество артефактов и созданий с куда более мрачной историей, чем развивалась сейчас. Только лишь страх сорвать печати и выпустить зло в мир останавливал их. Магия никогда не решает проблемы, лишь создает их. Истинной целью Магического Отдела было никогда не выпускать её...

Штрасс освободил из ткани зубастое лезвие, размером больше него и кивнул жрецу. Покрытый потом, краснокожий Иквас с огромным усердием держал то, что было внутри демонического клинка, и вот-вот должен был выпустить его силу.

Лиам не видел этого. Его поле зрения сократилось до узкого туннеля. Нет смысла искать укрытие, это уже не важно. Не хватает воздуха. Он тебе и не нужен. Считай, что ты уже задержал дыхание. Сердце не успокоить, нельзя промахнуться. Всего десять метров. Такая смешная дистанция, и так тяжело держать Айду. Кто, если не он?

Лиам лёг на пол, подтянул винтовку, расставил ноги. Его взгляд зацепил босые и грязные ноги Омара. Мальчик поднял свой пистолет и направил на аватара.

Сурийский принц смотрел в глаза бога, пока голова Дэвана высвобождала гигантскую пасть. Лиам плавно надавил на спуск и Айда крикнула. Подгоняемый бездымным порохом, небесный металл покинул её чрево и с ужасающей скоростью пробил голову Дэвана.

Бог содрогнулся, словно его ударили плетью. Всего на миг он замер. Суриец не ждал этого, у него был свой план. Никогда он ещё не показывал в бою свою слабость и не сдавался, никогда не притворялся побеждённым, чтобы ударить исподтишка. Но сегодня он должен преодолеть свою гордость.

Рука его напряглась, ушла в сторону и со всей силой, на которую только был способен могучий принц, обрушила жезл на голову «бога». Впервые за их схватку нити крови и змеиные мышцы не удержали конечность бога от отделения. Суриец напряг свои лёгкие и издал победный клич. «Кха-а-а» прошептал он, когда тело Дэвана покинула жизнь.

Но Лиам этого уже не видел.

Медитация VIII. Смерть

Его глаза упёрлись в пыльный бетон и самый краешек приклада Айды. Он сделал всё что мог. Дышать становилось всё труднее, лёгкие наливались свинцом, во рту чувствовался вкус крови, она тонкой струйкой стекла вниз и прибывала к земле пыль, поднятую сражением. Паники не было, тело расслаблялось. Лиам снова тонул...

Мама отвернулась лишь на секунду. Лиаму даже в детстве не доставало страха. Он встал на самый край качелей и раскачивался, насколько хватало сил. Вперёд. Назад. Вперёд. Назад.

Качелям надлежало сделать полный круг. Совсем новенькие — только высохла краска. Они гуляли в парке, который закончили строить накануне. Ни маленький Лиам, ни его мама не знали, что эти качели были просто зарыты в землю. Конструкцию необходимо было залить и прочно закрепить в грунте, но у строителей кончился раствор, они устали и решили доделать работу завтра.

Когда качели достигли зенита, инерции их хватило, чтобы ножки вырвались. Их движение вдруг прекратилось, Лиам выбросило, ударило о землю, он не успел ничего понять и почувствовать боль. Конструкция накренилась и упала на него сверху.

Хорошо, что он потерял сознание и не запомнил крик матери. Удар пришёлся ему на голову, лишь чудом он не погиб на месте.

Он снова был в той палате, только что очнувшийся, маленький и не понимающий, где он, и что происходит. Мама была рядом, её лицо было бледным, тревожным и на нём ещё не отобразилось осознание того, что теперь всё будет хорошо. Она провела в больнице восемь дней, не отходила ни на шаг, пока её ребёнок был в коме.

Её руки обнимали Лиам, она шептала: «мой малыш!», её волосы падали на лоб, и он, наконец, вспомнил её запах и её лицо. Мама.

— А ты куда собрался? — кто-то перевернул его, перед глазами осталась лишь полоска света и обрывки знакомого голоса. — Твоя смена закончится, когда я скажу, агент Гадот! Сейчас вколем тебе консервантик и поедем. Вот так. Не забывай дышать и делай это почаще, мать твою! И зрочки свои собери в кучу, смотреть страшно. Не изображай мне тут агонию! Агония — это мои отношения с женщинами. Я буду качать тебя, и держать тут, пока не придумаю тебе хотя бы достойное оскорбление вместо твоего тупого англосаксонского имени, хренов ты наркоман. Давай же, щенок, дыши, я с тобой ещё не закончил! Кто будет меня терпеть? Мне теперь нужно два человека, твою мать! Медик! МЕДИК!

Голос Йована становился всё менее различимым, Лиам отдалялся от своего тела и от всех этих ощущений. Падал в колодец, полный тёмной и мутной воды. Больно не было, только кто-то давил на его ребра со всей силы и было слышно внутри, как они трескаются. Ничего страшного.

Издали доносились голоса, шум, крики, суёта. Неужели борьба всё ещё идёт? Сколько можно? Почему не настаёт тишина? Удары в грудь прекратились. Да, хватит уже, всё в порядке. Думал, будет страшнее и... больно. словно музыка затихает и медленно переходит в тишину. Как тот альбом старого и грустного джаза, который он слушал у одной из своих девушек между командировками. Так спокойно. Что будет дальше?

А дальше была здоровенная, декомпрессионная игла, пробившая его тело под ребрами. Он почувствовал каждый её миллиметр. Кровь больше не давила на легкие, боль

возвращалась вместе со звуками, дырявым высоченным потолком и сосредоточенными мутными лицами.

Сердце неприятно сжималась, когда серб всем весом давил на него. Всё его тело снова кричало в панике и не хотело умирать.

— А-ха-хах, — задрав голову, смеялся серб. — Вот так, крепкий ты мудила!

Лиам снова был тут. По нему словно грузовик проехал. Медики копошились над ним, сняли с него жилет, разрезали одежду и пытались сделать так, чтобы он пережил этот день. Его сердце так устало, оно вжималось куда-то в угол груди, когда в него раз за разом разряжали дефибриллятор.

Ещё удар. И вдох. Насильственный. словно ему в лёгкие выливают кипяток, он жжёт при каждом вздохе, колыхается и хлопает внутри.

Зрение сфокусировалось. Суриец стоял на коленях, всё ещё был жив и прикован к Дэвану. Немигающий взгляд последнего из его зрачков, следил за тем, что делали с Лиамом. В тот момент он думал, какие люди хрупкие в сравнении с ними. И это хрупкость ничто, в сравнении с силой воли, что заставляет эти хрупкие создания разбиваться об таких титанов, каким являлся их враг. И побеждать.

Над сурийцем нависла Бекки, она рыдала и сыпала матом на медиков, они понятия не имели, как спасти громадную инопланетную ящерицу. Под её криками спасатели пытались отпилить уродливое "крыло", пронзившее важного гостя. Взгляд её метался между Лиамом и самым дорогим из её проектов, она не могла потерять обоих.

— Ты как дополз-то вообще? — сжимал его руку Йован. — Я больше никогда не отдам тебя этой сучке. Ты молодец, малой, держись, скоро мы вытащим тебя отсюда и увезём в хорошее место, где тебя подлатают. Вот, поверни голову, смотри, больше такого никогда не увидишь!

Лиам смотрел. В тело Дэвана забивали странные железнодорожные кольца, покрытые магическими письменами, его тело резали клинками необычной формы, распыляли на него огонь, окропляли кислотой и читали над ним слова на неизвестных языках. Пока от тела, которое занимал бог, не остались лишь черные комки пепла. Их заворачивали в белые тряпки, складывали в каменные коробки и грузили в ящики, расписанные причудливой вязью.

— Они раскидают останки этого ублюдка по всей Цепи, в океанах, трясинах и вулканах так, что он больше никогда не соберётся в кучу. И не дадут ему сбежать туда, откуда он пришел, и повторить всё снова. Прикуют его цепью к телу, сделают его могилой. Так он и будет гнить до конца всего сущего, если магические печати выдержат. На несколько веков точно хватит. Надеюсь, он всё это будет чувствовать. А мы избавим этот мир от всех, кто его помнит. Всё кончилось, приятель, мы победили. Ты это увидел, ты сделал достаточно.

Голос Йована стал слабеть. На этот раз, на сербе не было и царапины. Это хорошо. С ним всё будет в порядке. Лиам снова погрузился на глубину, и его сердце снова сжимали, чтобы он не остался там навечно.

Темнота. Айда тогда позвонила ему. Лиам вернулся из третьей командировки. Они похоронили Бенисио месяцев шесть назад. Её голос снова звенел, как будто ничего и не случилось. Они говорили несколько часов, шутили и смеялись, она не была грустной или потерянной. Она хотела вернуться к танцам, собиралась отдать машину в сервис и жаловалась на работу.

Потом Лиам вспоминал, что с ней что-то было не так. Винил себя в том, что не заметил.

Отказался проехать два часа на машине и погулять с ней, слишком устал с дороги. Дурак. Надо было сорваться. Может быть, ничего этого и не было бы.

Она тогда спросила, как умер её муж. Лиам впервые рассказал ей, почему его похоронили в закрытом гробу. И ещё он рассказал, каким Бенисио был морпехом и другом. В конце она плакала, и Лиам решил, что ей легче.

Ранним утром перед ним снова загорелся номер Айды. Он поднял трубку, но на том конце был мужской голос. Такой спокойный и отчуждённый, словно это был далеко не первый такой разговор. Голос попросил назвать Лиама своё имя и рассказать, кем он приходится Айде. И потом он сказал, что Айда мертва. Выстрелила себе в голову из пистолета Бенисио. Голос спросил Лиама, как найти её родственников. Но у неё и не было родственников. Так пусто стало внутри, словно лампочку выкрутили.

Лиам всё-таки поехал к ней. Это он смотрел на её тело в морге, такое странное и не похожее совсем на Айду лишённое чего-то. Но... он сказал им: «Это Айда». Он организовал её похороны рядом с мужем, и пытался что-то выдать из себя на её поминках, но не смог. Айда и не знала, сколько друзей и морпехов придёт проводить её в последний путь. Почему она так поступила?

Тогда, после похорон, он в первый раз явно ощутил в себе темноту. Какая-то часть его хотела оказаться в холодной земле рядом, потому что не было никакого смысла продолжать то, что есть сейчас. Он смотрел на её могилу и думал об этом. Он совсем один и всегда будет один. Делает что-то, пытается как-то распорядиться своим временем, чего-то добиться, но это всё ничего не приносит. Ничего в нём уже не шевелится, будто бы он и сам замер, и у него самого внутри не хватает чего-то.

Он нёс эту ношу всю четвёртую командировку, и она становилась всё тяжелее, всё больше захватывала пространство внутри него. То, что происходило вокруг, не делало его живым, уже больше не заставляло чувствовать страх за себя или переживать за других. Вещи просто происходили, и он наблюдал их. Да. Был момент, когда он хотел всё это прекратить. Не хватило духу приставать к виску пистолет, когда он остался один в казарме в годовщину смерти Бенисио. Но хватало духу вставать в полный рост под огнём снова и снова, лезть в пекло, куда другие боялись, всем сердцем желая, чтобы одна из пуль угодила в него. Если его не будет, то и ничего уже не будет.

Эти мысли он похоронил в себе, но они путешествовали вместе так долго, что оставили свой отпечаток. Он думал, что будет бороться за жизнь всеми силами, хотя бы просто из принципа. Потому что он морпех. Но теперь темнота не отступала, как бы он не хотел, полоска света всё отдалялась, пока не скрылась за горизонтом, и пока Лиам не растворился в этой темноте.

Из темноты его вырвал свет. Не такой тёплый, как он ожидал. В конце тоннеля... А холодный и безжизненный электрический свет.

Тело было очень лёгким, невесомым. Из ощущений только холодок по спине. От металлического стола в морге. Он мёртв. Но неужели задержится тут?

Лиам поднялся и ступил на пол. Он был готов коснуться прохладного кафеля, но его босые ступни утонули в чёрном песке.

Призрак? Или в чистилище? Обломок последней комнаты из *того* мира посередине темноты. Где выход?

Он услышал голос. Вдалеке белыми и мутными колеблющимися пятнами стояли три

фигуры. Он сразу узнал их. Пёс, Старейший и Уна.

— Я видел сон, — раздался в голове у Лиам гулкий голос Старейшего, тот говорил не раскрывая рта. — Вокруг безжизненные скалы. Даже небо состоит из острых и тёмных камней. В лабиринте, где нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева, ни времени, мечется Жнец. Тот, что был нам отцом. Голод поглотил всю его суть. Ничего не осталось. В безмолвной и звенящей тишине он ищет и ревет.

— Что мне сделать? — беззвучно ответила Уна, с тревогой оглядываясь в тёмноту, словно пытаясь разглядеть Лиам.

— Тёмный вызывает к нему. Если Жнец ответит на зов, наша линия прервётся. Сквозь тысячи миров я вижу это. Скоро он почувствует нашу кровь. Жнец не должен найти выход. Иначе он пожрёт нас всех. Даже ты не сможешь остановить это, Дитя Мира.

Пёс стоял чуть поодаль, Лиам чувствовал, что он злится. Пёс не понимал мёртвый и древний язык. В голове Пса рождались лишь образы, и они не находили ничего общего с тем, что он знал о мире. Но таково было его место. Словно гора, он нависал над Старейшим и его гостей. Рука его почти восстановилась.

Пёс рвался с цепи. Он хотел оторвать голову предателем, имя «Реверди» так и вилось в его голове.

— Дитя, — обратился к нему Старейший, звуки из его рта были глухими, скрипучими и тихими. — Наш род под угрозой. Самой страшной, что мне знакома. Ты самый верный и сильный из моих детей, но я не могу просить тебя.

Пёс лишь уважительно склонил голову, слова уже давно были не нужны ему.

— Дитя Мира, тебя тревожит что-то ещё? — спросил Уну Старейший. — Твоё сердце такое огромное... Смертные сами справятся, они сильнее, чем когда-либо. То, что происходит наверху, нас не касается.

— Нет. Меня тревожит призрак из прошлой жизни. Я больше не вижу его среди живых, — кровавая слеза скатилась по щеке Уны, но она ответила твёрдо. — Я помню, кто я. Жнец никогда не покинет свою тюрьму, наша линия не прервётся, клянусь тебе. Да озарит свет твою душу.

— Разорви Связь, чтобы Тёмный не услышал тебя и то, что ты хочешь сделать. Прощай, Дитя Мира. Спасибо, что ты коснулась меня.

Старейший поклонился и снова застыл. Лиам увидел, как перед ним раскрывается бесконечный лабиринт чёрных зеркал. Сосредоточие всех мыслей, чувств и знаний бессмертных. Старейший ходил по этому лабиринту уже вечность, заглядывал в каждый уголок. Среди видений и снов он искал кошмары — признак надвигающегося на них вырождения.

Уна снова огляделась, скрыла лицо саваном и шагнула в тёмноту, и там её уже не было видно. Пёс поклонился и последовал за ней. Лиам услышал его мысли. «Ни одна капелька зла не коснется её кожи, пока Пёс будет рядом. Словно маяк во тьме она светит, когда начинаешь видеть.» Никогда Пёс не встречал подобных бессмертных. Пахнувших жизнью и смертью одновременно.

Всё трое скрылись и Лиам остался один. В его ноздри ударил знакомый и удушливый запах. Сигара Бенисио. Вот и всё. Пора идти дальше.

Он мог закончить это воплощение очень плохо, скатиться к самому дну, но выдержал всё. Душа должна развиваться, и она не может делать это в комфортных условиях. Вот почему мир кажется нам таким несправедливым. Чтобы стать лучше, нужен разный опыт:

кто-то должен родиться и сразу же умереть, кто-то болеть и страдать, кто-то сражаться на войне, убивать и быть убитым. Боль очищает нас, словно пламя, и делает лучше, раскрывает перед миром дороги нашего сердца.

Кому-то ещё рано двигаться вперёд, его ждёт отдых в богатой семье, со щепоткой удачи за пазухой. Кто-то будет падать на самое дно, стремиться к абсолютному злу, ведь у мира должны быть полюса, чтобы он двигался. И вечно они будут сходиться между собой. Так мир будет идти к высшей точке своего развития. В конце все они станут едины, окажутся очень близко друг к другу и спустя вечность, их снова раскидает в разные стороны маленькими частичками. Чтобы снова они тянулись друг к другу и собирались в более совершенные формы. Этот цикл Дыхания будет продолжаться вечно и чтобы мы не думали, он пропитан Любовью.

Теперь он благодарен за всё, что с ним было. За то, что в его жизни появились люди и не совсем люди, которые столкнулись с ним, словно с кометой, летящей на солнце, и сбили его траекторию. Теперь перед ним была вся Вселенная. Он стоял где-то посередине, между бесконечностью, что ждала его впереди, и бесконечностью, что он уже прошёл.

Ноги оторвались от песка, и его понесло вперёд. Пространство вокруг заполнялось светом, чёрный песок сточился ветрами вечности.

Лиам оказался в зале из белого мрамора. Он сидел на самой верхней трибуне, среди людей с бледной кожей, в причудливых цветастых одеждах. Они кричали и спорили на незнакомом языке. Их движения были то плавными, то рваными, неестественными. Напряжение нарастало.

И вот они замолчали. Обнажили короткие мечи и бросились друг на друга, словно дикие звери. В самом центре они должны были сойтись, но в последний момент их лезвия пронзили фигуру, закутанную в саван. Уна встала между ними. Приняла на себя удар. Мечи выпали из рук и бледнокожие упали перед ней на колени.

Он вспомнил. Не эту сцену, а многие другие, при его другой жизни. Уна не была его половиной. Он всегда был единым целым. А она была степенью, в которую нас только может возвести другой человек, делая чем-то большим, чем мы изначально можем представить себе в своих самых смелых и безумных мечтах.

В этот раз она говорила так мало, потому что им уже давно не нужны были слова. Надо было просто вспомнить. Смерть разлучит их в этом или в других мирах, но они обязательно встретятся снова. Они связаны, и природа этой связи лежит вне доступных им категорий.

Но теперь время идти дальше. Лицо Уны и зал из белого мрамора стёрли, словно мел с доски.

Лиама несло дальше. Стал слышан низкочастотный гул. Вдалеке замелькали вспышки. Человек, высеченный из чёрного камня, схватился с жутким созданием, увенчанным короной из ветвистых рогов. Он пытался утащить чудовище обратно в темноту, но слабел.

Лиам услышал крик, полный ужаса. Молодая девушка тонула в тёмной и холодной воде. Лиам хотел протянуть к ней руку, но его потащило дальше. Видения мелькали перед его глазами с ужасающей скоростью.

Его протащило мимо Тары, она проводила его взглядом, стоя на горе из костей и черепов.

Бездомный с босыми ногами, покрытый потом, напуганный чем-то зловещим, отчаянно пытался снова разжечь костёр.

Фиолетовый саван под порывами ветра пронёсся мимо и выгорел.

И на этом его стремительное движение прекратилось.

Лиам смотрел на белую ручку обшарпанной двери его детского шкафа, вросшего прямо в скалу. Осталось только дернуть её, открыть дверь и сделать шаг.

— Войди, — услышал шёпот, принесённый порывом ветра.

И голос и виденье растаяли в темноте. Лиам застыл. Впервые за время его путешествия, в своей груди он почувствовал нарастающий стук сердца.

Кто-то сжал его руку. Лиам опустил взгляд и увидел Омара. Он улыбался умиротворённо и нежно. Темнота объала их со всех сторон. Время протекало сквозь них спокойной и безмятежной рекой.

Мальчик потянул его за собой. С каждым шагом тело Лиама становилось всё невесомее, а его мысли уносило вдаль, словно воздушные шарик.

Они шли долго, но сердце стучало всё сильнее и его удары уже били по вискам, отдавали болью и придавали тяжесть телу. Омар вдруг отпустил его руку, оказался впереди и повернулся к нему лицом. Лиам остановился. За спиной послышался тихий голос Йована.

Вдалеке мелькали молнии, и они выхватывали из темноты полотно событий неясных и далёких. Голос серба звучал всё настойчивее, а Омар больше не улыбался.

Темнота вокруг заполнялась звуками. Стуком его сердца, выстрелами, криками инструкторов, шутками Йована, голосом Уны, неясными шёпотами и чудесной, но грустной песню. Омар сделал шаг вперёд, от Лиама, и их разделило, словно поверхностью мутной и тёмной воды. Омар шёл туда, где не было боли. А там где остановился Лиам она была, но не только она... Вот бы сигарету. Всё так спуталось...

Больше книг на сайте — Knigoed.net